

ГУБЕРНСКІЙ ДОМЪ

КОСТРОМѢ
850
ЛѢТ

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ

ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1-2 (47-48)

2002

Этот тематический номер «Губернского дома» называется «Кострома мастеровая и культурная». Он продолжает рисовать картину жизни Костромы, начатую в предыдущих журналах, – «Кострома историческая» и «Кострома торговая». Картина получается цельной, ибо все в жизни города было взаимосвязано: одни люди создавали культурные ценности, другие на них жертвовали, третьи их хранили и берегли, хотя многое, увы, в прошлом веке было утрачено. Но даже то, что осталось, что возрождается вновь, напоминает нам о том, какое богатство сосредоточено в Костроме и как важно им правильно распорядиться.

Глава 1. Город мастеров

Костромские ремесленники, изобретатели и умельцы XVII-XX веков.
Продолжение добрых традиций в наше время.

Глава 2. Народная культура

Костромские обычаи и обряды. Праздники в Костроме.

Городской фольклор, городская речь.

Глава 3. Театр, кинематограф, цирк

Из истории зрелищных заведений в Костроме. Театр старый и современный.

В городе снимается кино.

Глава 4. Библиотека и музей

Обывательская книга Костромы. Начало музейного и библиотечного дел.

Народная читальня и кустарный музей. Библиография о Костроме.

Глава 5. Музыкальная жизнь

На гастроли в Кострому. Первая музыкальная школа. Город в песнях.

Глава 6. Художественная жизнь

Кострома в жизни и творчестве некоторых художников прошлого. Тема города в творчестве современных авторов. Муниципальная художественная галерея.

Глава 7. Литературная жизнь

Путеводитель по литературной Костроме. Городская писательская организация.

Творчество костромских писателей.

Глава 8. Документы и публикации

Мастеровая и культурная жизнь Костромы в архивных документах и газетных публикациях прошлых лет. Из дневника И.А.Дедкова.

Учредитель — администрация Костромской области.

Попечители: областной государственный архив,

Костромское епархиальное управление, Костромской областной фонд обязательного медицинского страхования, объединение «Костромакурорт», областная научная библиотека, историко-архитектурный музей-заповедник.

Журнал зарегистрирован региональной инспекцией (г. Тверь).

Регистрационный номер Т-0162.

© «Губернский дом». Использование и перепечатка материалов только при уведомлении редакции.

Фото Алексея Алядинова.

Высоко в небо устремились купола и башни седого Ипатия, сделанные руками талантливых мастеров. Само культурно-духовное пространство этого и других исторических мест Костромы тревожит память и воображение. Вдруг откроются врата древней обители, и оживут лица и голоса ушедшего времени...

БОГАТСТВО ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ

Юбилейное празднование 850-летия Костромы побуждает нас вспомнить не только о том историческом пути, который за истекшие века прошел этот древний город, с давних времен именуемый богохранимым. Жизнь народа неотделима от судьбы его святынь, и история Костромы открывается перед нами прежде всего в неисчерпаемом богатстве духовного наследия, с любовью собиравшегося и приумножавшегося многими поколениями наших благочестивых предков.

Почти восемь столетий пребывает в Костроме чудотворная Феодоровская икона Божией Матери, обретенная в XIII веке первым костромским удельным князем Василием Ярославичем, младшим братом благоверного великого князя Александра Невского. Образ Пресвятой Богородицы, особенно почитаемый как покровительствующий семейному благополучию, воспитанию детей и юношества, чудесно сохранялся и в огне опустошительных костромских пожаров, и в охватившем все наше Отечество в XX столетии вихре богоборчества, неверия, гонений на Церковь Христову. Именно на Костромской земле, в стенах Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря, перед ликом этой всероссийской святыни в 1613 году началась трехвековая история Царственного Дома Романовых. Недавно, в мае-июне 2001 года, Феодоровский образ Божией Матери впервые посетил град Москву, и многие тысячи жителей первопрестольной российской столицы поклонились иконе Царицы Небесной – покровительнице Костромского края.

«Не стоит село без праведника, а город без святого», – гласит народная мудрость. Православные костромичи благоговейно чтут память основателя Богоявленского монастыря преподобного Никиты, святые мощи которого покоятся в подклете Богоявленско-Анастасиинского кафедрального собора. В XIX веке настоятелем Богоявленского монастыря и ректором Костромской Духовной семинарии был преподобный архимандрит Макарий (Глухарев), впоследствии ставший выдающимся миссионером, просветителем Алтая. Древний город на великой реке Волге посещали последние представители Дома Романовых, прославленные ныне Церковью в лике святых: преподобномученица Великая княгиня Елисавета Феодоровна, царь Николай Александрович, царица Александра Феодоровна, их святые дети – цесаревич

Алексий, Великие княжны Ольга, Татиана, Мария и Анастасия. Из стен Костромской Духовной семинарии вышли на свой исповеднический подвиг новомученики российские, пострадавшие за Христа в скорбном для Церкви и Отечества XX столетии: священномученик Василий, епископ Кинешемский, и священномученик Никодим, архиепископ Костромской и Галичский. Архиепископ Никодим, управлявший нашей епархией в 1932–1936 годах, стал первым святым новейшего времени, прославленным Церковью на Костромской земле.

Последние годы были ознаменованы многими событиями церковного возрождения, вошедшими в историю нашего города. Восстал из руин запустения Богоявленско-Анастасиин женский монастырь, возобновились богослужения в нескольких костромских церквях, открылись и создаются новые храмы; с недавнего времени украшением набережной Волги вновь является колокольня Знаменской церкви. Во взаимодействии со структурами административной власти Костромская епархия продолжает работу по приданию уникальному памятнику церковной архитектуры и российской государственности – Свято-Троицкому Ипатьевскому монастырю – его прежнего духовного значения. Однако следует помнить, что восстановлением поруганных и созданием новых святынь многогранное поле деятельности, открывшееся перед Русской Православной Церковью в конце ушедшего XX века, не исчерпывается: по слову Святейшего Патриарха Московского и

всё Руси Алексия II, «намного более важно созидать храм человеческой души». Развитие религиозно-образовательного и благотворительного церковного служения, помощь скорбящим и нуждающимся, попечение о нравственном воспитании детей и молодежи – вот тот путь, по которому нам в сотрудничестве со всеми людьми, неравнодушными к делу духовного возрождения Отечества и на-

В.А.ШЕРШУНОВ,
глава администрации
Костромской области

ГОРДОСТЬ - ЧУВСТВО СОЗИДАТЕЛЬНОЕ

Огромная созидательная, творческая энергия содержится в историческом, культурном наследии жителей костромской земли. Уверен, об этом всё чаще задумывается каждый из нас по мере приближения славного юбилея – 850-летия Костромы. Это знаменательное событие – хороший повод не только для благодарного взгляда в прошлое, но и для серьезного разговора о нашем сегодняшнем дне, а также и завтрашнем.

За восемь с половиной веков (будем считать, что историк Татищев прав и Кострома не старше обозначенной им даты) историческая судьба уготовила нашему городу немало как славного, так и горестного, были у него и взлеты, и падения. Входила Кострома с прилегающими землями в Ростово-Суздальское княжество и возвышалась до уровня стольного града, утверждалось здесь наместничество, а затем более столетия был центр обширнейшей губернии. Но суть всё же не только в административных границах и статусах. Суть ещё и в том, что на протяжении веков на определенной территории сложилась определенная, самобытная общ-

шей малой родины, древнего града Костромы, предстоит следовать в третьем тысячелетии благодати Божией.

Выдающийся костромской священнослужитель и историк родного края протоиерей Петр Островский в 1864 году, обращая мысль к словам пророка и псалмопевца Давида «Если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж» (Пс. 126, 1), писал:

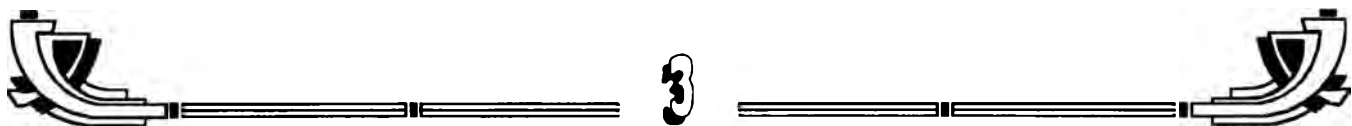
«Судьба Костромы, охраняемой Вышним Промыслом, чрез дарованную ей благодатную помощь в лице чудной иконы Богородицы тесно соединена с судьбами нашего Отечества». Пусть же и в последующие годы и века благословение Божие и милость Царицы Небесной пребывают над нашим древним городом, славным в истории Православной Церкви и государства Российского!

ность людей, имеющая свой неповторимый колорит, крепкие исторические корни и живые, сближающие традиции. Имя у этой общности гордое и звучное – костромичи. Это о них выдающийся русский философ и богослов П.Флоренский писал: «... нет во всей России, а может быть, на земном шаре никого более коренного по вкусам, по укладу, по организации души, чем костромичи». И это отнюдь не только констатация социологи-

ческого факта в конкретном отрезке времени, это завещание нам, ныне живущим на этой земле.

Общеизвестно, что костромичи внесли неоценимый вклад в становление и развитие российской государственности, национальной культуры и науки, производительных сил России. Упразднение Костромской губернии большевиками после революции было ошибкой и диктовалось прежде всего идеологическими мотивами, попыткой стереть с карты страны «колыбель русского царизма». Однако время показало, что игнорировать исторический опыт народа – дело бесперспективное. Воссоздание Костромской области как самостоятельной административно-хозяйственной единицы вновь помогло в решении многих сложных задач государственного строительства и развития региона. После 1944 года, вплоть до конца семидесятых, в Костроме (а следовательно, и в области) происходили огромные позитивные изменения, и это тоже факт очевидный. Поэтому значение Костромы как центра исторически и экономически сложившейся, обособившейся тер-

ритории России трудно переоценить, а отрицать это – значит, идти наперекор здравому смыслу.

Мы должны быть ответственными и рачительными хозяевами своего города, достойно распоряжаться своим богатейшим историческим и культурным наследием. Не ссылаться на объективные трудности и не ждать помощи извне, а настойчиво работать над укреплением экономики города, не бороться за чистоту, а подметать и не мусорить, хранить как зеницу ока все лучшее, что пришло к нам из глубины веков, и уметь, извините за прямоту, извлекать из этого выгоду.

Б.К.КОРОБОВ,
глава самоуправления
г. Костромы

СОХРАНИТЬ И ПРИУМНОЖИТЬ ТРАДИЦИИ

Кострома – один из самых древних и красивейших городов России с богатой многовековой историей, насыщенной событиями.

Город внес заметный вклад в становление и развитие российской государственности, духовности и культуры. На протяжении веков здесь успешно торговали, возводили прекрасные храмы, героически отражали нашествие врагов. Кострома взрастила великих ученых, поэтов, мастеров архитектуры и зодчества.

Так случилось много веков назад, что Кострома, расположившись на пересечении торговых путей, стала одним из центров Руси, хранительницей исторических и культурных традиций нашего народа.

Сегодня Кострома не толь-

У Костромы сегодня солидный промышленный потенциал, она занимает выгодное географическое положение, связана с центром страны надежными транспортными артериями. Все это дает благоприятные возможности для привлечения инвестиций на развитие как в отраслях материального производства, так и в гуманитарной сфере. И то, и другое давно и стабильно могло бы обеспечить, например, туристический бизнес, ибо Кострома обладает множеством действительно уникальных исторических, культурных, природных памятников – подлинных жемчужин в блистатель-

ном ожерелье Золотого кольца России.

Городское сообщество – это единый живой организм, у которого должен быть естественный интерес к саморазвитию. Давайте в канун нашего юбилея посмотрим на себя как бы со стороны – все ли мы делаем для того, чтобы быть достойными своих предков, прославивших Кострому на многие века вперед?

Гордость за свою малую родину, как и за все Отечество, – это чувство, предполагающее прежде всего активное созидательное действие. Так что будущее Костромы – в наших с вами руках, уважаемые земляки!

ко туристический центр, который привлекает внимание многочисленных любителей древнерусского зодчества. Это город, где умеют и любят трудиться, где гордятся славными делами предков и бережно хранят их бесценное культурное наследие.

Любому новому поколению жизненно необходимо знать и помнить историю и культуру родного края. Это наши корни, наше национальное богатство. Немногие города имеют столь почтенный возраст – восемь с половиной веков. И это тоже предмет для нашей гордости.

Русские мастера сумели создать город уютный и удобный для жизни, раскинув его на берегах Волги. И наша общая забота – сохранить традиции и приумножить их. В год юбилея это особенно актуально.

Я поздравляю всех читателей журнала «Губернский дом» с наступающим 850-летием нашего любимого города. Желаю вам благополучия, счастья и крепкого здоровья!

КОСТРОМСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

ГОДЫ И ЛЮДИ. XVIII-XX вв.

1729 г., 20 февраля – в Костроме родился Ф.Г.Волков, основатель русского театра.

1741 г., декабрь – родился С.А. Воротиллов, зодчий, автор торгового центра Костромы.

1746 г., 29 января – в Костроме родился И.К.Васьков, краевед, писатель, автор первой печатной книги о Костроме.

1786 г., 13 ноября – в Костроме родился П.В.Голубков, меценат-просветитель. 24 ноября – родился Н.Ф.Грамматин, поэт, переводчик «Слова о полку Игореве», директор Костромской гимназии.

1789 г., 23 декабря – в Чухломском уезде родился К.И.Арсеньев, ученый, писатель, один из учредителей Русского географического общества, автор первых учебников по географии и статистике. Учился в Костромской духовной семинарии.

1792 г., 27 февраля – в Галицком уезде родился Ю.Н.Бартевев, педагог, писатель, в 1819-1933 гг. был директором Костромской гимназии.

1794 г., 2 ноября – в Нерехтском уезде родился М.Я.Диев, краевед, священник, автор книг по истории Костромы. Учился в Костромской духовной семинарии

1795 г., декабрь – в Костроме родилась М.Д.Львова-Синецкая, актриса, «краса и слава русской сцены».

1797 г., 22 декабря – в Костроме родился Ф.А.Голубинский, философ, профессор, автор многих известных трудов по богословию

1798 г., 26 августа – родился П.И.Фурсов, архитектор, автор проекта пожарной каланчи, га-

уптвахты и других исторических зданий в центральной части Костромы.

1805 г., 6 января – в Костроме родилась А.О.Ишимова, писательница, автор знаменитой «Истории России в рассказах для детей», последний адресат А.С.Пушкина. 2 августа – в Костромской губернии родился Н.Г.Чернецов, художник, автор работ о Костроме, о Волге.

1811 г., 11 марта – в Костроме родился Ф.В.Чижов, меценат-просветитель, общественный деятель, писатель.

1812 г., 28 августа – в Костроме родился А.В.Горский, ученый-богослов, археограф, ректор Московской духовной академии.

1821 г., 23 марта – в Чухломском уезде родился А.Ф.Писемский, писатель. В 1830-1850 гг. учился, служил и писал в Костроме.

1823 г., 12 апреля – родился А.Н.Островский, драматург, «хозяйин русской сцены». Летом жил и писал в своей костромской усадьбе «Щельково», в Костроме останавливался у своего дяди П.Ф.Островского, известного краеведа, автора «Исторических записок о Костроме».

1824 г., 8 мая – в Нерехтском уезде родился Н.А.Чаев, писатель. Учился в Костромской гимназии

11 июля – родилась Ю.В.Жадовская, писательница. Жизнь и творчество ее связаны с костромским краем. В Костроме жила у своей тети – известной поэтессы А.И.Готовцевой.

1825 г., 4 декабря – в Костроме родился Н.А.Плещеев, поэт.

1827 г., 9 октября – родился Н.П.Колюпанов, общественный

деятель, историк, писатель. С 1851 года служил в различных учреждениях Костромы.

1829 г., 13 июля – в Кинешемском уезде родился А.А.Потехин, драматург, писатель. Учился в Костромской гимназии, в 1850-е годы жил, служил и писал в Костроме.

1834 г., 12 марта – в Кологриве родился Е.Е.Голубинский, историк Русской Православной Церкви, академик. Учился в Костроме, в духовной семинарии.

1835 г., 5 ноября – в Нерехтском уезде родился И.Н.Селифонтов, ученый-археограф, писатель, председатель Костромской губернской ученой архивной комиссии, редактор сборника «Костромская старина».

1840 г., 6 мая – в Костроме родился Н.И.Петров, литературовед

1842 г., 11 сентября – в Костроме родился В.А.Зайцев, публицист, критик.

1842 г., 27 ноября – родился Н.К.Михайловский, публицист, социолог, критик. Детские годы провел в Костроме, учился в Костромской гимназии. В Костроме он жил в усадьбе Селище, где гостили писатели Г.И.Успенский, Н.Г.Гарин-Михайловский, Д.Н.Мамин-Сибиряк.

1844 г., 5 ноября – в Нерехтском уезде родился Д.И.Тихомиров, педагог-просветитель, издатель, автор знаменитого «Букваря». Окончил Костромское духовное училище.

1855 г., 20 июня – родился И.В.Баженов, краевед, писатель, богослов. Автор многих книг по истории Костромы, председатель

Костромского церковно-исторического общества.

1856 г., 2 мая – в г. Ветлуге родился В.В.Розанов, философ, писатель. Детские годы провел в Костроме, учился в Костромской гимназии.

1859 г., 19 ноября – родился М.М.Ипполитов-Иванов, композитор, педагог, работал в детской музыкальной школе Костромы, которая носит сейчас его имя.

1869 г., 7 августа – в Кинешемском уезде родился И.А.Рязановский, историк, искусствовед, организатор и первый директор Романовского музея. В Костроме в гостях у него бывали художники Б.М.Кустодиев и братья Лукомские, писатели М.М.Пришвин и А.М.Ремизов.

1870 г., 18 октября – родился Н.И.Горлицын, городской архитектор конца XIX – начала XX вв. Автор проекта Романовского музея в Костроме.

1873 г., 3 декабря – в Костроме родился Н.П.Шлеин, художник, педагог, основатель Костромского художественного училища.

1874 г., 7 апреля – родился В.Ф.Шишмарев, ученый-филолог, академик, организатор первого Костромского университета. В 1918-24 гг. жил и работал в Костроме.

1874 г., 23 июня – родился Н.Ф.Костромской (Чалеев), актер, педагог, в 1900-1910 гг. играл на сцене Костромского театра.

1874 г., 23 декабря – в Костроме родилась Е.П.Корчагина-Александровская, народная артистка, начинала на сцене Костромского драмтеатра.

1878 г., 7 марта – родился Б.М.Кустодиев, художник. Отразил в творчестве облик Костромы и типы ее жителей.

1879 г., 4 июня – в Костроме родилась А.А.Назимова, актриса.

1882 г., 21 января – родился П.А.Флоренский, философ, богослов, писатель. С Костромой связан генеалогически. В родных краях собирал фольклор. В 1910 и 1912 годах издал книги костромских частушек.

1882 г., 7 февраля – родился В.И.Смирнов, историк, краевед, организатор Костромского научного общества по изучению местного края.

1885 г., 7 марта – родился А.И.Некрасов, искусствовед, педагог, автор книги “Костромской край в истории древнерусского искусства”. В 1918-22 гг. преподавал в Костромском университете.

1888 г., 19 ноября – родился В.Н.Иванов, писатель. Детские годы провел в Костроме, отобразил ее во многих своих произведениях.

1889 г., 20 сентября – родился Ю.М.Бонди, театральный художник и режиссер. С 1918 по 1922 год жил и работал в Костроме.

1892 г., 4 марта – в Костроме родился Е.А.Иванов-Барков, режиссер, сценарист, дважды лауреат Государственной премии

1892 г., 24 марта – родился А.Д.Попов, режиссер, народный артист, в 1918-1923 гг. руководил театром студийных постановок в Костроме.

1894 г., 16 июля – родился Н.Н.Купреянов, художник-график. В 1920-1930 годы жил в с. Селище под Костромой. Сейчас его имя носит детская художественная школа.

1897 г., 3 сентября – родился Л.А.Колгушкин, краевед, педагог, автор воспоминаний о старой Костроме. В 1930-1950-е гг. был директором школы-интерната для слепых детей в Костроме.

1904 г., 19 марта – в Костромской губернии родился А.А.Григоров, краевед, автор книги о костромском дворянстве. Почетный гражданин г. Костромы.

1906 г., 12 сентября – в Костромской губернии родился С.Н.Марков, писатель, автор многих произведений о Костроме.

1908 г., 16 марта – в Костроме родилась Е.М.Орлова, музыкальный критик, искусствовед.

1913 г., 17 июля – в Костроме родился Е.И.Осетров, писатель, библиограф. Именем его в Костроме названа улица.

1913 г., 21 августа – родился В.С.Розов, драматург, Почетный гражданин Костромы. Жил и работал в нашем городе в 1920-1940-е годы.

1917 г., 27 января – в Костроме родился Ю.К.Рыбников, композитор, основатель народного хора.

1917 г., 2 марта – в Костроме родилась К.Г.Тороп, городской архитектор, Почетный гражданин г. Костромы.

1929 г., 11 августа – в Костроме родился Н.В.Шувалов, художник. Именем его назван выставочный центр в администрации г. Костромы.

1934 г., 11 апреля – родился И.А.Дедков, литературный критик, журналист. По мнению многих известных писателей, лучший литературный критик страны второй половины XX века. В 1950-1980-е годы жил и работал в Костроме.

1936 г., 28 февраля – в Костроме родился Е.В.Кудряшов, искусствовед, автор книг по истории архитектуры Костромы.

1936 г., 26 апреля – родился А.В. Кильдышев, искусствовед.

1937 г., 16 апреля – родился В.Н.Бочков, историк, краевед, писатель. Автор книги “Старая Кострома”. С 1959 года жил и работал в Костроме.

1938 г., 4 февраля – родился В.Я.Игнатъев, искусствовед, директор Костромского художественного музея в 1970 г.– 1990-е годы. Почетный гражданин г. Костромы.

РЕМЕСЛО В КОСТРОМЕ

XVII в. ДВОРЫ

На протяжении XVII века Кострома выступала как крупный ремесленный центр.

В 1627/28 гг. в ремесленном производстве было занято 1014 человек, среди них 872 человека были тяглыми людьми, то есть посадские ремесленники занимали главное положение в большинстве видов ремесла. (1) Имелись ремесленники-беломестцы, жившие в белых слободах.

Самое значительное количество ремесленных специальностей (28) насчитывалось в производстве продовольственных товаров: переработке зерновых культур, обработке мяса, приготовлении молочных продуктов. Развитие получил рыбный промысел, с которым были связаны рыбные ловцы, рыбники и рыбные прасоли. Находились квасники, кисельники, солодежники, луковники, орешники и пр. Продукты обработки зерна и напитки шли на внутренний рынок. Продукция мясников, маслеников, огородников, рыбных ловцов частично шла в другие города.

Массовым видом ремесла было кожевенное производство. Обработкой кожевенного сырья и выделкой кож в 1627/28 гг. занимались 177 посадских ремесленников и 6 ремесленников-беломестцев. (2) Выделялись кожевники, о которых было ска-

зано, что они делают «белые кожи», «красные бараны», овчины. Отмечены были узкие специалисты: дуботолки, строгальники, гладильщики. Первоначально основная часть сырых кож выделывалась в небольших ремесленных мастерских. Но развитие товарного производства способствовало возникновению более крупных предприятий – кожевенных дворов. Сохранилось единственное упоминание о кожевенном дворе В.Панкратьева в сер. XVII в. В 1664-65 гг. в городе имелось 5 кожевенных дворов (И.Е.Посникова, С. и В. Всячениковых, И.К.Фомина, В.Е.Исакова, В.Панкратьева).

Рыбная ловля. Миниатюра XVII в.

Ассортимент выделываемых кож включал около 20 разновидностей коровьих, конинных, бараньих кож. Они различались и по размерам (большие, средние, малые). Обеспечивалось высокое качество их выделки.

Кожевенное производство работало на внутренний и внешний рынок. Упоминался Сырейный ряд в Костроме. Но кожевники работали и на заказ.

Было распространено производство изделий из кожи. Сапожники являлись самой массовой ремесленной специальностью. Ассортимент обуви был широк. Не менее массовым было шитье рукавиц. Сапожники и рукавишники удовлетворяли в первую очередь потребности местного населения. Писцовая книга 1627/28 гг. назвала сапожников С.И.Суровцева, Е.Макарова, рукавишников Ф.Васильева, И.Иванова и др. В 1664/65 гг. торговым людям принадлежало 13 лавок и лавочных мест в сапожном ряду и не менее 5 лавок в рукавишном. (3)

Определенное развитие получило шорное производство, представленное такими специальностями, как: седельники, хомутники, узденики, торочешники. Имелись мастера по изготовлению кошельей, мошен (кошельков) и другие. В основном они работали на местный рынок, удовлетворяя потребности

ямщиков и близлежащего сельского населения. Но существовали связи и с более широким рынком.

Кострома была крупным центром масловарения. Здесь, по отзывам иностранцев, варилось наилучшее мыло. Количество мыловаров было небольшое (в 20-е годы 18 человек, в 60-е – 15). Писцовая книга указывает на 4 двора мыльников, на наличие мыльных резальщиков.

Широко распространенным занятием являлось шитье одежды. У ремесленников намечалась узкая специализация: портные мастера, шубники, сарафанники и пр. Шились одежды из тканей, делавшихся на посаде и привозных. На посаде находились холщевники, крашенники, суконники, сермяжники, колотильщики и другие. Одежда продавалась на внутригородском торге, кроме того, делалась на заказ. Так, в 1665-1667 гг. ремесленники выполняли крупный государственный заказ по шитью кафтанов шубных для русской армии. Заказ в 1500 кафтанов был выполнен в 1666 г. и отправлен в Полоцк. (4)

На посаде были шапочники, чулочники, скорняки.

Определенного уровня развития достигла металлообработка. Наиболее массовой специальностью было кузнечное дело. В середине XVII в. было 58 кузниц, в 1664/65 гг. – 34 кузницы. (5) В работе кузнецам помогали молотобойцы, про которых писали, что они «наймуются по кузницам, молотом бьют». Кузнецы работали на местной болотной руде и на привозном сырье (в частности, использовали карельский уклад и кричное железо из Устюжны Железопольской). В ремесле существовала дробная специализация. Были отмечены мастера по изготовлению замков, гвоздей, скоб, ножей, котлов, обручей на бочки, нательных крестов. Названы два бронника, изготовлявшие кольчуги и панцири.

Существовал такой вид ремесла, как изготовление глиняной посуды и деревообработка (выработка колес, телег, бочек, деревянной посуды,

Шитье одежды, Миниатюра XVII в.

Работа кузнецов и чеканщиков. Миниатюра XVII в.

Железные ремесленные изделия XVII в.

гребней для чесания льна и пр.). Ремесленники в основном удовлетворяли потребности местного населения.

Получило распространение ювелирное дело. По писцовой книге 1627/28 гг. на посаде имелось 11 серебряников, по дозору 1664/65 гг. – 10 человек. Источники XVII в. свидетельствуют о разнообразии специальностей в серебряном деле: среди мастеров были чеканщики, басельщики, литцы и т.п. «Сырьем» для серебряных изделий служили иностранные монеты. Серебряные изделия крупных размеров (дорогие изделия) выполнялись преимущественно на заказ, мелкие изделия (кольца, серьги, нательные кресты и др.) продавались на рынке в Серебряном ряду.

В Костроме по писцовой книге 1627/28 гг. было 12 иконописцев, в 1664/65 – 13 чел. в 1678 г. – 23 чел. (6) Иконописцев среди ремесленников было немного, но это были большие мастера. Кострома в 30-40-х гг. XVII в. приобрела значение крупного центра иконописания.

Среди ремесленников наметилось углубление имущественного неравенства. На посаде в 1627/28 гг. большинство ремесленников принадлежало к «худым» (бедным) людям. Небольшая группа относилась к «молодым», 24 чел. – к «средним». Ремесленников из «лучших» (богатых) людей было только 7 чел. (7) Наиболее состоятельные ремесленники были из представителей кожевенного и мыловаренного производства, а также сапожники и ремесленники, занятые в деревообработке.

Увеличение масштабов мелкотоварного производства, появление более крупных ремесленных мастерских требовали большого количества людей, что привело к применению наемного труда. Наемные работники использовались на кожевенных и мыловаренных дворах, в кузницах. В Костроме в 1627/28 гг. было 110 чел., работавших по найму (93 посадских и 17 беломестцев). В 1664/65 гг. на посаде проживало 49 рабочих людей. (8) Как видим, численность рабочих людей была невелика.

XVIII – пер. пол. XIX вв. ЦЕХА

Новым явлением в XVIII в. было образование цехов. В Костроме в 1757 г. имелось 9 цеховых иконописцев, 11 серебряников, 17 сапожников и башмачников. В 1792 г. насчитывалось 12 цехов (278 мастеров). (9) Работа цехов регламентировалась Уставом 1799 г. и «Ремесленным положением», входившим в «Жалованную грамоту городам» от 21 апр. 1785 г.

Управление цехами поручалось общей Ремесленной управе во главе с головой, которому в знак отличия дозволялось носить трость с изображением герба города и иметь ее во всех публичных собраниях и шествиях (в 1792 г. головой был избран мастер кузнечного цеха Колодезников П.И., в 1819 г. – мастер малярного цеха Барабанов П.М.). Управа ведала записью в цехи и исключением из них, наблюдала за сбором денег и исполнением повинностей ремесленниками. В ее обязанности входила забота об усовершенствовании мастерства, об улучшении качества изделий. По распоряжению Управы выдавались вывески цехам. В ремесленную управу обращались с просьбами о присылке опытных мастеров для определения качества работ:

от квартального надзирателя Константиновской части о присылке двух мастеров, сведущих по каретному мастерству (31 марта 1842 г.);

от протоиерея Успенского собора И.Арсеньева – мастеров серебряного дела для освидетельствования вновь устроенных серебряных царских врат в соборе;

от казначея иеромонаха Ипатьевского монастыря Ириная – сведущих лиц из позолотчиков для проверки вновь сделанного бронзового креста и «через огонь червонным золотом отзолоченного» на пределе преподобного Михаила Малейна (20 ноября 1842 г.) и т.д.

Во главе каждого цеха стояла Управа, имевшая свою печать, знак цеха. Цехи избирали из мастеров старшину и 2-х старшинских товарищей, которые утверждались магистратом или Ратушей. В 1792

г. старшинами были: серебряного цеха – Заводов Е.И., иконного – Серебряников В.С., кузнечного – Трегубов А.В., сапожного – Вавилов Ф.П., рукавичного – Витхлешин А.Е., портного – Надежин Ф.Г., шапочного – Зуев П.И., сыромятного – Сыромятников С.Д., кирпичного – Колотильщиков Я.Ф., печного – Ермолин М.Я., столярного – Акатов И.В., хлебного и калачного – Кулемин М.Г. В их обязанности входило собирать с ремесленников все денежные сборы, следить за исполнением повинностей, ведать казной, проверять мастерство поступающих в цех, помогать нуждавшимся больным и бедным ремесленникам.

Ремесленники постановили выдать единовременное пособие в сумме 8 руб. вдове ремесленника портного цеха Попуслаева М.С., который «умер, не оставив после себя никакого имения» (1834 г.) (10).

«Ремесленники учинили сей приговор: зная положение костромского мещанина, находившегося по кузнечному цеху мастером, Архипова А.И., исправлявшего службы, но снисходя его болезни и семейства малолетних детей его, не имеющих пропитания, изъявили выдать ему из ремесленной казны в каждый месяц безвозвратно впредь до выздоровления по 5 руб.» (подписи старшины цеха А.Захарова и ремесленников). 1834 г. (11)

Цехи состоят из мещан, купцов, разночинцев (монастырские служ-

ки, отставные военные, ямщики и т.д.), мастеров из других губерний и городов, крестьян. Для вступления в цех необходимо было получить свидетельство, которое выдавалось ремесленнику после испытания его старшиной цеха в знании мастерства при наличии «доброто» поведения и при подписке о выполнении всех ремесленных постановлений. После утверждения Управой ремесленник записывался в цех в звание, которое получил при испытании, и полагался в оклад.

Купцы могли заниматься разными цеховыми ремеслами без испытания в знании ремесла и без обязанности держать цехового мастера. Им разрешалось держать работников. Но они по своим ремеслам должны были принадлежать к соответствующим цехам и подлежать всем цеховым сборам. ремесленному управлению и расправе в делах, касавшихся производимого ремесла.

Процедура получения свидетельства (1795 г.) (12):

1. Написание объявления.

«Я, костромской мещанин Орешников М.Я., желаю в здешнем г. Костроме записаться в цех рукавишного мастерства... и обязуюсь нести все касающиеся по ремесленной Управе службы и тягости с прочими наряду» (28 дек. 1795 г.).

2. Ответ на заявление.

«Впущен был в присутствие костромской мещанин Орешников М.Я.... Приказали... призвать

Знаки портняжного и сапожного ремесленных цехов. XVIII в.

Костромской мастер Шевяков И.К.
Крест напрестольный. 1795 г.

сего рукавишного мастера записных мастеров для свидетельства вышеозначенного мещанина работы и дать урок... Работа ежели совершенною и исправною признана будет, в сию Управу рапортовать».

3. Рапорт в Управу.

«Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, наложенный урок, данный ему от них работы, исправлен доброспорядочно и исправно, о чем сей Управе покорнейше рапортуем» (10 янв. 1796 г.).

4. Получение дозволения.

«Сие управное дозволение с приложением управной печати тебе мастеру дано».

Подобных заявлений подавалось много. Костромские мещане Красноселов И.С., Пастухов Я.П., Рукавишников Д.А., Абакумов Д.К. просили зачислить в рукавишный цех; Квасников В.А., Яранцов В.В. – в серебряный цех; крестьяне с. Палеха Илья Иванов, Малахов Н.С. – в иконный цех. Крестьяне Костромской губ. - Осинин Г.А., Патрин Е.Д., Якимов Андрей - изъявили желание заниматься столярным, каретным и плотническим мастерством. Крестьяне Ярославского наместничества - Дмитриев А., Кокуркин

М.И. - предпочли записаться в цех калашный и прочих харчевных припасов и т.д.

Подали заявление для записи в цех монастырские служители: штатный служитель Ипатьевского монастыря, мастер Костромской округи Богословской слободы Новиков М.Г. – в столярный цех, штатный служитель Богоявленского монастыря, мастер Гвоздарев И.С. – в калачный цех.

Пожелали заниматься столярным, каретным и плотническим мастерством в Костроме разночинцы: управитель вотчины поручика Н.В. Зюзина Волков Е.Ф., житель экономической Полянкой слободы Василий Степанов.

Работниками цехов являлись мастер, подмастерье, ученики. (13)

Мастером цеха мог быть ремесленник, который в совершенстве знал ремесло: имел аттестат мастеров, у которых работал; был в состоянии завести мастерскую; владел достаточным количеством инструментов, необходимых для работы. Он должен быть свободного состояния и беспорочного поведения. Мастеру разрешалось держать в найме подмастерьев и учеников, производить и продавать изделия, свойственные цеху. Мастеру за-

рещалось использовать в работе иногородних подмастерьев без дозволения цеха, в котором он состоял, иначе он подвергался денежному взысканию от 5 до 10 руб., которые поступали в ремесленную казну. Только мастера признавались полноправными членами цехов.

Подмастерье – ремесленник, научившийся мастерству, но для приобретения «Опытности совершенного в работе искусства» обязан был находиться в этом звании не менее 3 лет, после чего мог пройти испытание на звание мастера. Для этого он представлял цеховой Управе пробную работу в 2-х экземплярах. Управа, призвав в качестве экспертов лучших мастеров цеха, оценивала ее. Проводились испытания на знания мастерства (теория). Признав его достойным звания мастера, Управа обращалась к общей ремесленной Управе с просьбой о выдаче ему аттестата. Для защиты своих интересов подмастерья избирали подмастерского выборного и 2-х поверенных. Это было необходимо, так как для подмастерьев существовали ограничения. Им запрещалось, находясь в найме у мастера, продавать изготовленные ими изделия, ис-

Бондарная мастерская. Литография первой половины XIX в.

пользовать труд наемных работников. Подмастерье не мог уйти от мастера до окончания договорного срока, так как для поступления на службу к другому мастеру необходимо было иметь аттестат от прежнего мастера с указанием времени поступления, знания мастерства, поведения. Подмастерья не могли жить вместе по несколько человек без мастера; без его ведома и позволения не должны были ночевать вне его дома, в противном случае они платили штраф от 5 до 10 руб.

Ученик обучался ремеслу не менее 3-х и не более 5 лет. Мастер обязан был «занимать учеников наукой, не принуждая их к домашнему служению и работам».

Рабочих дней определялось шесть в неделю. В воскресные дни и в двенадцатые праздники ремесленники не должны были работать без особой нужды.

Рабочий день длился с 6 час. утра до 6 час. вечера (полагалось полчаса на завтрак, полтора часа на обед и отдых). Ремесленники должны были «производить по ремеслу работу добрую и отправлять ремесло сколько умеют исправнее, без недостатков, подлога, обмена, обмера, обмана» (14).

В городе имелась общая казна, принадлежавшая всем ремесленникам. Она состояла из пенных денег (пени за различные нарушения); из доходов от имущества, принадлежавшего всем ремесленникам; из денежных сборов с ремесленников (по приговору общих сходов). Были и другие источники денежных поступлений. Например, за подачу несправедливой жалобы на Управу взымалось в казну 7 руб. 50 коп. (15) Расход заключался в содержании общей ремесленной Управы, в трате денег с одобрения начальства на разные мероприятия, которые вели бы к улучшению состояния ремесел и к улучшению быта ремесленников. Кроме того, казну имел каждый цех. Она состояла из денежных сумм, вносимых ремесленниками ежегодно и при вступлении в цех (размер их определялся сходом); из

доходов от имущества, принадлежавшего цеху. Цеховая казна находилась под наблюдением старшины и его помощников. Они обязаны были ежегодно отчитываться за приход и расход денежных сумм, которые записывались в две книги (книга прихода и книга расхода). Расходовать деньги можно было только по приговору цехового схода. Деньги шли на:

1. Выплату жалованья старшине, старшинским товарищам, подмастерскому выборному с поверенными.

2. Взнос денежных сборов в городской доход.

3. Помощь больным и обедневшим ремесленникам.

4. «Всякая цеховая Управа должна внести в городскую церковную казну... ежегодно 1 руб. 50 коп. на содержание церкви и церковников». (16)

Суммы сбора денег были разными. В 1790 г. с 66 записных мастеров калачного цеха было собрано 40 руб. 85 коп. (взносы с 5 коп. до 9 руб. с человека). (17) В том же году с 40 чел. кузнечного цеха было взято 7 руб. 75 коп. (от 5 коп. до 40 коп.). С одного мастера по приговору схода ничего не было взято. (18) В 1817 г. с 41 чел. столярного цеха было получено 282 руб. 80 коп. (с подрядчиков брали от 6 до 15 руб.). (19) В книге прихода по иконописному и серебряному цеху за 1821-1823 гг. было указано, что с 19 чел. собрано 200 руб. 43 коп. (20) Получил ремесленный голова Иван Трегубов.

Вторая пол. XIX - нач. XX вв. МАСТЕРСКИЕ

В Костроме было в 1897 г. 334 мастера 27 профессий, работников - 823, учеников - 309; в 1907 г. 474 мастера 33 специальностей, работников - 721, учеников - 292. (21)

Основными профессиями ремесленников являлись:

1. Изготовление съестных припасов (хлебники, булочники, пирожники, кондитеры, пряничники, колбасники).

2. Приготовление одежды (портные, модистки, сапожники и башмачники, шапочники и картузники,

рукавичники, шубники, скорняки).

3. Выделка предметов домашнего хозяйства (печники, столяры, маляры, шорники, кузнецы, бондари и т.п.).

4. Ремесленники других специальностей (часовщики, мастера золотых и серебряных дел, чеканщики, резчики, позолотчики, парикмахеры и пр.).

Самыми многочисленными категориями были хлебники и булочники, портные, сапожники и башмачники, столяры, маляры и кузнецы.

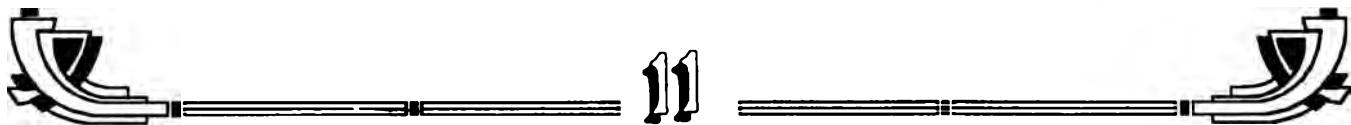
В 1893 г. находилось 8 цехов (серебряный, сапожный, столярный, портной, кузнечный, малярный, печной, хлебный), в которых числилось 337 мастеров, 680 подмастерьев (22). В 1903 г. цеховое устройство в Костроме было ликвидировано.

Социальный состав ремесленников остался прежним (каким был в XVIII в.). В 1896 г. в портной цех входило 80 чел. (мещан - 42, разночинцев - 22, купцов - 2, крестьянского происхождения - 14) (23). Были отмечены профессии: портные (Рыжинский Б.А., Коваленко М.А.), портнихи (Смирнова А.Ф. и др.), белошвейки (Калинина А.А., Быкова А.С., Снежневская Е.В.), чулочницы (Дич Р.А., Добрина М.С., Дризовский Д.А.), шапочники (Сухарева И.М., Шеппер Р., Сеницын А.И., Михайлов Н.М.), скорняки.

В 1900 г. в кузнечном цехе было 50 чел. (мещан - 27, крестьянского происхождения - 19, прочих сословий - 4) (24). Профессии: кровельщик, кузнец, слесарь, пилюзуб, жестянщик, кузнечно-кадетное мастерство.

В данный период стал широко применяться труд наемных работников. Кривошеин Н.А. (кузнечно-кадетное производство) имел 15 подмастерьев и 2 ученика; Ковалев Е.А. (кровельщик) - 5 подмастерьев. В малярном производстве на купца Беляева П.Г. трудилось 35 чел. (подмастерьев и учеников), на Сизова В.Г. - 12 подмастерьев, Савельева П.С. - 8 подмастерьев. Портной Смирнов Р.А. пользовался трудом 4 подмастерьев и 3 учеников.

Как и прежде, для занятия ремеслом необходимо было получить свидетельство. Нужно было подать

ПАРОВАЯ ХИМИЧЕСКАЯ КРАСИЛЬНАЯ
Давла Петровича Бочарова
Кострома соб. и м. телеф. № 112. Учреждена с 1830 г.

Усовершенствованная специальная химическая чистка
 мужского и дамского платья по расчистке. Очистка материи по всей ширине.
 ПЛЮС ПЕРИОДИЧЕСКОЕ МАТРИНГЕ РАБОТЫ УБОРАМИ, ВЫСЫЛКА И ГОДНОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ И
 ДОСТАВКА В ПЕТЕРБУРГ, БАРНАУЛ, СУХИНИ, ДРЯНУ И ТРИНО.

КУСТАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
ЕДИНСТВЕННЫЙ В РОССИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ
 растительными красками, красками животного происхождения, по краске и цвету.
 Натуральное качество и оригинальность.

Фабрика удостоена высшими наградами в различных выставках, дипломами и почетными грамотами.
 Принимается заказ на выстилку, расчистку, выстилку, национальности.

МАГАЗИНЫ: 1) Кострома соб. дом; 2) Клешица, д. Менькова.
 Оплата и доставка поезда железнодорожно-ручного предприятия чистка крашеного и набивного.

Pour les pliers habitant la banlieue ou envoie les commandes par la poste
 dans toutes les villes de sa Russie.

Maison fondee en 1830.
 Seule maison en Russie où les couleurs végétales soient bon teint.
 Couleurs cuites à l'eau pour le tissage et la toile.
 Impression en couleurs sur toiles.
 Vente en gros et en détail de toutes imprimures.
 Maison avantagée obtenu par grandes récompenses.

Царский предписания П. Бочарова.

Ткани из красильни Бочарова. Начало XX в.

прошение в ремесленную Управу о выдаче свидетельства на право производства, на имение своей мастерской и работников. Податель прошения давал подписку о соответствии «всем предьявленным ремесленным учреждениям и постановлениям, касавшимся мастерства», и обязывался без ведома Управы не иметь работников. Приведем несколько таких прошений. «С прибытием моим в Кострому имею желание открыть мастерскую для производства сапожного

изделия, чтобы иметь при ней сведущего подмастерья или закройщика... под моим наблюдением» (1865 г., коллежский секретарь Юдин Н.В.) (25). «Желаю я по познаниям своим открыть мастерскую для производства женского портного мастерства и производить оное по заказам жителей» (26) (от костромской мещанки Лаврентьевой А.С., 1865 г.). «По производству приготовления пряничных изделий желаю в собственном заведении производить таковые на же-

лающих приобретать оные для употребления... прошу дабы повелено было на производство в настоящем году призывного мастерства снабдить меня управным свидетельством и включить в надлежащий цех ремесленного общества» (27) (от костромской купчихи Гожевой П.В., 1864 г.).

Не все ремесленники имели мастерские. В 1862 г. в Костроме было 402 ремесленника, из них 237 чел. имели мастерские (больших было 28, средних – 61, малых – 148) (28). Размер зависел от числа работников.

В 1893 г. владельцами мастерских были: (29)

1. Сапожные заведения:

Лабашев Д.В., мещанин. Заведение с 1887 г. Один подмастерье. Работа с 6 час. утра до 11 час. вечера.

Иванов И.И. Заведение с 1880 г. 1 мастер, 1 ученик (взят на 4 года, содержание – 60 руб. в год). Рабочий день с 6 час. утра до 9 час. вечера.

Ладыженский М.А., из Киевской губ. Учился в Киеве в мастерской немца Штолцмана. Заведение с 1883 г. Подмастерье. Работа с 8 час. утра до 10 час. вечера.

Рыбин П.Ф., крестьянин Костромского уезда. Заведение с 1883 г. 3 мастера, 2 ученика (взяты на 5 лет, содержание ученика – 60 руб. в год). Работа с 6 час. утра до 9 час. вечера.

2. Кузнечные заведения:

Лебедев Н.И., костромской мещанин. Кузница в Кузнечном ряду. Заведение с 1870 г. Мастер, 2 подмастерья, 2 ученика (взяты на 3 года, содержание ученика – 60 руб. в год, плата от хозяина по 15 руб. в год). Работа с 6 час. утра до 8 час. вечера.

Говырин А.Н., костромской мещанин, 2 мастера, один подмастерье. Работа с 6 час. утра до 9 час. вечера.

3. Медное заведение:

Семенов Ф.И. Заведение с 1887 г. Мастер, ученик (взят на 5 лет). Работа с 6 час. утра до 9 час. вечера (ученик имел 3 часа отдыха). Больше указанного времени работали перед Рождеством и Пасхой.

4. Слесарно-водопроводное заведение:

Морозов А.И., костромской мещанин. Заведение с 1891 г. 3 подма-

стерья, 2 ученика (взяты на 4 года, содержание ученика – 75 руб. в год). Рабочий день с 6 час. утра до 8 час. вечера.

(Ученики имели 3 час. отдыха).

5. Портновские заведения:

Левин А.Ш. Заведение с 1883 г. Мастер, подмастерье. Работа с 7 час. утра до 8 час. вечера.

Смирнова А.Ф., костромская мешанка. Дамская портновская мастерская с 1873 г. 3 мастера, 4 ученицы (взяты от 1 года до 4 лет). Ученицы, жившие у хозяйки, получали содержание по 60 руб. в год, нежившие – 36 руб. в год. Работа с 8 час. утра до 10 час. вечера (на отдых ученицам давалось 4 часа). Перед праздниками (Рождество, Пасха) рабочий день удлинялся на 2 часа.

Огуречников И.А. Портновская мужская мастерская с 1892 г. Рабочий день с 6 час. утра до 10 час. вечера. Спешная работа весной и осенью.

6. Красильное и набивное заведения:

Бочаров П.П. Новое заведение с 1890 г. 2 подмастерья, один ученик (взят на 5 лет, содержание вместе с одеждой – 100 руб. в год). Работа с 6 час. утра до 8 час. вечера (ученик имел отдых 5 часов).

7. Резчик печатей и гравер:

Азерский А.З., бобруйский мешанин. Заведение с 1882 г. Один ученик (взят на 4 года, содержание – 96 руб. в год). Рабочий день с 8 час. утра до 9 час. вечера (полагался 1 час на отдых, 1 час на обед).

8. Каретная мастерская.

Притворов С.Г., костромской мешанин. Заведение с 1876 г. 7 чел. работников (3 кузнеца, 3 столяра, маляр), 5 учеников (взяты на 4 года, содержание ученика – 72 руб. в год, плата от хозяина – 20 руб. по окончании учения). Работа с 6 час. утра до 8 час. вечера.

9. Бондарная мастерская.

Смирнов А.М., крестьянин д. Погорелок Завражной вол. Заведение с 1850 г., досталось от отца по наследству. 6 подмастерьев, 2 ученика (взяты на 1,5 и 2 года). Работа с 4 час. утра до 8 час. вечера (перерыв 3 часа).

10. Малярные заведения:

Васильев Н.П. Работа с 1875 г. Обучался ремеслу в С.-Петербур-

ге. Один ученик (содержание – от 80 до 100 руб.). Работа с 6 час. утра до 7 час. вечера (ученику полагался отдых 3 часа). Переработка на 2 часа в июне и июле.

Григорьев Е.П., запасной унтер-офицер из чухломских мешан. Заведение с 1888 г. Имел учеников (содержание ученика – 72 руб. в год). Работа с 6 час. утра до 7 час. вечера только летом. Учился мастерству в Москве в малярном заведении.

Курочкин М.П., костромской мешанин, маляр комнатный и церковный. Заведение с 1878 г. 2 ученика (взяты на 3 года, содержание ученика – 72 руб. в год, плата от хозяина – по 15 руб. в год). Рабочий день с 6 час. утра до 7 час. вечера (отдых 2,5 часа).

Говорин М.Я., крестьянин Галичского уезда, маляр комнатный и церковный. Заведение с 1890 г. Один ученик (содержание – 72 руб. в год, плата от хозяина – 15 руб. в год). Работа с 6 час. утра до 7 час. вечера (отдых 2 часа). Обучался ремеслу в Костроме в малярном заведении.

11. Ремесло живописное.

Зловидов М.С., костромской мешанин. Заведение с 1892 г. Работа с 5 час. утра до 8 час. вечера. Спешные работы с мая по август.

12. Золотых и серебряных дел мастер, ювелир.

Ратнер М.Е. Заведение с 1865 г. Рабочий день с 8 час. утра до 8 час. вечера.

13. Парикмахерские заведения:

Титов И.А. Заведение с 1885 г. 2 подмастерья, один ученик (взят на 3 года, содержание – 60 руб. в год). Работа с 8 час. утра до 10 час. вечера. (Отдых 4 часа).

Зверев В.М., мешанин. Заведение с 1892 г. Подмастерье, ученик (содержание – 60 руб. в год). Работа с 9 час. утра до 9 час. вечера (отдых 4 часа). Переработка до 11 час. вечера накануне Рождества и Пасхи.

Ремесленные заведения имелись и в начале XX в. Назовем некоторые из них, работавшие в 1904 г.:

1. Паркетная и столярная мастерские крестьянина Кулагина И.В. Заведение находилось на собственной земле, освещалось керосином. Рабочие использовались местные. Сред-

няя плата рабочему составляла 90 коп. в день. Количество и стоимость переработанного в год сырья – 2 тыс. руб. на столярные и 2500 руб. на паркетные изделия. Стоимость выработанных в год изделий – 10 тыс. руб. (30).

2. Иконостасное и мебельное заведение мешан Дурляниных А. и Н. Рабочие местные. Средняя плата рабочему была 20 руб. Общая сумма расходов на рабочих составляла 3270 руб. Стоимость переработанного сырья – 1500 руб., стоимость выработанных в год изделий – 7300 руб. (31). Заведение работало круглый год. Освещалось керосином.

3. Слесарно-водопроводные заведения мешан Морозова А.И. и Лихачева А.В.

4. Кузнечные заведения крестьян Кривошеина Н.А., имевшего кузницу и мастерскую, Кривошеина И.Н. Ими производилось и каретное мастерство.

Маргарита ШАХОВА

1. Л.А.Тимошина. Ярославль и Кострома в XVII в. М., 1987. С. 148.

2. Там же, с. 151.

3. Там же, с. 158.

4. Там же, с. 163.

5. Там же, с. 164.

6. Там же, с. 166.

7. Там же, с. 167.

8. Там же, с. 170.

9. ГАКО, ф. 206, оп. 1, д. 10, лл. 107.

10. ГАКО, ф. 206, оп. 2, д. 61, л. 4.

11. Там же, л. 1.

12. ГАКО, ф. 206, оп. 1, д. 17, лл. 78-81.

13. Устав ремесленный – Спб, 1879 (вошли статьи Устава 1799 г.) – ст. 202, 204, 115.

14. Там же, ст. 148.

15. Там же, ст. 205.

16. Там же, ст. 165.

17. ГАКО, ф. 206, оп. 2, д. 196, лл. 11-27, 37-об.

18. ГАКО, ф. 206, оп. 2, д. 172.

19. ГАКО, ф. 206, оп. 2, д. 199.

20. ГАКО, ф. 206, оп. 2, д. 171, л. 8.

21. ГАКО, ф. 161, оп. 1, д. 315, л. 12-об; д. 414, л. 1-об.

22. К.А.Пажитнов. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952.

23. ГАКО, ф. 206, оп. 2, д. 223.

24. ГАКО, ф. 206, оп. 2, д. 185.

25. ГАКО, ф. 206, оп. 2, д. 105, л. 34.

26. ГАКО, ф. 206, оп. 2, д. 105, л. 129.

27. ГАКО, ф. 206, оп. 2, д. 105, л. 5.

28. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1860-1862 гг. Спб, 1863. Ч. 1.

29. ГАКО, ф. 206, оп. 2, д. 140.

30. ГАКО, ф. 205, оп. 2 (ос), д. 665, лл. 2, 0.

31. ГАКО, ф. 205, оп. 2 (ос), д. 674, лл. 2, 7.

САМОРОДОК

ИСТОКИ

Родина Павла Зарубина – посад Пучеж Юрьевецкого уезда Костромской губернии. Литератор и общественный деятель М.И.Семевский, побывавший в этих местах в начале 60-х годов позапрошлого века, писал: «Передо мной, на высоком правом берегу Волги, подымалось селение с полдюжиной каменных церквей и рядом деревянных домиков, теснящихся к полусгнившей деревянной набережной... У берега стояло пять или шесть судов: далее громоздились бревна, доски и дрова. Пучеж показался мне каким-то глухим, пустынным уголком, обходимым не только чиновным, но даже и торговым людом».

Вряд ли многое изменилось в Пучеже 60-х годов по сравнению с временем детства Павла Алексеевича. Его отец, Алексей Яковлевич Зарубин, был человеком умным и честным. Характер имел твердый, непреклонный. Набожный без ханжества, искренний и прямой. И вместе с тем много тяжелого, грубого было в его богатой натуре.

Первые уроки грамоты Павел получил от матери, Авдотьи Матвеевны. Сварливая, пересудчивая, упрямая, она, родом из духовного звания, быстро переняла все обычаи мещанского сословия.

Ничего хорошего из ее «уроков», от ее колотушек, пинков и грубых окриков не вышло.

Мать объявила сына совершенно неспособным к учению и предоставила самого себе. «Дурак, так уж дураком и останется», - говорила она соседям, желая похвастаться своей «прозорливостью».

А Павлуша вдруг приохотился к рисованию. Красил свои рисунки углем, чернилами, суриком. Отец однажды посетовал, что картины без подписи. «Да ведь я не умею писать», - робко ответил юный художник. «Не умеешь, так учись. Пентю-

Павел Алексеевич Зарубин был младшим современником И.П.Кулибина. Он родился 10 мая 1816 года. Кулибин скончался два года спустя. В судьбах их удивительно много похожего. Оба с Волги и фактически из одного сословия. Оба достигли всего упорным трудом, самоучками. Оба талантливые изобретатели. Однако имя Зарубина известно куда меньше, чем имя Кулибина. Между тем еще при его жизни старинный приятель Льва Толстого, историк и математик, князь С.С.Урусов писал: «Народ, который произвел на свет такого механика, как П.А.Зарубин, не нуждается в чужих изобретениях».

хром что ли хочешь остаться? – прикрикнул отец. – Чтобы к весне выучил, а то в солдаты отдам! Слышишь?».

И начались для десятилетнего мальчика мучительные дни один на один с азбукой. Никак не мог он уяснить значение складов. Но однажды вдруг что-то прояснилось в его голове. Из букв вдруг начали

получаться слоги, из слогов – слова. Ночью, забираясь в отдаленную пустую горницу, зажигал он свечу и при тусклом свете ее читал азбуку, а потом и духовные книги. Он изучил Библию с такой основательностью, что впоследствии удивлял всех глубиной своих богословских суждений.

НА РАСПУТЬЕ

«Развитию моему, - писал Павел Алексеевич - не содействовал никто, кроме родного моего дяди – приходского дьячка, который выучил меня арифметике». С любовью занимался он «различными исчислениями», смутно чувствуя, что есть что-то значительно большее, чем простая грамотность. Никому об этом сказать он не мог. Вокруг царило невежество, все были заняты мелкими житейскими заботами, семейными дразгами, верили в приметы и разные «чудеса». Мечты о «науках» показались бы странной блажью, если не больше.

В 1830 году отец семейства в расцвете сил умер от холеры, свирепствовавшей тогда в низовьях Волги. Пришлось 16-летнему Павлуше идти по стопам отца, заняться судовым промыслом на Волге. С началом весны повел свою расшивку с товаром и крепко засел, наткнувшись на мель. В результате не только лишился судна, но и потерпел убыток в две тысячи рублей. Только через пару недель вернулся домой, прошагав шестьсот верст пешком.

Вторая попытка тоже кончилась неудачей. Стало ясно, что судовой промысел совсем не его дело. Да и не лежала к нему душа у молодого Зарубина. Науки по-прежнему влекли его к себе с неудержимой силой. С великой жадностью он изучал математику, физику, астрономию. И даже сам придумал что-то вроде дифференциального исчисления.

В возрасте 21 года Павел Алексеевич женился на дочери довольно зажиточного крестьянина. Жена его, Анна Ильинична, оказалась доброй, любящей. Теперь он отвечал не только за себя. Потерпев неудачу в судовом промысле, Зарубин стал мебельщиком. В этом деле он также был самоучкой, но быстро познал все его тонкости и секреты. Уже упомянутый М.И. Семевский писал: «Я сам видел в его пучежском домике разные вещи, сделавшие бы честь лучшему столяру столицы». Особенно прославил Зарубина-мебельщика туалет с музыкой, сделанный им для какой-то помещицы.

Однако заказов в этой глуши было мало. Тогда Зарубин открыл в Пучеже часовую мастерскую. Ремонтировал часы, изготавливал настенные и столовые. В свободное же время продолжал самообразование да занимался живописью. Одна из его работ, икона Благовещения Божьей Матери, была даже показана на губернской выставке в Костроме и заслужила похвалу.

СТРАННЫЙ ЗЕМЛЕМЕР

С детства для Зарубина было «любезным занятием» чертить, рисовать географические карты и планы. Топография, геодезия казались ему науками чрезвычайно привлекательными.

В начале сороковых годов вышел указ Правительствующего сената, согласно которому разрешалось принимать на службу по межевой части людей податного состояния

(мещан, государственных крестьян), выдержавших специальный экзамен. Узнав об этом из «Костромских губернских ведомостей», Павел Алексеевич (ему шел уже 27-й год от роду) увидел для себя, наконец, возможность поступить на государственную службу, притом связанную с любимой наукой. Он легко выдержал экзамен на землемера и вскоре был уже определен в Костромскую губернскую чертежную.

Много лет спустя Павел Алексеевич писал: «На службу я поступил по собственному душевному желанию служить и быть полезным Межевому корпусу». Зарубин ожидал встретить там людей образованных, знающих и любящих свою профессию. Однако надежды его разлетелись в прах, когда своими глазами увидел реальное положение вещей. Как он писал потом, землемерное дело находилось на уровне времен Екатерины II.

«Исчисления» планов, то есть определение площади земельных участков, производилось «вручную», непосредственными вычислениями («нередко затмевающимися соображением», по выражению Зарубина). Эта сбивчивая, трудная работа не только отнимала много времени, но и приводила к ошибкам, избежать которых было почти невозможно. Вот почему свое внимание Зарубин направил прежде всего на изобретение инструментов, облегчающих труд землемеров. Один за другим появляются созданные им остроумные приспособления и приборы, столь необходимые в межевом деле.

Однако начальство смотрело на изобретательство своего чертеж-

ника как на вздор и легкомыслие. Ему было сделано строгое внушение, чтобы он прекратил «свои затейливые занятия, вредные и нетерпимые для службы», а служил бы, как делают это «все порядочные чиновники». Даже пригрозили сумасшедшим домом!

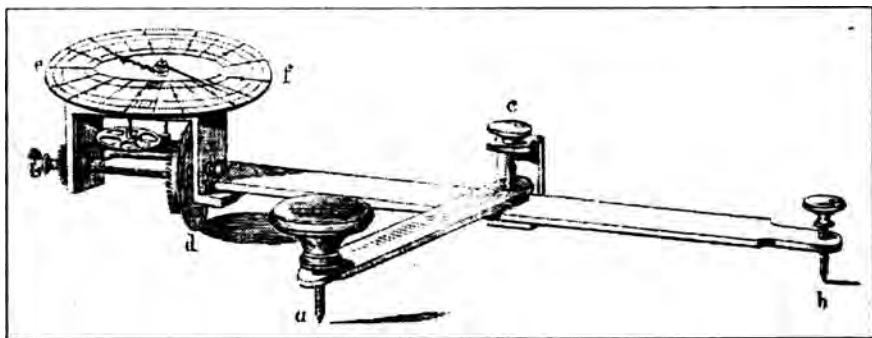
ДЕМИДОВСКАЯ ПРЕМИЯ

От Зарубина с радостью избавились, переведя его в Москву, в Московский межевой корпус. К тому времени Павел Алексеевич дослужился до «чина» уездного землемера. Изобретать он, разумеется, не перестал, но примирился с мыслью, что на беду почти любого творца нужда и препятствия «наиболее всего встречаются в деле обшешеполезном». Он готов был работать, не щадя себя, «для пользы общей». На свои изобретения он не брал привилегий (патентов), чтобы каждый мог безвозмездно ими воспользоваться сколько угодно.

Но близился светлый час признания и для неутомимого изобретателя. Пришла ему в голову счастливая мысль послать свои изобретения, связанные с межеванием, в Петербург, в Академию наук. Рассчитывал, что будут они справедливо и беспристрастно оценены учеными мужами и попадут на Демидовский конкурс.

Известный уральский горнозаводчик Павел Демидов с 1831 года начал жертвовать в Петербургскую Академию наук по 20 тысяч рублей ежегодно на премии «за лучшие по разным частям сочинения в России». На конкурс отбирались «творения самостоятельные, запечатленные истинною любовью к науке». Действительно, в числе награжденных были труды таких выдающихся ученых, как: изобретателя гальванопластики Б.С. Якоби, мореплавателя И.Ф. Крузенштерна, металлурга П.П. Аносова и многих других.

В конце мая 1854 года состоялось 23-е присуждение Демидовских наград. Рассматривалось 14 работ, и среди них «об инструментах, относящихся для межевания, изобретенных П.Зарубиным».

Круговой планиметр П.А. Зарубина.

Павел Алексеевич представил в Академию сразу шесть оригинальных инструментов. Рассматривала их комиссия в составе четырех академиков: математиков П.Л.Чебышева и В.Я.Буняковского, астронома В.Я.Струве и физика Б.С.Якоби. Изобретатель был вызван в Петербург и сам объяснял ученым устройство и действие своих инструментов.

Особенной похвалы заслужил его планиметр. Достаточно было обвести острием указателя периметр плана, и стрелки на циферблате показывали величину площади измеренного участка в десятинах и квадратных сажнях. «Принимая во внимание столь успешные труды и действительные заслуги г. Зарубина по практическому землемерию, - подытожили академики, - рецензенты считают долгом своим, по строгой справедливости, ходатайствовать о поощрении изобретений его Демидовскою наградою».

А два года спустя, на 25-м, юбилейном конкурсе, П.А.Зарубин снова был отмечен Демидовскою наградой за новый межевой инструмент, так называемый планиметр-самокат, позволявший измерять площади планов неограниченной длины.

СНОВА В ПУЧЕЖЕ

Павел Алексеевич давно собирался уйти в отставку. Слишком натерпелся он несправедливого на казенной службе. Изобретения его, столь полезные и нужные, не находили применения. Газета того времени писала о Зарубине: «Пятнадцать лет провел он в борьбе с невежеством, завистью, казнокрадством и презрением к науке. Он изнемог в этой борьбе».

Наконец, в 1858 году ему удалось выйти в отставку. Прослужив в Москве пять лет, он уехал в Пучеж и поселился с женой и детьми (пятью дочерьми и двумя сыновьями) в маленьком деревянном домишке, каких было много в его родном посаде. Он стал частным землемером, поступив на службу к помещице Е.Н.Волковой.

Здесь, вдали от моря, он вдруг обратился к морским изобретени-

М.И. Семевский - писатель и общественный деятель.

ям. Он создает удобный прибор для измерения скорости судна, придумывает «легкий способ» измерения глубины моря «на весьма глубоких местах», а также – метод определения с корабля расстояний до недоступных объектов. Наконец, изобретает механизм, с помощью которого путь судна «сам собою» наносился на карту «в должном масштабе» и указывалось пройденное расстояние.

Затем неожиданно он заинтересовался проблемами сельского хозяйства и разработал одну из первых в России жатвенную машину, «жатвенную тележку».

А наряду с изобретательством в нем все яснее проступает талантливый публицист. Еще живя в Москве, Павел Алексеевич опубликовал в журнале «Русский вестник» мастерски написанный очерк «Заметки о Варнавинском уезде». Он прекрасно знал Костромской край, и его точный взгляд подметил самые интересные и самые важные моменты жизни одного из уездов этого края. Некоторые его размышления о сбережении природы, о характере русского человека до сих пор не потеряли своего значения. Дальше были «Заметки, почерпнутые из русского народного быта...» – такие же мудрые, с болью и гордостью за родную землю, и другие статьи.

У Зарубина начинают завязываться связи с петербургскими литераторами. Он переписывается с А.А.Краевским, издателем журнала «Отечественные записки». Краевский приглашает Зарубина сотрудничать в своей новой газете «Голос». У него складываются очень теплые, дружеские связи с М.И.Семевским, который как никто понимал своего даровитого друга.

Зарубин работал в Пучеже над автобиографическим романом. Несколько его глав появилось в 1861 и 1862 годах в петербургском «толстом» журнале «Библиотека для чтения», редактором которого был в те годы А.Ф.Писемский, земляк Павла Алексеевича. Впервые Зарубин предстал перед читателями как блестящий бытописатель мешанской жизни.

В СТОЛИЦЕ

Павлу Алексеевичу казалось, что с государственной службой покончено навсегда, что жить ему в провинции до конца дней своих, но произошло иначе. В 1862 году министром государственных имуществ был назначен А.А.Зеленой, будущий генерал, служивший в начале 50-х годов в Москве помощником управляющего Межевым корпусом. Он вспомнил о За-

Милостивый мой Федор

Федор Михайлович

Милостивый Александрович
Твоя добротная мысль, что ста-
новок мой о механической вы-
ставке майстера Вильгельма
для Императорского
в Венеции изумляет. А
потому и сократилась
твоя проза, если возможно
но; отныне все 15 или
20 страницами, если пре-
много объёмом, то лучше
уважительно Вас

П. Зарубина

Декабрь 10 д.
1864 года

Адрес мой: Мавлу Анне
свекру Зарубину. За Зинаи-
дой гостиницей дома
Юрьевского по Ул. Троицкой
№ 35.

Письмо П.А. Зарубина Ф.М. Достоевскому, хранящееся в Институте русской литературы (Пушкинском доме) в Петербурге. Публикуется впервые.

рубине и предложил ему занять должность помощника директора Сельскохозяйственного музея в Петербурге. Так на 47-м году жизни Зарубин неожиданно стал жителем столицы.

Музей (позже ему было присвоено наименование Императорского) находился в центре Петербурга, напротив Эрмитажа, в манеже Зимнего дворца.

Вскоре Зарубина уже хорошо знали те, кто был связан с сельским хозяйством. Павел Алексеевич становится членом Императорского Вольного экономического общества и публикует в его трудах свои

технические статьи. Он участвует в испытаниях сельскохозяйственных машин, например, такой новинки, как паровой плуг, и, конечно, изобретает сам. За созданные им водоподъемные машины Вольное экономическое общество награждает его двумя золотыми медалями. Он изобретает особый пожарный насос, за который опять награждается золотой медалью, а за достижения в области межевого искусства – орденом св. Владимира 4-й степени.

Но при этой, казалось бы, предельной нагрузке не забыта и литературная работа. Еще в Пучеже Зарубин мечтал опубликовать гла-

вы своего романа в журнале Ф.М. Достоевского «Время». Познакомился же он с великим писателем уже после переезда в столицу. Журнал «Время» в 1863 году был закрыт цензурой. Его сменил журнал братьев Достоевских «Эпоха». Туда и предложил Павел Алексеевич новые главы романа.

Весной 1864 года Федор Михайлович писал брату: «Милый друг мой, Миша... У тебя есть большая вещь Зарубина. Печатай ее. Это не дурно». И главы (всего семнадцать) под общим названием «Происшествия сороковых годов» были опубликованы в мартовской и апрельской книжках «Эпохи» за 1864 год.

Однако на этом сотрудничество Зарубина с журналом Достоевского не закончилось. В ноябре того же года в «Эпохе» Зарубин опубликовал свою статью о Всероссийской сельскохозяйственной выставке.

Не зная, что статья уже опубликована (возможно, ноябрьский номер вышел с опозданием), но получив сведения от своего земляка, литератора Н.А. Чаева о том, что Достоевский нашел ее «удобною для напечатания», Зарубин обратился к Федору Михайловичу с коротким письмом. Он просил прислать 15-20 оттисков. «Чем премного обяжите глубоко уважающего Вас П. Зарубина», - писал он.

Надо полагать, что Достоевский выполнил эту просьбу. Быть может, Зарубин и дальше сотрудничал бы в «Эпохе». Но журнал просуществовал недолго. Уже в 1865 году издание его прекратилось, а вместе с ним и литературные связи Зарубина с Достоевским.

ПИСЬМА ИЗ ПАРИЖА

Весной 1867 года в Париже открылась Всемирная промышленная выставка. В качестве экспоната российского павильона был заявлен и водоподъемник П.А. Зарубина.

Это оригинальное устройство состояло из нескольких баков, расположенных друг над другом. Небольшим давлением от ручных воз-

душных мехов вода, словно по ступенькам, поднималась на значительную высоту.

В Париже была выставлена модель зарубинского водоподъемника. Но Павел Алексеевич считал, что этого мало, что необходимо показать водоподъемник натуральных размеров, причем действующим.

В Петербурге построить его не удалось. Зарубин надеялся осуществить это в Париже. Министерство государственных имуществ выдало ему денежное пособие на поездку. В первых числах мая Павел Алексеевич впервые в жизни выехал за границу и не только в качестве экспонента Всемирной выставки, но и как корреспондент петербургской газеты «Биржевые ведомости».

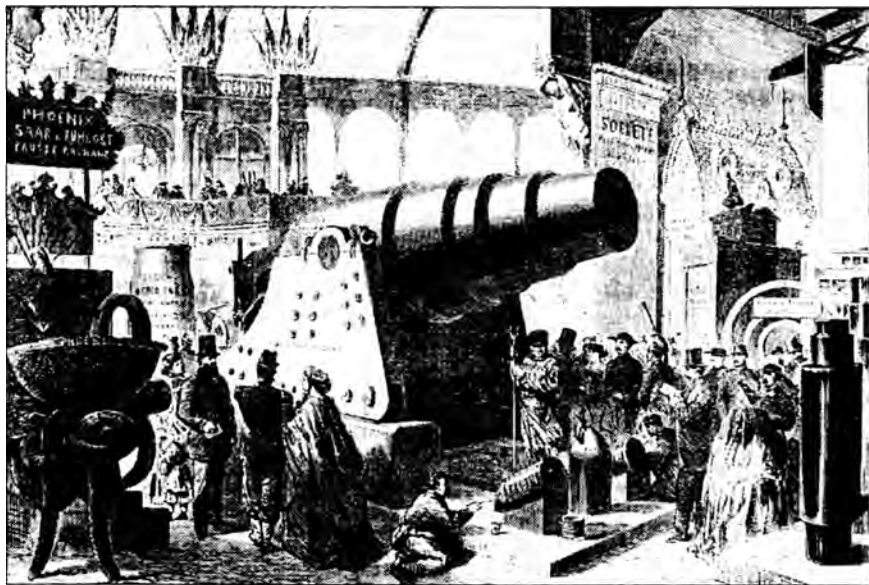
Столица Франции поразила его своей громадностью, великолепием зданий, но еще больше, «до головокружения» поразила Всемирная выставка, о чем сообщал он в газету в своих «Письмах из Парижа».

Построить большой водоподъемник за границей он смог. Но тут начали чинить препоны чиновники российского павильона, отказывая изобретателю в демонстрации водоподъемника под самыми нелепыми предложениями. «Я стал прихо-

дить в отчаяние, - рассказывал Павел Алексеевич. - Мне оставалось тогда выбирать одно из двух: или возвращаться в Россию со стыдом, без всякого успеха, или принять самые энергичные меры. Я решил на последнее».

Рано утром, еще до открытия выставки, он привез свой водоподъемник и установил его. «Нельзя не сознаться, - вспоминал Зарубин, - что сердце мое в это время было неспокойно. На действия снаряда, поставленного в второпях, я не вполне надеялся. Ну, как думаю себе, в нем что-нибудь окажется неисправным, тогда, значит, пропал! «Не работает? Значит, не годится! Значит, неприличен для выставки». Но, к счастью, водоподъемник как начал действовать сразу, так и действовал до самого моего отъезда без малейшей поправки». Возле него постоянно толпились посетители.

Многие экспонаты России (в основном это были изделия пшечной, текстильной, кожевенной промышленности) получили медали, в том числе золотые. Удивительная же машина Зарубина из-за чиновничьих проволочек не успела попасть на конкурс и осталась, к сожалению, неоцененной.

Один из павильонов Всемирной промышленной выставки 1867 года в Париже.

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЛИСТОК»

Деятельную натуру Зарубина служба в Сельскохозяйственном музее не могла полностью удовлетворить. В апреле 1871 года он принял на себя еще и нелегкие обязанности редактора газеты «Петербургский листок».

Эта газета была основана в 1864 году писателем и этнографом А.С.Афанасьевым-Чужбинским. До Зарубина у нее сменилось несколько редакторов. Павел Алексеевич стал седьмым по счету. Издателем газеты был в то время А.А.Соколов – прозаик, драматург и журналист, а редакция размещалась в доме Казанского собора, на углу Невского проспекта и Казанской площади.

Павел Алексеевич как редактор нередко шел на риск, публикуя нелицеприятные материалы, за которые «Петербургский листок» не раз получал предупреждения цензуры, а то и вообще приостанавливался. Воевать с цензорами Зарубину приходилось постоянно.

Когда же положение особенно обострялось, Павел Алексеевич вынужден был отказываться в публикации особо острых статей. В этой связи любопытно его письмо известному историку и литератору С.Н.Шубинскому (оно хранится в Российской национальной библиотеке в Петербурге). Последний предложил статью о каком-то скандальном судебном деле. Зарубин хотел уже передать рукопись в типографию для набора, как был вызван в Цензурный комитет и получил очередное предупреждение. «Потому-то, - пишет он Шубинскому, - и не решился я напечатать Вашу корреспонденцию... И то уже угрожают посадить меня в тюрьму».

Немало и собственных статей (около 150-ти) опубликовал он в «Петербургском листке». В последние годы работы в газете он уже был соредактором, разделив столь ответственный труд с журналистом Н.А.Скrobotовым.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН

Через девять лет после переезда Зарубина в Петербург, наконец, вышел его роман «Темные и светлые стороны русской жизни», большое двухтомное произведение. Роман был автобиографическим. Это история жизни мещанской семьи, глава которой, Иван Порфирыч Бобров, целиком «списан» автором со своего отца, Алексея Яковлевича Зарубина. Он, мещанин Гавриловской слободы, тоже содержал свою семью судовым промыслом и также стал жертвой холеры. Жена его, Пелагея Петровна, как две капли воды, похожа на мать Павла Зарубина, Авдотью Матвеевну.

«Я желал выставить русского человека, каков он есть на самом деле», - писал Павел Алексеевич в предисловии к роману. «За одно только я могу здесь поручиться, - продолжал он, - за верность лиц, выведенных мною на сцену, с их логикой и складом мысли».

Действие романа начинается в 1816 году, то есть в год рождения Павла Зарубина. Сам он выведен в образе Николая Ивановича Боброва - самоучки, землемера, питающего необоримую страсть к науке.

Зарубин показал в романе жизнь мещан, которая до него почти не изображалась в художественной литературе. Роман был издан петербургским книгопродавцом-типографом К.Н.Плотниковым. На выход его откликнулся И.С.Тургенев, который писал, что не знает «более правдивого, более точного и полного по богатству и непосредственности наблюдений беллетристического изображения мещанской среды и жизни». Максим Горький назвал Зарубина своим литературным учителем. В повести Горького «Жизнь Матвея Кожемякина» главный герой говорит о книге Павла Зарубина: «Пятый вечер слушаю я ее: резкая книга и очень обидная, слушать тяжело, а спорить - нельзя, все верно!».

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ. ПОСЛЕДНИЕ ИДЕИ

Роман «Темные и светлые стороны русской жизни» остался единственным художественным произведением П.А.Зарубина. Он собирался написать продолжение, но так и не собрался. Изобретательство же продолжал, как и раньше.

В конце 70-х годов Павел Алексеевич разработал проект подводной лодки. Зарубин писал, что «проект его разработан до мельчайших деталей на основании научных данных». К сожалению, ни чертежей, ни подробного описания подводной лодки Зарубина до сих пор найти не удалось, и как она выглядела, как была устроена, неизвестно.

Начал он проявлять интерес и к воздухоплаванию, в частности, к расчетам и конструкции управляемых аэростатов (дирижаблей), задачам, тогда еще далеко не решенным.

В 1882 году Павел Алексеевич подал в отставку, ушел из музея, но соредактором «Петербургского листка» остался. Ему суждено было проработать в этой газете еще около четырех лет.

После смерти жены Павел Алексеевич все чаще стал жаловаться на нездоровье. Ходили слухи, что он отравился парами ртути, экспериментируя с изобретенными им «ртутными весами». На самом деле тяжелая болезнь уже давно

подтачивала его некогда крепкий организм. Врачи, осмотревшие Зарубина, поставили диагноз: неизлечимая болезнь печени. От Павла Алексеевича скрыли этот приговор, но он и сам догадывался, что дела его плохи. Летом 1886 года он с семьей отправился на дачу в окрестностях Петербурга, в Старую Китенку, близ Стрельны. Там почувствовал себя значительно лучше. Но так продолжалось недолго. Силы его уходили. Павел Алексеевич велел пригласить священника, исповедался. В тот же день возвратились в город, в скромную квартиру на углу Загородного проспекта и Серпуховской улицы, в дом № 2, Зарубин слег и больше уже не поднялся. Три дня спустя, 31 июля, в 9 часов вечера, наступила смерть. «Она была тиха, - писал «Петербургский листок, - Павел Алексеевич точно не умер, а уснул вечным сном».

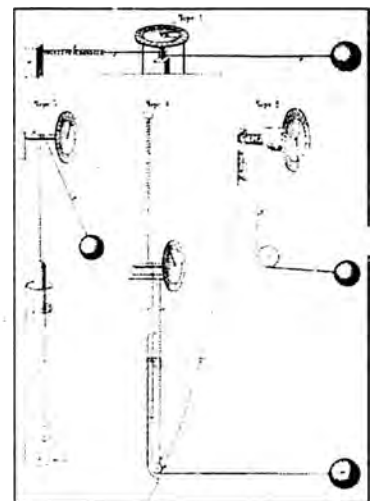
Похоронили его на Волковом кладбище Петербурга, где нашли свой покой известные литераторы, ученые.

За несколько лет до смерти П.А. Зарубин написал статью о социалистах-революционерах. Он выступал там против революционной ломки, ратовал за умные реформы. Таким был этот удивительный человек, «самородок из Пучежа».

Геннадий ЧЕРНЕНКО.

Роман П.А.Зарубина.

Прибор для определения скорости хода судна.

ОБ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ КОСТРОМЫ И ИХ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ

Кострома по заключающимся в ней интереснейшим и прекрасным памятникам – архитектурным и художественной старины – давно уже могла бы занять одно из лучших мест в ряду исторических городов России. В основанной сравнительно поздно Костроме не могло быть строительства такой глубокой древности, как во Владимире, Ростове или даже Ярославле, о котором летописи упоминают уже в 1076 году... а в XIII веке славился уже Преображенским монастырем, в то время когда в Костроме мурза Чет только основывал Ипатьевскую обитель.

В Костроме не было столь значительных по власти и богатству удельных князей, как в других городах того времени, которые бы пеклись о красоте города и возводили златоверхие храмы; никто здесь не делал и богатых вкладов для построения таких зданий, которые передали бы потомству память о первых шагах зарождающегося города; не было здесь и таких каменных крепостных стен, какие еще уцелели во Пскове, в Нижнем Новгороде, в Изборске, а в виде остатков – в Казани, Смоленске, Остроге.

Существовавшие ранее в Костроме земляные стены, подобные хорошо сохранившимся в Переяславле, являлись наглядными выразителями древнего вида города, единственными свидетелями угасшей исторической жизни и придавали облику города вообще живописный вид. Стремясь придать Костроме новый, более благоустроенный вид, преобразователи города наложили свою руку и на эти земляные валы и насыпи, со-

ставлявшие столь характерную черту древнего вида Костромы. Просуществовавшая 400 лет крепость постепенно в 1809, 1817, 1818 и 1824 годах была срыта в уровень с площадью у Триумфальных ворот.

Позже на месте валов разбили сквер, английский сад, убрали находившиеся на валах пушки, из которых палили еще в честь прибытия Екатерины Великой. Таким образом, до XVI века художественное значение Костромы не могло быть велико, не вызываясь никакими исключительными обстоятельствами истории и быта. Явление иконы Феодоровской Божией Матери боярину Квашне – единственное событие, давшее сюжет историкам и мастерам художеств, и сюжет этот разработан был в достаточной степени.

Но мало-помалу Кострома, уже в половине XVI века бывшая крупным центром торгово-промышленной деятельности, к концу XVI века – в двадцатых годах XVII становится четвертым посадом всей страны, и развитие ее продолжается до половины XVII столетия. Достигнув в XVII веке наибольшего своего расцвета, Кострома впоследствии, несмотря даже на приобретенное ею случайно крупное значение в истории России, вместе со всей системой верхневолжских посадов начинает быстро падать и затираться новыми центрами.

Не только кратковременность этого материального благополучия, отсутствие крупных пожертвований или ранее таких князей, велением которых украшалась бы Кострома, были препятствиями к развитию местно-

го строительства; не было здесь и побудительных факторов в виде каких-либо войн, сопро-вождающих их побед или иного рода событий. И, как показали исследования фундаментов Успенского собора... кладка даже древнейших частей его оказалась не старше XVII века; но с XVII века, особенно после избрания царем пребывавшего в Костроме Михаила Федоровича Романова, здесь начинает развиваться церковное художественное строительство, поддерживаемое впоследствии попечениями богатейших бояр и купцов.

Таким образом, краеугольным камнем развития художеств в Костроме является это историческое событие, обратившее внимание Москвы и ее людей на Кострому и, в частности, на Ипатьевский монастырь. Вскоре здесь воздвигаются храмы, служащие и поныне украшением города.

Все исторические древности Костромы, имеющие исключительно церковный характер, относятся к XVII-XVIII векам, т.е. к концу блестящей эпохи русского зодчества. Эти образцы церковного зодчества XVII века, вообще особенно красивого и выразительного в городах северного Поволжья, затмевают собою даже храмы царственной Москвы и делают Кострому одним из таких архитектурно-художественных центров, которые имели значение для окружающих их меньших городов. Но развившееся здесь церковное зодчество носило несколько своеобразный оттенок смешения восточных византийских традиций (в плане), западных веяний (в декорировке) и элементов северного деревянного зодчества

Крайнего Севера (шатры, паперти).

Наиболее древняя церковь Костромы – Успенский собор; он был основан в половине XIII века, но перестроен впоследствии заново в XVII веке. От прежней постройки сохранились, быть может, лишь прием плана да единственный в своем роде в России поворот апсид не на восток, а на север.

Следующий за ним по времени основания (половина XIV в.) Троицкий собор Ипатьевского монастыря также не сохранил ничего от более раннего собора, относится уже к 1649 году.

Собор Богоявленского монастыря, основанный в середине XV столетия, тоже представляет вполне тип зодчества XVI века, но и он чрезвычайно изуродован пристройкою в восьмидесятых годах XIX столетия обширного храма, в котором старый собор занял лишь алтарную часть.

Церковь Воскресения на Девре, построенная в 1652 году, представляет наиболее цельный в Костроме тип храма русского зодчества периода расцвета, золотой поры его. ...Каменные шатры Воскресенской церкви с прелестно делящими их на грани ребрами дают Костроме особый тип церковного зодчества.

Любопытен вообще тип покрытия главок костромских церквей. По всей вероятности, первоначально все они были крыты черепицею или деревянным гонтом. Частые пожары и изменившиеся экономические условия содействовали введению металлического покрытия, но внешность его по-прежнему напоминала черепицу или деревянный гонт.

Но, несмотря на вышеупомянутые искажения, все четыре храма – одного кубического типа архитектуры, с увенчивающими их пятью главами, снабжены тремя алтарными апсидами, т.е. совершенно московского

Гауптвахта. Фото начала XX в.

облика – представляют в общем значительный и ценный материал, обладание которым ставит Кострому в ряд городов, наиболее интересных для любителей и ученых в области русского искусства.

Среди этого общего кубического типа храмов можно отметить прелестную, почти одновременно с ними воздвигнутую, в 1650 году, Троицкую церковь, также кубическую, но с отличным переходом ее от куба к главам с помощью трех ярусов кокошников. Троицкая церковь представляет, кроме того, прекрасный пример не только большой оригинальности архитектурного замысла, но и изумительной фантазии в детализировке и художественности выполнения. Общие мягкие очертания бус на кокошниках, тяг на карнизах, эти смягчения острых граней углов, притертых как бы умышленно рукою чуткого художника, дают впечатление вылепленности всех форм постройки и делают очевидным, что в руках мастера не было циркуля и линейки. Во всех остальных церквах Костромы уже сквозь итальянское влияние чувствуется чертежное начало; ранее, во Пскове или Новгороде, его не было вовсе, – не было той остроты линий, которая вно-

сится, несомненно, лишь русским ренессансом.

Последующие годы не дали Костроме особенно заметных образцов церковной архитектуры. ...Кубический храм увенчивается почти исключительно пятиглавием, в группировке этого последнего, в различии компоновки этих глав и в рисунке силуэта их и заключается все разнообразие костромских храмов XVII столетия, интересных главным образом своим ансамблем. Однако следующие за вышеуказанными в хронологическом порядке церкви – Сергиевская, Спасская за Волгою, Иоанна Богослова (в Ипатьевской слободе), Николаевская и другие в совокупности составляют интересный материал для истории русского церковного строительства конца XVII и даже первой четверти XVIII века (в глухой провинции зодчество русского стиля удерживалось значительно дольше, чем в столице). Шатровая колокольня, форма куполов и разного рода приемы установки и группировки последних на крыше дают возможность интересных сопоставлений, параллелей и выводов. Правда, многие из этих церквей скорее любопытны курьезностью своих форм, утрировкой пропорций, гротеском деталей,

но почти все они чрезвычайно живописны своим положением, своим уютом и красочностью. Белые стены церквей, украшенные синими главками и золотыми куполами, усыпанными звездами, окруженные развесистыми деревьями, серыми заборами, тем не менее так очаровательны в своем общем виде, что одним этим внешним обликом они становятся достойным украшением Костромы.

Лишь во второй половине XVIII столетия эпоха барокко, пришедшая в Кострому, конечно, значительно позже, нежели наступил ее расцвет в столицах, дает и зодчеству Костромы два-три блестящих примера своего великолепия. Богоявленский собор и его колокольня вместе с оградой, воротами и калиточками в ней образуют даже исключительный по красоте ансамбль сооружений этого стиля...

На смену барочным течениям приходят, также с запозданием, классические влияния, начиная со стиля Людовика XVI, с характерными для него тосканскими гладкими или каннелированными колоннами, гирляндами и строго прорисованными триглифами фриза. Церкви: Спаса на Подвязье, Покровская, Алексе-

евская – примеры этого течения, хотя и очень скромные.

Классические течения, овладев вкусами петербуржцев, дали и Костроме сооружения, которые и поныне могут составить красивую страницу в истории ее художественной архитектуры, пополняя, кроме того, пробел, заключающийся в отсутствии образцов гражданского творчества русского стиля.

Однако если Кострома в это время и не стала художественным центром, то она нисколько не потеряла от этого в своем художественном значении. Тем более надо ценить ее прекрасные и ценные сооружения периода классицизма, что они не вызвали распространения себе подобных и их великолепие не было ослаблено подражаниями.

Прекрасные колоннады пожарной каланчи и гауптвахты были осуществлены к 1823-1826 годам, но стиль их зодчества значительно более ранний все по той же причине значительного запаздывания распространения архитектурных влияний в провинции.

Собственно усиление гражданского зодчества этого стиля совпадает с введением в Россию наместничества и вызванную этим потребностью помещений

для различных канцелярий и присутственных мест. По проекту местных зодчих: Метлина, Фурсова, впоследствии Уткина... воздвигаются в Костроме прекрасные своею внушительностью корпуса, украшенные фронтонами и колоннадами или же целыми портиками.

Городское и частновладельческое строительство развивается также быстро, главным образом на средства богатого купечества, и мы видим в Костроме образцы прелестных зданий и особняков, украшенных всеми орнаментами александровского или позднейшего классицизма. Комнатные печи могут быть поставлены в ряду лучших в России образцов художества этого рода.

Николаевское время дает еще красивые, хотя и несколько сухие примеры строительства, тоже обогатившие художественное значение Костромы; несмотря на значительно уменьшившуюся живописность, гражданские сооружения этого периода прекрасно гармонируют с постройками предыдущей эпохи. Правда, их всех объединяет одно выражение, одна общая черта – провинциализм деталей, гротеск композиции, курьезы пропорции, одинаковость окраски.

К сожалению, у большинства домов классической архитектуры Костромы эта окраска однотонная. Интересна эта мертвенная бледность, но хотелось бы оживить ее двухтонной гармонией, и тогда лимонный, фисташковый, персиковый и фиолетовые тона дали бы красочную жизнь облику Костромы. Лишь дом гауптвахты, губернское правление да Старый двор покрашены в два цвета – охрой с белой. Надо бы следовать этим примерам.

Успенский собор Костромы, первоначально построенный в XIII веке, не сохранил, очевидно, не только первоначальных своих стен, но даже фундаментов. Успенский собор в достаточной степени изучен и много раз

Улица Русина. Фото начала XX в.

был описан, а поэтому не будем останавливаться на деталях, его конструкции и предметах украшения. Гораздо интереснее для нас рядом с ним находящийся Богоявленский собор. Самое здание собора, построенное в 1776-1791 годах вместе с колокольнею всего за 12000 рублей на месте древнего споровшего Крестовоздвиженского монастыря, служит зимним храмом и снаружи довольно просто. Это трехэтажное кубическое сооружение, увенчивающееся куполом на невысоком барабане, прорезанном восьмью окнами, разграфленными старинными рамами на мелкие квадратики. Но пропорции этажей, членение глади стен наличниками окон, связанными по высоте между собою одною архитектурною композицией, прелестные детали угасающего уже барокко и переходного к классицизму стиля (фриз, разбитый на триглифы) делают архитектуру собора очень приятною. Красивые, окрыленные головы амуров украшают фронтоны окон всех пяти полукруглых апсид разной величины.

Внутренняя архитектура собора совсем неинтересна. Гораздо красивее колокольня, построенная при соборе его строителем С.Воротыловым вместо прежней, разрушившейся в 1773 году, и представляющая издали фантастическое зрелище нагромождением арок, колонн и всяких украшений.

Внутренние три марша лестницы дают впечатление хорошего основания колокольни; зимой, занесенные наполовину снегом, эти марши создают плавный переход от земли к сооружению, которое кажется как бы вырастающим из массы снега.

Карниз первого яруса, в стиле рокайль, украшен богатыми позолоченными завитками; далее в разорванные фронтоны 3-го яруса вставлено всевидящее око с золотыми лучами. По углам каждого яруса – прелес-

тные вазы, тоже позолоченные, с синими горизонтальными полосками. Вазы эти придают очень много фантастики всему облику колокольни, не раз давшему повод к сравнению ее с индийскою пагодою. Переход к куполу заполнен часовым циферблатом, выкрашенным в оливковый тон с черною серединою и помещенным на ярко-голубом фоне вогнутой поверхности купола.

Красочное сочетание золота с голубым и белым очень приятно, но наводит на мысль, что колокольня была бы еще красивее при двутонной окраске ее в белый и голубой колера.

Колокольня и собор окружены оградой, построенной одновременно с ними. Столбы ее очень хороши по композиции и украшены вазами, схожими с теми, которые украшают колокольню; железные решетки между столбами просты, но милы.

Троицкий собор Ипатьевского монастыря, наружная реставрация которого ныне почти закончена, представляет, несмотря на переделки, явно внесшие искажения в архитектуру его, прекраснейший памятник московского зодчества в провинции. Паперть очень красива ажуром своих деталей. Пояс из узких арок, идущий ниже закомар, несомненно, сделан после восстановления собора, разрушенного взрывом.

Покрытие храма уцелело по сводное, т.е. по абрису закомар; это большая редкость в архитектуре старинных церквей.

Крыльцо собора еще не закончено реставрацией, и вопрос о восстановлении его покрытия, также очень спорный, не разрешен до сих пор. Дело в том, что при одноарочном соединении крыльца с телом храма не только общие правила русской архитектуры, но и конструктивная трудность не допускают шатрового покрытия; между тем пирамидальное покрытие было бы слишком тщедушным

для громоздкого крыльца и особенно не соответствовало бы четырем его массивным столбам. Предположено поэтому оставить существующее покрытие, явно «ампирного» характера, в виде плоского сферического полукупола, увенчанного шпилем.

Классические течения в зодчестве также очень рельефно проявили себя в Костроме. Дело в том, что два наиболее интенсивных периода развития города совпали: один – с веком наибольшего расцвета русского зодчества, другой – с развитием классических учений и вкусов ампира. В течение первого периода были построены лучшие церкви и соборы Костромы; во втором, после учреждения наместничества, – все лучшие гражданские сооружения, правительственные здания, особняки.

Но с реформированием государства для развития художественного строительства Костромы приобретают значение уже не столько отдельные лица, сколько правительственные проекты. Учреждение наместничества (в 1778 году) и вызванная им потребность в специальных постройках для размещения канцелярий вызвали сооружение новых, грандиозных по тому времени корпусов и зданий губернских присутственных мест, губернского дома, зданий учебных заведений.

Классические тенденции отзываются и на церковном строительстве; они проглядывают в тяжелых, низких корпусах гостиных дворов, накладывая свой отпечаток на частновладельческие особняки, но больше всего выражаются в грандиозных, прекрасно скомпонованных фасадах правительственных учреждений и казенных зданий. Классические вкусы дошли до Костромы со значительным, как то часто бывает в провинции, опозданием в первой четверти XIX столетия; благодаря этому, в то время когда в столице уже

наблюдались упадок стиля и появление ложногоготических форм времени Николая Павловича, в Костроме еще воздвигали здания, полные всей чистоты ампира, с прекрасными пропорциями и хорошо выполненными деталями.

Начало классическому строительству здесь положили гостиные дворы; особенно красив среди них «табачный ряд» (1805г.) и большой гостиный двор несколько более ранней архитектуры. За ними следовали перестройка и достройка церквей: христорождественский портал, георгиевский портик; далее (1809 г.) шло здание присутственных мест, канцелярий учрежденного наместничества. Строил его по своему утвержденному в Петербурге проекту архитектор Николай Метлин. Это был лучший зодчий Костромы того времени; за ним следовал Фурсов, по преданию,

ссылный, воздвигнувший в 1823-1825 годах чудесную гауптвахту. Это небольшое, но очень типичное здание, украшенное порталом из шести колонн ордера, оригинальной композиции. Ниша украшена хорошо выполненными скульптурными барельефами; перед фасадом - чудесно обработанная площадка с двумя редкими старинными фонарями.

На Павловской, Московской и Русиной улицах есть много уютных ампирных особняков нач. XIX столетия. Богатые купцы Мичурины, Дурыгины, Солодовниковы, Акатовы составили целые улицы из таких построек. Тут же неподалеку, на Сусанинской площади, стоит исключительное здание пожарной каланчи (1825-1827) того же мастера Фурсова. Вот образец, единственный в своем роде и достойный подражания при сооружении новых пожарных депо.

Мало, вероятно, ценят костромичи свои сокровища, заключенные в архитектуре XVIII-XIX веков. По крайней мере, если могут быть оправданы те утилитарные соображения, которыми руководствовались местные хозяева и зодчие, перестраивая гостиницу «Старый двор», правда, не отличавшуюся особенно художественным приемом или отделкою своей архитектуры, но пристройка к чудесным обелискам Московской заставы лавчонок в целях предоставления городу некоторого дохода не может быть признана заслуживающей снисхождения. Памятник испорчен навсегда. А много ли таких?

Что же будет, когда реставрация собора закончится и когда все исторические постройки снова будут отданы на произвол судьбы?

Зодчий. 1913. № 17. С. 190-200.

Церковь Воскресения на Дебрс. Фото конца XX в.

ИКОНОПИСАНИЕ – СЕМЕЙНОЕ РЕМЕСЛО

Историю русской живописи уже невозможно представить без костромской школы стенного письма. В XVII веке это были исключительно мобильные, профессионально высоко подготовленные дружины изографов, которые, меняя состав, как эстафету, пронесли добрую славу костромских мастеров. Костромские иконописцы были своего рода цехом Оружейной палаты, по числу отработанных на выезде дней им не было равных среди городских мастеров. Из их среды вышли три выдающихся знаменщика, возглавивших городских мастеров в работах по стенному письму в кремлевских соборах: Любим Агеев, Василий Ильин Запокровский, Гурий Никитин.

Архив Оружейной палаты позволил А.И.Успенскому создать словари царских и патриарших иконописцев XVII века.(1) Однако в них порой костромичи записаны как ярославцы, москвичи. Действительно, некоторые иконники подолгу жили в Москве «для своего пропитания», перебирались на постоянное жительство в Ярославль. Их записывали в столбцы Оружейной палаты с иконниками тех городов, откуда они прибывали к «государеву делу».

Над словарем костромских иконописцев трудился Е.В.Кудряшов. В ГАКО хранится рукопись этого труда, к сожалению, в свое время не получившего поддержки и не опубликованного. (2)

В настоящее время попытку создать новый словарь иконописцев XVII века предпринимает Государственная Третьяковская галерея, куда войдут собранные Е.Кудряшовым биографические сведения о местных мастерах иконописания.

Меня в этой проблеме интересовали не только отдельные имена, а их связи, семейные узы, которые крепко цементировали дружины костромских изографов.

Разобраться в структуре родственных связей исключительно важно, так как семейные мастерские растили хорошо подготовленных иконописцев. Уже при первых вызовах в Москву большинство из них получало аттестацию по средней (второй) статье. Они рано приобщались к артельному труду, а там быстрее замечали природные склонности к личному, палатному, травному письму и старались их использовать, развивать.

Вопросы формирования костромской школы, ее стиля, традиции иконописания исключительно сложны, при скудости документального материала по Костроме XVII века мало изучены.

Попробуем рассмотреть их в свете наследственного владения ремеслом иконописи, где артельным труд – высшая школа мастерства, место проявления таланта.

Гурий Никитин, Сила Савин, Василий Осипов, Василий Козмин, Артемий Тимофеев, Петр Аверкиев, Григорий Григорьев, Марк Назарьев, Василий Мионов, Фома Ермилов, Филипп Анdreянов, Ефим Карпов, Макарей Иванов, Василей Васильев, Лука Марков, Гавриил Семенов, Василий Никитин, Федор Липин, Федор Логинов – это список изографов, участвовавших в 1684 году в росписи Троицкого собора Ипатьевского монастыря. Единственный полный перечень «дружины Гурия Никитина» на костромской земле. У себя на родине Никитин собрал артель из местных ико-

нописцев, не привлекая иногородних мастеров. Художники, начавшие работу по интерьеру Троицкого собора, не оставили нам на память своих автографов, хотя к освящению в 1652 году успели написать иконы для иконостаса, а в 1654 году начали росписи на паперти, написали несколько композиций на западной стене четверика, но захватившая город моровая язва прервала все художественные и строительные работы по Троицкому собору. Возобновили их только через 30 лет, когда выросло, набралось опыта новое поколение мастеров стенного письма.

Судьба сохранила от смерти в ту лихую годину Г.Никитина, и он сумел обеспечить преемственность стиля, преумножил авторитет местной школы монументальной росписи. С 1660 по 1690 год Никитин – признанный глава костромских иконописцев.

Троицкий собор Ипатьевского монастыря всегда нес печать мемориальности как место, связанное с обрядом приглашения на царство Михаила Федоровича. Для монастыря было важно, чтобы новый собор был достоин той чести, которая выпала на долю его предшественника. Поэтому в 1684 году для росписи был приглашен не просто талантливый земляк, а изограф, трудившийся в соборах Московского кремля. В артели собраны были лучшие иконники, аттестованные по первой, второй статье, и талантливые молодые ученики. Впрочем, надпись всех называет изографами, только традиция составления подобных автографов подсказывает нам, что в конце списка

самые молодые мастера, возможно, еще не получившие аттестации, например, Федору Логинову было 23 года.

Рассказать о всех мастерах даже из троцкого списка, кажется, невозможно, такие имена, как: Василий Васильев, Василий Никитин - трудно высчитать по причине их распространности.

Уточнить семейные связи мастеров позволяют Писцовая книга по Костроме 1628 года, Дозорная 1664 и Ландрадские книги 1705, 1715/16 годов. Естественно, эти документы не отличаются полнотой. Переписная книга, ссылки на которую есть в Дозорной книге, утрачена. (3) Традиция имянаречения, сохранения родовых имен позволяет связать некоторые звенья семейных связей, одна-

ко еще не устоявшиеся фамилии вносят дополнительные трудности. Исследователю не избежать догадок, предположений, если учесть, что посемейные переписи появляются только в Ландрадских книгах с начала XVIII века, а в более ранних женская линия прослеживается только в варианте вдовства, когда двор переходит к жене во владение после смерти мужа. Вместе со вдовой записываются только сыновья и зять, если семья дочери живет с ней.

Царские указы, «сказки» иконописцев, по которым сыскивали мастеров, живших в Костроме, челобитные, направленные иконниками на государево имя, в какой-то мере восполняют образовавшиеся лакуны (между Писцовой и

Дозорной книгой 36 лет). Я составила поименные списки иконников Костромы за разные годы, привлекая все доступные мне документы, и вот что получилось.

Род Даниловых оказался наиболее показательным: старшее поколение восходит к началу XVII века. «На Якиманской улице двор Данилы Гаврилова с сыном Дунайком, художник человек». В новом городе владеет лавкой в Мясном ряду и лавочным местом в Сурожском. (4) Сын Данилы Дунай тоже стал иконописцем. У него дети: Петрушка и Митька. В 1642–43 годах Дунай работал в Успенском соборе Московского Кремля. В 1652 году из предписания костромскому воеводе, «Дунай не иметь за их старость». В 1660 его имя опять попадает в спис-

Г.Никитин «со товарищи». 1684 г.
Смч. Иулиан персиянин. Фрагмент росписи
Троцкого собора Ипатьевского монастыря.

Икона «Благовещение». Сер. XVII в.
Иконостас церкви Воскресения на Дobre

ки городских иконописцев с указанием о старости и слепоте.

В 1664 году он бобыль, имеет двор в Уском переулке, живет с сыном Петрушкой (Митька умер в мор). У него лавки в Сурожском ряду (владеет по купчей), в Иконном (владеет по сказке). (5)

В родительском дворе на Якиманке остался младший сын Данилы Семен, тоже иконописец. В мор он умер вместе с сыном Архипком. Сын Семена Вавилко в 1665 (1667) сбежал с Костромы и во дворе живет вдова Паранка с сыном Якунком. (6)

Очевидно, внуком Дунаю Данилову был иконописец Петр Аверкиев Дунаев, участвовал в росписи Троицкого собора. Его отец, Аверкий Данилов, иконописец, умер в 1684 году, а Петр принял постриг в 1693 году. (7)

Из рода Даниловых иконописец Илья. В 1640 году он вместе с сыновьями Василием, Прокопием и Дмитрием в артели Л.Агеева писал стенное письмо в церкви Николы Надеина. Его имя впервые встречается в Писцовой книге. (8) У Илюшки Гаврилова в шубном ряду полук, которым он владеет по старине. При этом Илья записан крестьянином Тихона Мошкова. Что это означает? Личная кабала? В Никольской церкви он записан Даниловым, а дети Ильи Запокровские. За каким Покровом они жили? Может, за церковь Покрова в с.Шунга, где был двор Любима Агеева, и др.? Василий Ильин Запокровский стал преемником Л.Агеева и возглавлял костромских изографов в 1643-54 годах.

Один из Даниловых, Иван, в 1637 году был отправлен в Грузию, где «выполняли стенное иконное письмо, починали старые грузинские живописи». (9) Подобные поездки в Грузию практиковались из Оружейной палаты на протяжении разных лет. Иван Данилов к тому же служил переводчиком, сопровождая Арсения Суханова. Осво-

ил ли он язык во время поездки с иконописцами или его специально готовили к этой миссии, сказать трудно, но иконописцев брали на какое-то время в штат Посольского приказа для исполнения разных работ. Приписывали в Посольский приказ и Гурия Никитина.

Моровая язва 1654 /55 года унесла жизни многих костромских иконописцев, в том числе все семейство Запокровских. В 1664 году их лавка в Шубном ряду стоит как выморная, наследников в живых не осталось. (10)

В этот же мор умер Павлик Данилов, иконописец и отец известного иконника Семена Павлова. В 1664 году Семен – бобыль, его двор на Боровой улице. В 1665 году он уехал в Москву со всем семейством и больше в Кострому не возвращался. (11)

Удивительно одаренных мастеров дал разветвленный род Даниловых.

Василия Осипова В.Г.Брюсова считала Кондаковым, иконописцем, приехавшим в Кострому из Сольвычегодска (12). Однако это все-таки костромич. С 1660-х годов он вместе с братьями Иваном и Климом Колпашниковыми работал в дружине Г.Никитина, ездил в Москву к «Архангельскому делу». Его мастерство и талант знаменщика дали ему право на третье место в списке. Самостоятельно возглавил артель костромичей он в 1691 году при росписи Новоспасского собора в Москве.

После смерти великого Г.Никитина он вместе с женой сбежал в 1696 году из Костромы. (13)

Василий Козмин считается любимым учеником Г.Никитина. Ему приписывается руководство артелью мастеров, расписавших церковь Спаса Преображения за Волгой.

В Дозорной книге 1664 года на той же улице, где жил Г.Никитин, был «двор Алиса-

фьи Тимофеевские жены иконника» (14). Возможно, сыном этого Тимофея был Артемий Тимофеев. Очевидно, большой опыт и мастерство позволили ему занять в списке место четвертого после Г.Никитина.

У Артемия Тимофеева сын Михайло тоже иконописец, в 1715 году Михайло Артемьеву 40 лет. (15)

Марк Назарьев впервые отправился в Оружейную палату к «Архангельскому делу» еще в 1666 году и сопровождал Г.Никитина в большинстве работ. Благодаря Ландрадским книгам за 1715 год, мы узнаем, что ему 67, следовательно, при росписи Троицкого собора ему было 36 лет, вместе с ним трудился его 15-летний сын Лука Марков. В те времена сыновей рано женили, иконописцем стал сын Луки Василий. В 1715/16 году ему 21 год, он уже вдов. (16)

У Василия Миронова сын Яков – иконописец. В 1705 году Яков владел двором в 1 сотне Костромы. В 1715 году ему 37 лет, у него жена Маремьяна, Савина дочь, у них дети: Авдотья 13 да вдова Ненила, Антипина дочь 57 лет. (17) Значит, в 1715 году Василия Миронова уже нет в живых. Маремьяна не дочка ли Силы Савина?

В Рождественском переулке в 1664 году был двор «нищие вдовы Федорки Ермолинские жены иконника с сыном Фомкой». (18) Ермолка утонул в 1659 году. А этот двор поставил он вновь после 1646 года на половине дворового места Ортюшки Кулемина. Фома Ермилов в 1664 году еще не определился с ремеслом. В 1676 году он работал с земляками в Москве у государя вверху в церкви Спаса за Золотой решеткой.

В 1659 году костромскому воюводе Федору Владимировичу Пушкину велено было «собрать всех иконописцев, которые прежде писывали в Москве опречь священного иноческого чина

и выслать немедленно в Москву ради иконописных скорых дел». (19) Среди иконописцев постриг принимали чаще всего люди старшего поколения, когда вырастали дети, умирали жена. Так после смерти жены принял постриг Филипп Андрианов. (20) Принятие священнического сана тоже было нередким явлением в среде костромских иконников. Работая в храмах, изографы тесно общались с клиром и, естественно, приглядывали невест из поповых дочек, отдавали дочерей за поповичей, отсюда фамилии-прозвища Попов, Дьяконов, Дьяконицын.

Петр Иванов сын Попов Костромитин был не только сыном попа, но и сам имел сан дьякона, служил в церкви Воскресения на Дебре. Это его братья (?) или сыновья участвовали в росписи церкви Николая Надеина в Ярославле. Допускаю, что в сво-

ем приходском храме Воскресения на Дебре вместе они успели выполнить иконы для иконостаса до морового поветрия (церковь освятили в 1652 году).

Дозорная книга 1664 года фиксирует «место пустое там где стоял двор Петра Иванова Попова. По Переписной книге этот двор был сына его Ивана Иванова сына иконника. Ивашко умер в мор в 1663 году». (21) На юбилейной выставке к 350-летию Ильинской церкви в Ярославле была экспонирована икона письма Петра Попова «Спас Нерукотворный с деянием». Для истории костромской школы иконописи эта икона, с установленным авторством, чрезвычайно важна. В ней особенности стиля, лидером которого был Л.Агеев. Свободный от вызовов в Москву, благодаря сану, Петр сохранял стиль письма, приобретенный в семейном обучении.

Григорий Григорьев связан родственными узами с иконописцами рода Поповых. Он вместе с Г.Никитиным в 1666 году был у «Архангельского дела»; в 1668 году у письма Троицы в Переславском Данилове монастыре и в других предприятиях с участием Г.Никитина. Ему приписывается создание рисунков для гравюр Библии Василия Кореня. (22)

Традиция передачи семейного ремесла из рук в руки, принцип обучения «делай как я» способствовали быстрому усвоению ремесленных навыков, приемов иконописи, но и консервировали их. Только работа по вызовам Оружейной палаты позволяла молодым изографам в живом обмене с мастерами из других центров иконописания осваивать новые приемы, материалы, иконографию. Вероятно, именно в Оружейной палате освоили костромские иконописцы письмо баканами, придаю-

А.Р.Рагьков. Евангелист Лука. Фрагмент оклада на престольного Евангелия. Серебро, чеканка, позолота.

Василий Никитин Вошин. Икона «Трона Ветхозаветная». 1750 г. Троицкий собор Ипатьевского монастыря.

щими иконописи акварельную мягкость и чистоту, увлеклись ими настолько, что они стали паспортной приметой костромской иконы второй половины XVII века. (23)

Дар знаменщика редчайший. Композиционное построение отдельных сцен и ансамбля росписи в целом, цветовое решение и рисунок («знамя») определял знаменщик, это его быстрая кисть «знаменила» картину за картиной или проходила по готовой композиции, оживляя, усиливая выразительность образов. Более 20 лет проработал знаменщиком Василий Ильин Запокровский. Его творческий почерк очень самобытен; чистоте колорита, изяществу, лиризму образов он учился у мастеров XVI века. Произведения Дионисия и его школы мог изучать в московских Кремлевских соборах, в костромских церквях было немало вкладных икон гудуновской школы, даров царя Михаила Федоровича. Академией для костромских иконников была икона «Иоанн Богослов с Прохором в клеймах Апокалипсиса», вклад царя Ивана Грозного в Богоявленский монастырь. (24) Гурий Никитин, следовавший за великим знаменщиком В.И. Запокровским, тоже знал и ценил искусное письмо этой иконы.

Многие костромские изографы годами жили в Москве, но все-таки возвращались на родину. Сила Савин прожил в столице 17 лет, а в 1679 году вновь стал жителем Костромы. Гурий Никитин и Сила Савин – это уже привычная формула авторства. С кончиной Г.Никитина сошел со сцены и его «вечно второй», самая загадочная фигура в этом тандеме. Что мы о нем знаем? Мало.

Впервые он приезжает в Москву в 1657 году. Вместе с Симоном Ушаковым писал «на дорогах у внешних сторон церкви на Патриаршем дворе». (25) С начала 1660-х он регулярно

участвует в артельных работах по вызовам в Москву. С 1666 по 1679 живет в Москве со всем семейством. Длительное пребывание в Оружейной палате не отмечено особыми успехами, до 1673 года он аттестуется по 2 статье. (26) Он отмечен только в артельном труде, нет у него склонности к лидерству, ему не поручают проведения работ. Но он был нужен Г.Никитину, привлекавшему его ко всем заказам. Не думаю, что их связывала лишь память детства. В чем-то Сила должен был превосходить великого мастера или дополнять в совместных трудах. В каком же мастере нуждался Г.Никитин? Его артель почти полностью укомплектовывалась из первостатейных мастеров, так что помощника знаменщика он среди них мог найти. Вглядимся в каждое известие о Силе Савине. Вот в 1657 году он пишет «на дорогах». Орнаменты?! В 1663 г. «писал травы и чинил иконы в Благовещенском соборе», это упоминание о нем как о мастере травящих очень важно. Похоже, именно этот дар ему удалось развить. Вероятно, это ценил Г.Никитин, и его отзыв мог сыграть решающую роль в аттестации С.Савина по 1 статье в 1673 году. То, что С.Савина так долго не аттестовали, служит косвенным подтверждением тому, что он травщик. Даже лучших орнаменталистов по традиции считали достойными только 2 статьи. (27)

В артели Г.Никитина С.Савин был вторым. Если Г.Никитин начинал стенопись с замысла и «знаменил», то С.Савин заканчивал роспись орнаментальным декором, начиная с кустиков трав и цветов по позему, до узора на архитектуре палат, но тканям одежд. Во всех росписях, где они работали вместе, травы написаны с редкой свободой, легкостью импровизационного, махового письма. Орнамент одежд всегда

подобран со вкусом и тактом, лежит по форме тела, а не трафаретно плоско. Линия живая, подвижная, передающая энергию чувства. В стенном письме второй половины XVII века многое зависело от «дивного узорочья». Г.Никитин, безусловно, доверял вкусу С.Савина, был уверен, что тот не испортит общего избыточной орнаментикой.

Когда в 1691 году разгорелся конфликт двух монастырей: московского Новоспасского и Спасо-Евфимиева в Суздале – за первенство в исполнении росписи соборов костромскими изографами, Гурий Никитин пошел на то, что артель разделилась, отправил в Москву для усиления группы изографов Силу Савина. Вот почему росписи суздальского собора лишены значительной части орнаментальных чудес, той легкости, свободы травного письма, что так восхищают нас в Троицком соборе Ипатьевского монастыря. Тогда как в Новоспасском цветут на поземе пышные травы, одежды святых затканы дорогим узорочьем, но в фигурах святых нет той утонченности и динамизма, лиризма образов, свойственных творческому почерку Г.Никитина. Оскудение и жесткость орнаментального письма отличают работы последователей Г.Никитина. Следовательно, и Силе Савину не нашлось замены!

Где жил в Костроме С.Савин? Кто его родители? У кого он учился? В Писцовой книге 1628 года среди костромских иконников нет Савы или Савелия. Впрочем, Савельевым Сила назван лишь в Дозорной книге 1664 года, во все остальных случаях, а что особенно важно, в надписях поименной росписи всех участников стенного письма, он везде именуется Савиным.

Итак, Савин. Буквально на первых страницах Писцовой книги «двор Андрея и Савы Федоровских в длину 13 сажен

поперек 11 сажен. Дворники Васька Сапожник да Гришка иконник». (28) В Вознесенском переулке «двор иконописца Ондриуши Федорова з детьми Онисимком и Федкою», худой человек». Во дворе Андрея Ступишина в дворниках живет Федка иконник. Кажется, они все связаны с Алешкой и Федкой Савиновыми детьми Хапугиными, что имели двор по улице, что шла от Сулы к Брагине улице. (29) По Писцовой книге этот двор принадлежал Алисафье Тимофеевской, жене иконника. Алешка и Федька - внуки Алисафьи. Оба они стали иконописцами, унаследовав родовое ремесло иконника Тимофея. Федор Савин и Сила вместе ездили в Москву к стенному письму в кремлевских соборах. В 1666 году Федор из Москвы после «Архангельского дела» отправился в Ярославль для работы в Никольской церкви и так остался жить в Никольской сотне. (30) В Москву его уже вызывали из Ярославля.

В Дозорной книге 1664 г.: «Двор бобыля на белой земле Силки Савельева. Силка ремеслом иконописец прожитком добре худ... а по Переписной книге двор на черной земле безместного дьякона Кирилла Чудакова с сыном Ивашком». (31) Кирилл Чудаков с сыном перебрались в Москву в 1660 году. Не его ли дочь была женой Силы Савина? Иван Кириллов стал штатным иконописцем Оружейной палаты, а отец вернулся в Кострому и в 1664 году принял постриг в Ипатьевском монастыре с именем Корнилий. (32) Если в выстроенной мной схеме родства все верно, то Силе было у кого учиться, даже если отец и не был иконником. Зато дядя, дед и даже дворник Григорий - иконописцы. А не были ли они также первыми учителями Гурия Никитина: ведь великий мастер не имел иконописцев в своем роду и должен был

выбирать себе учителя сам. С Силой они жили рядом, могли дружить (Брат Гурия Лука - сапожный кропач (сапожник).

Запись в бобыли, дворники была обычной схемой ухода от тягот городского тягла. Когда земля двора Силы стала белой? У Кирилла Чудакова она числилась черной, и он платил тягло.

Вдовы иконописцев часто записывались в нищие. В Рождественском переулке двор «нищие вдовы Федорки Ермолинские жены иконника с сыном Фомкою».

Все эти примеры красноречиво свидетельствуют о наследовании ремесла в семьях иконописцев. Изографы - это достаточно закрытая корпорация, которую, помимо профессиональных, цементируют родственные связи, что обеспечивает надежность все членов «дружины» в слаженном труде стенописцев. Раннее приобщение к ремеслу позволяло настолько отшлифовать приемы письма, принятый стиль, что работы костромичей отличается редкостная цельность, стилевое единство.

В этой среде Гурий Никитин - природный талант. Он учился у всех, рано освободился от авторитета одного учителя, был одержим желанием освоить всю премудрость «изографного воображения», был богословски образован, знал европейские кунштовые библии, использовал их в своих иконографических поисках, преодолевая каноны и шаблоны ремесла.

1. Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы XVII века. Словарь. М. 1910; Брюсова В.Г. Фрески Ярославля XVII - начало XVIII века. М. 1983. Казакевич Т.Е. Иконостас церкви Ильи Пророка в Ярославле и его мастера // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М. 1980. с.21, 27, 33-35. Успенский А.И. Словарь патриарших иконописцев. М.1917.

2. ГАКО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 426, 437.
3. Писцовая книга 1628 г. - ГАКО ф. 558, е/х № 5
- Дозорная книга 1664 г. - ГАКО ф. 558, е/х № 134,
- Ландрадская книга 1709 г. РГАДА ф. 350 оп. 3 № 1579
- Ландрадская книга 1715 / 16 г. РГАДА ф. 350 оп. 3 № 1583
- Выписки из них опубликованы В.Г.Брюсовой «Русская живопись с XVII века». М. 1984. С.315-318.
4. Писцовая...л.138 об., 413-415, 422.
5. Дозорная...л.266 об., 544 об. Писцовая...л. Дозорная. л. 121 об., 340.
6. Дозорная. 163 об. В.Семенов поселился в Нижнем Новгороде.
7. Ландрадская... 1709. л.96.
8. Писцовая... л.504, об. Дозорная... 387 об.
9. Художники народов СССР. Библиографический словарь. М. 1970. Т.1. С.286.
10. Дозорная... л.387 об.
11. Дозорная... л.48 об., 49. Успенский. Царские иконописцы... С.197.
12. Брюсова «РЖ 17». с.74.
13. Ландрадская, 1715/16. Л. 120 об.
14. Писцовая л. 112 об.
15. Ландрадская... 1715/16. л.106, 107.
16. Ландрадская... 1709. 29, Ландрадская с.29, Ландрадская 1715/16. л.41.
17. Ландрадская... 1715/16. л.15 об.
18. Дозорная... л.252.
19. Островский П. Историко-статистическое описание Костромского воеводского кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома. 1870. С.184.
20. Ландрадская... 1715/16 л.87 об.
21. Дозорная... л.217 Петр умер до составления Переписной книги.
22. Сакович А.Г. Народная гравированная книга Василия Кореня. М. 1983. Л. 118.
23. Голиков В.П. Для чего баканы необходимы в иконописи? //Тезисы доклада. «Филевские чтения» М. 1999.
24. Костромской гос.художественный музей. инв.№ 2132 д.,т., 186х161.
25. Успенский. Словарь патриарших... л.78.
26. Успенский. Царские иконописцы... л.232.
27. Успенский. Царские иконописцы...
28. Писцовая... л.1 об.
29. Дозорная... л.112 об.
30. Успенский. Царские иконописцы... С.232-233.
31. Дозорная... л. 110.
32. Вкладная книга Ипатьевского монастыря. 1728 г.
- Синодик Ипатьевского монастыря. л.306.

КОСТРОМСКИЕ СЕРЕБРЯНИКИ XVII-XVIII ВВ.

Самые ранние сведения о мастерах серебряного дела относятся к XVI веку. В Писцовой книге Казани 1565-68 гг. упоминается о серебрянике Рудаке Борисове из Костромы, владевшем лавками в серебряном и железном рядах. Костромская Писцовая книга 1628 года регистрирует в городе семь дворов серебряников. В страшный мор 1654 года чума унесла жизнь нескольких мастеров, вымирали семьями. У известного ювелира Андрея Жидовинова умер брат-серебряник Любим и сын Осип. Умерли Архипко и Ивашка Потаповы, Сенька Филимонов и Гришка Григорьев. Ряды серебряников пополняли «пришлые люди»: есть сведения о Якушке Ермолаеве с сыном Якимком из посада Большие Соли, оба были серебряники. В 1664-68 годах в Костроме числилось 12 мастеров серебряного дела, большинство из них «прожитком добре худы и за скудостью не довелось положить в тягло». В 1703-1706 гг. в московской Оружейной палате взяли пробы и позволительные письма на производство и торговлю золотыми и серебряными изделиями 28 мастеров и торговцев из Костромы и Красного и окрестностей.

Первые изделия, клейменные костромским пробирным мастером, датированы 1746 годом.

В первой половине XVIII века в Костроме сформировались целые династии ювелиров Серебряниковых, Окатовых, Шевяковых, Заводовых (последние много лет были пробирными мастерами).

Большинство изделий выполнялось по заказу церкви или как вклады, украшавшие

Работа ювелиров. Миниатюра XVII в.

чудотворные, чтимые иконы: оклады, венцы, цаты, ритуальные сосуды. Для бытового обихода делали столовое серебро, женские украшения, пуговицы. Все в соответствии с господствующей модой и стилем. В музейных собраниях сохранились произведения лучших мастеров, которые дают представление об особенностях костромской школы. Местный

стиль хотя оперирует традиционными мотивами орнаментики, но отличается в технике чеканки, приемах исполнения, формообразования, расположения и соотношения элементов, выполненных в высоком (репы) и низком (листья) рельефе, любовью к сопоставлению глади располированного фона и матовых, с канфареным орнаментом плоскостей. В орнаментику венцов костромичи вводят короны, ангелов, на цатах - евангельские сцены. Известный серебряник Г.Ратьков, автор оклада к чудотворной иконе Богоматери Федоровской, совместил в нем рельефную чеканку орнаментов с гравировкой и чернью в клеймах чудес образа. (Фрагменты оклада в ГИМе и костром. музее-заповеднике). Из того же семейства Алексей Ратьков - один из ведущих мастеров Оружейной палаты. Его творчество, несмотря на работу в столичных мастерских, сохраняло признаки костромской школы.

Светлана КАТКОВА

Акционерное общество «Костромской ювелирный завод» (генеральный директор В.В.Сорокин) ведет свою летопись с 1939 года. До 1960 года это была ювелирная артель «Победа», затем 10 лет – ювелирная фабрика. С 1971 года – ювелирный завод, входивший в объединение «Ювелирпром». В 1992 году ювелирный завод был приватизирован и стал акционерным обществом открытого типа с контрольным пакетом акций у трудового коллектива. Работы костромских мастеров отличаются оригинальностью художественного решения и высоким качеством, отвечают всем требованиям современного ювелирного искусства. Сегодня завод – одно из крупнейших ювелирных предприятий России, хорошо известное и за ее пределами. 40 лет проработал здесь главный художник И.С.Шедов.

- Иван Степанович, чем отличается Костромской завод от Красносельского, который был когда-то головным в объединении «Ювелирпром»?

- Прежде всего выпускаемой продукцией. Мы работаем только с драгметаллами и драгоценными камнями, а у них – скань, медь, мельхиор. Мы раньше делали немного изделий из цветных металлов на экспорт в Африку, но потом перестали.

- Это не сужает ваши художественные возможности?

- Нет, я бы не сказал. Возможности у нас широкие и в серебре, и в золоте, и в платине. Диапазон очень большой – от массовых изделий до эксклюзивных, очень дорогих вещей.

- Вы их делаете на заказ?

- Делаем и на заказ, и как выставочные. Очень дорогие вещи, но они потом постепенно продаются.

- В частные руки?

- И в частные руки тоже.

- Каковы художественная тематика и ассортимент ваших изделий?

- Различные украшения. Как уникальные, так и серийные. Броши, кольца, ожерелья.

- Кроме украшений, у вас изготавливались и другие изделия, например, памятные медали для Костромской епархии. К 850-летию Костромы что-нибудь подобное будете выпускать?

- Мы уже сделали для города кое-какие сувениры, значки. Сейчас ре-

шаем, из какого металла делать медаль.

- Сколько всего художников на заводе?

- Пять человек вместе со мной.

- Как вы определяете тематику, находите художественные решения? Идет ли изучение спроса на вашу продукцию?

- Обязательно. У нас есть служба маркетинга, прислушиваемся к ее рекомендациям. Пользуемся специальной литературой, посещаем все российские и международные выставки. Сейчас в Базель уехала наша группа. Мы там выставили коллекцию Костромского ювелирного завода из серебра, эксклюзивные изделия из золота с бриллиантами, довольно роскошные. Процесс идет постоянно, мы в курсе всех событий в ювелирном мире.

- Что дает вам участие в выставках?

- Дает живое общение. Возможность поучиться у других и свое лицо показать. С каждой выставки мы привозим дипломы, призы. Последняя награда – за ожерелье с бриллиантами. Нам присудили первое место и вручили на вечное хранение переходящий приз, который до этого путешествовал по разным городам, был в таких крупных ювелирных фирмах, как «Русские самоцветы», «Ювелиры Урала». Это бронзовая скульптура шамана с золотым скипетром, украшенным бриллиантами.

- Сколько, интересно, стоит ожерелье, получившее такой приз?

- Около миллиона рублей.

- Где проходят самые крупные ювелирные выставки?

- В Италии, в Базеле. В Америке бывает много выставок, вот и сейчас наша делегация туда отправилась. На Востоке – в Гонконге, Таиланде (Бангкоке), где я был в 2000 году.

- У Вас нет ощущения, что в последнее время ювелирное искусство превращается в промысел и даже в ширпотреб. Ведь производство диктует свои законы, всегда ли они

совпадают с художественным творчеством?

- У нас такой проблемы нет. Нам дают возможность делать то, что мы хотим. И в то же время мы обязаны поддерживать производство, ведь на заводе работает коллектив около 500 человек, им получать зарплату надо. Так что одно другому у нас не мешает.

- Что за мастера производят этот чудо-товар, который получает такие призы и дипломы?

- На заводе много настоящих мастеров, которые работают более 30 лет. Группа модельеров - уникальная группа. Имена? Жуков Сергей Геннадьевич, Сорокин Дмитрий Михайлович... Некоторые уже ушли.

- А молодежь приходит после Красносельского училища художественной обработки металлов?

- Да, в основном оттуда. Сейчас еще в технологическом университете стали учить нашему делу, ввели такую очень интересную специальность: инженер-художник. Трудно понять, как одно с другим совмещается. А так предпочитаем из Красного, где готовят более профессиональные кадры. Все наши художники там училище заканчивали.

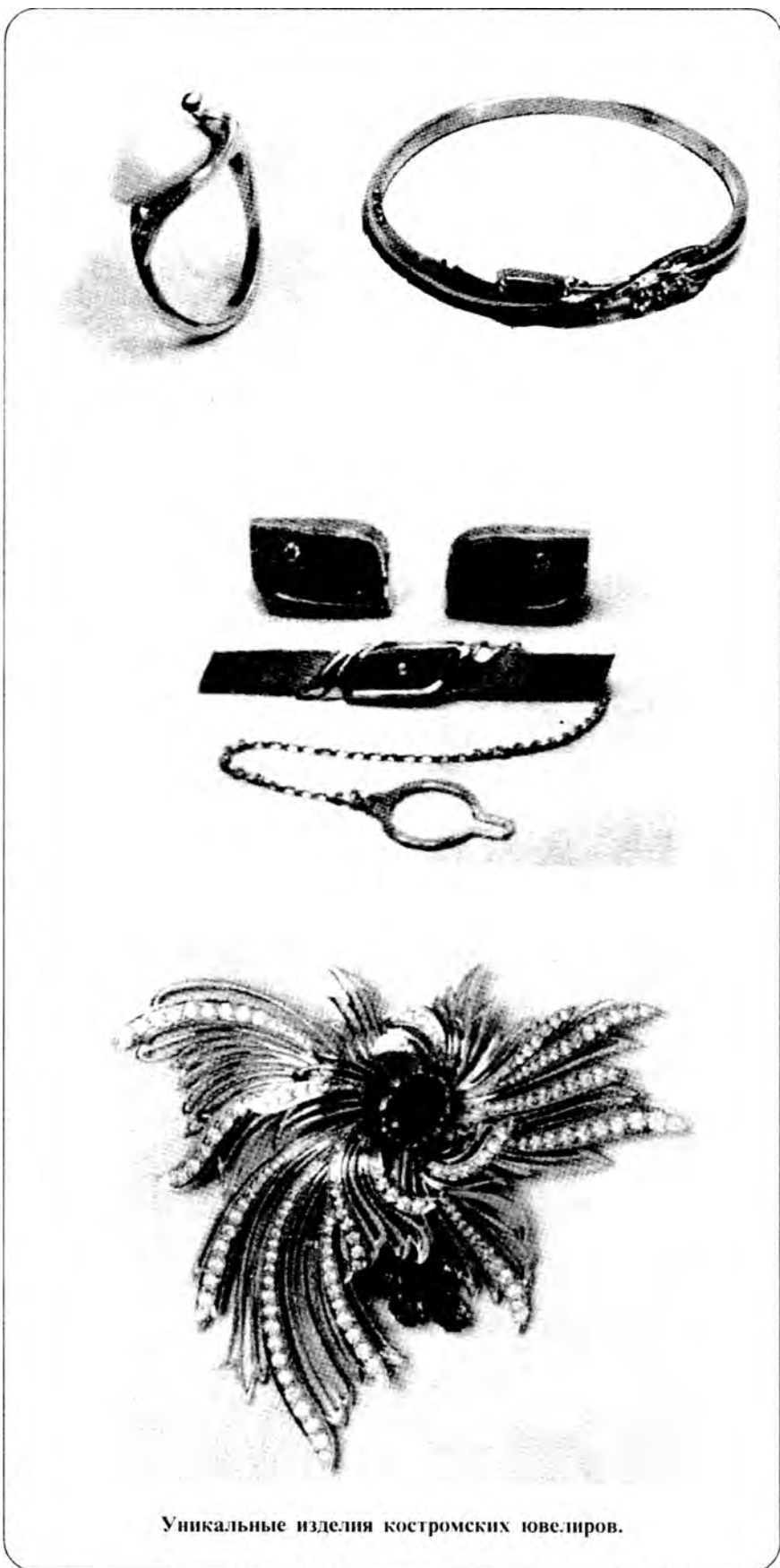
- Несмотря на трудное время. Костромской ювелирный завод имеет репутацию стабильно работающего предприятия, надежного делового партнера. А каковы у вас перспективы?

- Казалось бы, при такой экономической ситуации ювелирное дело должно затухать. Но спрос на нашу продукцию не падает, а растет. Мы даже не можем выполнить все заявки, которые поступают к нам от торговых организаций.

- Откуда больше заявок - из России или из других стран?

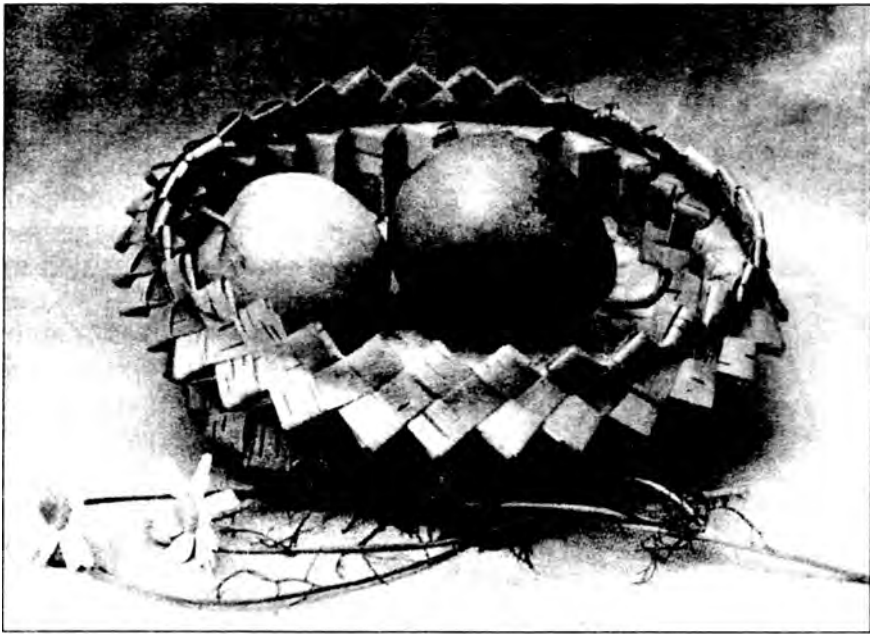
- Больше из России, но делаем и на экспорт. Так вот. Если 10 лет назад завод выпускал в год 100-120 наименований изделий, то сейчас - 1300-1400. И каждый месяц идет обновление ассортимента. Так что перспективы хорошие.

Беседовал Николай МУРЕНИН

Уникальные изделия костромских ювелиров.

Ваза для фруктов В.Е.Шантыревой.

КРАСОТА РУКОТВОРНАЯ

Народное ремесло, уходя корнями в далекое прошлое, продолжает жить вместе с нами. В Костроме сохраняются и развиваются традиционные ремесла: гончарство, глиняная игрушка, резьба и роспись по дереву, плетение из ивового прута и бересты, ткачество, кружевоплетение, лоскутное шитье, вышивка... Современные мастера, сохраняя традиции, используют новые элементы и формы в работе, изготавливают не только полезные для дома и быта изделия, но и прекрасные произведения народного искусства.

Основательница костромской школы плетения из бересты В.Е.Шантырева с сыновьями. 1980-е гг.

Деревянных дел мастер Г.В.Лочехин и его работы

Фото Георгия Беякова

Мастерица В.В.Толубасва и ее кукла-царевна.

А это чья кукла?
Кто угадает - тому приз.

КОСТРОМСКИЕ СТЕЖКИ

Гран-при Всероссийского фестиваля «Лоскутная мозаика России» – награда, которую очень почетно получить. Впервые проводился этот фестиваль в 1997 году в г. Иванове. Студия «Мастерство», тогда работающая при Костромском городском центре традиционной народной культуры, участвовала в нем почти в полном составе. Работы мастериц получили высокую оценку жюри, и с тех пор костромская школа лоскутного шитья стала известна всем, кто занимается этим творчеством. Творчество наших мастериц отмечено дипломами II и III Всероссийских фестивалей «Лоскутная мозаика». Студия участвовала в международных выставках и фестивалях в Германии (г. Штутгарт), Вьетнаме, Твери, Москве, Санкт-Петербурге. Фейерверком радостных зрительских эмоций, восхищенном встречали работы костромских мастериц.

В одном из номеров наш журнал уже знакомил читателя с творчеством руководителя этой студии Алевтины Васильевны Шевалдиной, получившей диплом лауреата фестиваля «Лоскутная мозаика России». Алевтина избрана членом американского квилт-клуба, который пытается объединить мастеров стран мира, владеющих разными техниками лоскутного шитья. Процесс создания рукотворной красоты в этой международной школе опыта шитья («квилт» дословно обозначает – стежки), очевидно, должен каким-то образом положительно повлиять на мироощущение человека, живущего в таком непростом и противоречивом мире. Как тут не вспомнить чудесные панно, стеганные картины Али Шевалдиной («Большой цветок», «Подсолнухи», «Птица Сирин»), проникнутые воздухом и светом живописные пейзажи и натюрморты, собранные из крошечных тря-

пичных «мазков» («Маки», «Ипатьевский монастырь», «На реке» и другие).

За это время работы ее успели побывать на 13 выставках, а в 2002 году они объезжают, наверное, пол-России вместе с работами других призеров III Всероссийского фестиваля «Лоскутная мозаика Рос-

сии». В мае лауреатские работы экспонировались в Штутгарте (Германия). Этой же весной студия «Мастерство» участвовала и в международном фестивале «Фантазии города» в Санкт-Петербурге в номинации «одежда», где работы костромских мастериц получили высокую оценку. Жаль толь-

Студия «Мастерство» на выставке своих работ в городском центре «Возрождение», 2002 г.

Русская горница. Гончар Мария Теплова на выставке, 2002 г.

Мария Теплова. Декоративная тарелка «850 лет Костроме».

ко, что не нашлось ни спонсорских, ни государственных средств на то, чтобы оплатить их «командировки». Поехать и показать уникальные вещи, выполненные в традиционных техниках русского национального шитья, - это ведь и для престижа Костромы важно.

Марианна Морозова, Антонина Николаева, Людмила Смирнова, Светлана Снигирь, Елена Вигерчук, Мария Теплова, Елена Потешкина... - такие разные пристрастия и таланты, но всех этих участниц студии «Мастерство» объединяет волшебная сила коллективного женского шитья как древнего мистического обряда, дарующего женщине мудрость, покой, здоровье и красоту. Годами совместной работы отточены художественный вкус, приемы и техника лоскутных узоров: кому милей строгая геометрия линий и объемов, а кто, как свободная птица в полете, пытается создать свой неповторимый образ, превращая обыкновенную бытовую деталь интерьера или костюма в произведение искусства. Есть в студии и своя кукольница - Светлана Снигирь, чьи человечки из натурального льна, фланели, ситца очень декоративны и могут украсить любую витрину художественных салонов или детских магазинов. Панно Марии Тепловой словно несут

отпечаток имени своего мастера. столь гармоничен по геплому цвету и композиции лоскутный узор, воспроизводящий объятия глиняных кувшинов с солнечной русской печью. Мария - ученица известного когда-то в Костроме гончара Николая Смирнова. Глина - дело ее жизни: и на работе, на производственном конвейере, и в творчестве, где равной ей, кажется, нет. Керамические кувшины, вазочки, чайники, рукомойники, братины, богато оформленные напольные вазы с символикой 850-

Алевтина Шевалдина, руководитель студии «Мастерство».
«Букет». Лоскутное шитье.

летия Костромы, керамические тарелки с лепниной - все эти работы конкурсные. Надо сказать, что Фонд содействия развитию г. Костромы и управление по подготовке к празднованию 850-летия г. Костромы еще в мае 2001 г. объявили I тур конкурса «Любимый город» среди мастеров прикладного искусства. Некоторые конкурсные работы прошлого и нынешнего года можно было увидеть в выставочном помещении центра «Возрождение» (бывшее помещение Дома учителя).

Не только лоскутом и глиной представлена была здесь студия «Мастерство». По сути дела она объединила все самые талантливые руки костромских умельцев.

Керамика Андрея Малкова и Владимира Вершинина, лоза Пет-

ра Либецкого и Виктора Осипова, береста Александра Гаврикова и Виктора Дырмовского, кружева Татьяны Криницыной и Ирины Журиной, вышивка Людмилы Смирновой и Марины Дубовой... И так далее, и так далее. Целый город мастеров мог бы собраться, чтобы Кострома не только в юбилей, а каждый день была бы любима согражданами. Многому могли бы научить нас эти удивительно скромные, но работающие, талантливые люди, которые ведь и есть «соль земли костромской», чем и славится она за рубежами своих неухоженных границ.

О, нет! Не умеем мы беречь и ценить таланты земли костромской! Иначе не мыкались бы наши мастера, наши студии из одной тесной комнатки в другую без помощи и внимания тех, кому за бесценно куют они славу попечителей народных промыслов. Давно бы в Костроме школу ремесел открыть, пока живы учителя. А все занимаемся реформаторством и профанацией простой ведь, кажется, идеи: дай неимущему ремесло в руки, и будет он кормиться своим трудом, как было в старину. Да еще и город наш украсит своим талантом, вкусом, своим светом творчества.

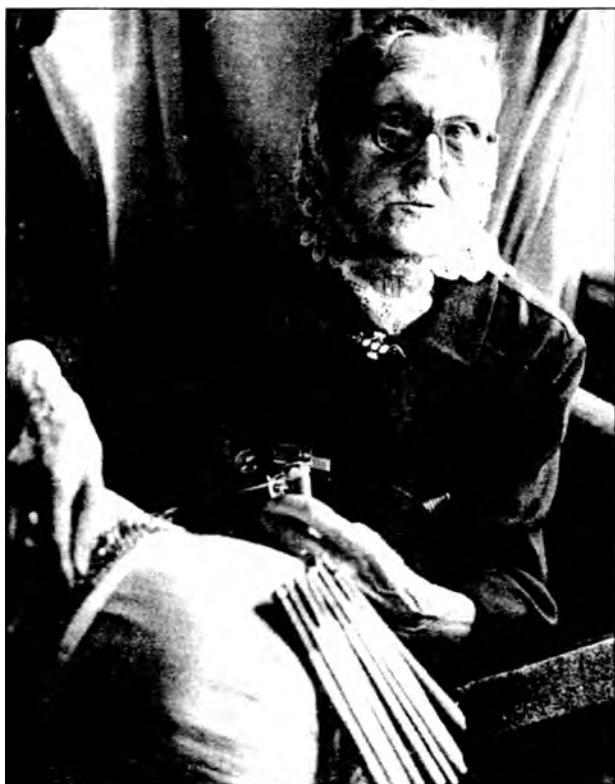
Центром или отделом прикладного искусства назови этот союз мастеровых людей - разве в этом дело... Стежку свою дорожку они все равно проложат, да вот только какой ценой.

Татьяна ГОНЧАРОВА
Фото Георгия БЕЛЯКОВА

Елена Мелведева. Свадебный головной убор.

Мгновения

Кружевница Ю.Н.Никешина.

Гончар Н.П.Смирнов.

На кругу и на коклюшках. Фото Георгия Белякова.

Учитель, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться... Фото Георгия Белякова.

В МИРЕ ДЕТСКОЙ ИГРУШКИ

*...Златобит молоток свой
забросил,
Злоивейная кончилась нить.
Наблюдать умиранье ремесел -
Все равно что себя хоронить.*
Арсений Тарковский

Какие, однако, печальные строки. И как, наверное, был бы рад наш замечательный поэт, приведишь ему побывать в Костроме, в культурно-просветительском центре имени Е.В.Честнякова. Посетил бы мастерскую и выставочный зал, полюбился петровской игрушкой и настенной керамикой. И написал бы, возможно, другие стихи о ремесле, более светлые. Очень жаль, что не может сюда приехать поэт Тарковский, а вот другие поэты, художники, ученые мужи в центре бывали и в гостевой книге оставили самые добрые слова. Да и как иначе, когда видишь всю эту красоту, созданную детскими руками. Смотришь и радуешься, трогаешь руками затвердевшую теплую глину и согреваешься душой...

Создан в Костроме центр был два с лишком года тому назад. «вырос» он из художественной студии керамики «Весна», руководила которой Людмила Николаевна Гладких. Те-

перь она руководитель центра, кроме нее есть два научных сотрудника, правда, один работает на полставки, а другой и вовсе на общественных началах. Штат невелик, а результат дорог. Первое богатство – 140 ребят и девочек с 1 по 10 класс, которые занимаются в художественной студии керамики и рисунка «Весна» и театральной студии «Родничок». Второе богатство – изделия юных мастеров. «Рождество Христово», «Масленица», «Коляда» – эти и другие художественные композиции не просто радуют глаз, но возвращают нас к истокам русской духовной культуры. Ставят здесь и свои памятники – русской душе, гончару («Лепи свою судьбу»), самому Ефиму Честнякову. А вот «Сказочная костромская земля», а вот «Юбилейная Кострома»... К 850-летию города культурно-просветительский центр объявил выставку-конкурс «Сказочная Кострома художника Ефима Честнякова», а также планирует открыть в Костроме музей глиняной игрушки России. Основания для этого есть: в выставочном зале игрушкам уже тесно. Но дело не только в количестве. В прошлом году творческий коллектив центра стал лауреатом всероссийского конкурса-

фестиваля «Дети России – III тысячелетия». В этом году собираются на международный фестиваль «Дети и экология: 21 век». На отборочном туре в Москве юные костромские умельцы стали лауреатами в двух номинациях: самая добрая детская выставка и самое доброе фольклорное представление. Участие в фестивале, открытие музея – дело, полезное и для детей, и для города. Но в центре только предполагают, а главное слово, как всегда, за теми, кто располагает.

В центре достойно хранят память о Ефиме Васильевиче Честнякове, этом удивительном художнике и светописце, сказочнике и поэте, которого академик Д.С.Лихачев сравнивал с великим Леонардо. Ведь работа творческого коллектива – детей и взрослых – это не только создание замечательных художественных композиций по его произведениям. Научные сотрудники-«честняковеды» Александр Сергеевич Носаль и Владимир Георгиевич Поваров изучают и обобщают опыт деятельности Ефима Васильевича, ведут просветительскую работу среди детей, педагогов, родителей, укрепляют связи с организациями и лицами из других городов, которые заинтересованы в изучении и сохранении наследия Честнякова. В центре хранятся сделанные им игрушки (глинянки), журналы о нем, выходящие на разных языках (от итальянского до японского), книги из его библиотеки. Вот одна из них – «Цветущий май» Сергея Городецкого издания 1914 года с автографом: «Дорогому мне художнику Ефиму Васильевичу Честнякову с приветом его творчеству. Автор». Передадим и мы привет творчеству детей из честняковского центра и их наставников. С этого года лучшим учащимся школы керамики будут присваивать звания «Юный мастер петровской игрушки», уже сейчас достойны его присвоения по меньшей мере 6 человек. Назовем их поименно: Кристина Бусель, Алена Никити-

Работы юных мастеров из центра имени Е. В. Честнякова.

Руководитель центра Л.Н.Гладких и режиссер театральной студии А.В.Горелов с детьми.

Фольклорная группа центра имени Е.В.Честнякова.
Перед репетицией.

на, Сергей Булатов, Дмитрий Рыжов, Александр Ситников, Михаил Губанов. Заслуживают признания и взрослые мастера, например, награждения медалью имени Ефима Честнякова «Светлый дар». Очень подходит название медали к тому, что здесь присутствует.

В городском честняковском центре светло и от улыбок детей, и от плодов их творческого труда. Петушок и сова, свинка и лошадка... Узор на каждой петровской игрушке разный, как разной будет судьба у каждого из воспитанников школы. Но очевидно, что будет и общее: умелые руки и щедрые сердца. К нашему счастью, не угасло народное творчество, не умерло ремесло: память, талантом добрых людей оно возрождается, и потому мы будем жить долго.

Николай МУРЕНИН

РОЗАН-РОЗАНОЧЕК

сл. Е.Честнякова,
муз. Е.Иванниковой

*...По вольному свету
Станем мы летати.
По белому снегу
Саночки катати.*

*Привет:
Розан-розаночек
Аленький цветочек.*

*В разненьких цветочках,
В ясьненьких денечках.
Сядем на горушку,
Сделаем избушку
Возле ручеечка,
Около пенечка.
Будем у шалашки
Слушать песни птички,
Кашечки варить. Сказки говорить.*

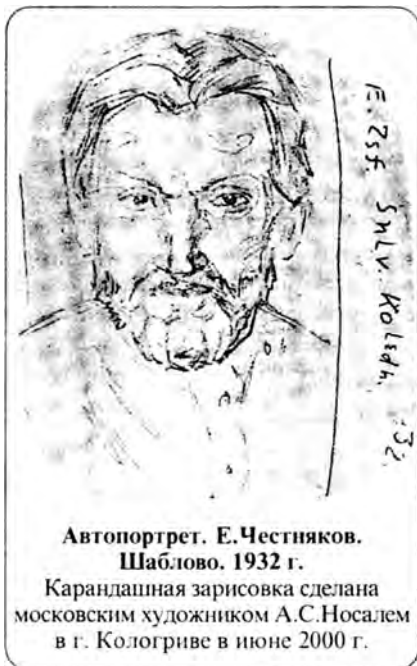
(Из репертуара театральной студии
«Родничок»)

Ефим ЧЕСТНЯКОВ

МОЛИТВА XX ВЕКА

*Славу Выших. Матерь Света,
С чувством я стремлюсь воспеть,
Чтоб Покров Ее Пресветлой
На душе своей иметь.
Чтобы сердце все очистить
От худых, греховных дел, -
Пред Ее Пречистым Ликом
Грешный я ей песнь воспел.
О, Небесная Царица!
Защити нас, как сирот!
Хоть и грешны мы ужасно,
Все ж крещеный твой народ.
Пред Твоим Пречистым Ликом
Мы стоим в сей скорбный час.
От всех бед, страну постигших,
Ты спаси, Царица, нас.
Всюду кровь и слезы льются,
Страшной жертвы час настал.
Все за то, что люд неверный
Чтить Тебя уж перестал.*

*...Все на брань пошли народы.
Мир колеблется, дрожит.
И с коварством и со злобой
Уж за другом друг следит.
Видно, злу дано господство
В роковой двадцатый век.*

*Стал дружить с войной, раздором
Кровожадный человек...
Страшно думать, что творится
На Руси нашей святой,
Где недаром говорится:
«В моде – дружба с сатаной».
Со святою старинною
Люди стали враждовать.
Вот за то Господь войною
Нас и начал истреблять...
Но кончину злого царства,
Мир судить Господь придет.
Все Заветы Христианства
Знает Он наперечет...*

О СВОЕМ АНГЕЛЕ-ХРАНИТЕЛЕ

*Пресветлый Ангел мой Господен –
Хранитель ты души моей!
Храни меня, чтоб был свободен
Я от греховности своей.
Ты послан с Неба Охранения.*

*Господь тебе так поручил.
Прими теперь мои моления,
Как жить безгрешно, научи.
Ипуть мой, тесный и прискорбный.
Смогу ли я с Тобой пройти?
При наказаньи непокорных
Прошу на Небо вознести...
Когда явлюсь к лицу Христову,
Чтобы за жизнь давать ответ,
Отчет представь Его Престолу.
Скажи, как выполнял Завет.
Ты знаешь жизнь мою земную,
Все точно, точно расскажи,
Потом веди в Страну Родную
И Славу Божью покажи...
Душа здесь странница чуждая,
А там – Отечество ее...
Там нет печали воздыханий
И слезы горькие не льют.
Прости прощенья у Владыки.
Кончаю я молитвы стих.
Хотя грехи мои велики,
Но Всепрощенье выше их.*

ПОКЛОНЫ

Господи! Имя Тебе – Любовь: не отвергни меня, заблуждающегося человека!

Господи! Имя Тебе – Сила: подкрепи меня, изнемогающего и падающего!

Господи! Имя Тебе – Свет: просвети мою душу, омраченную житейскими страстями!

Господи! Имя Тебе – Мир: умири мятушуюся душу мою!

Господи! Имя Тебе – Милость: не переставай миловать меня!

Господи! Только именем Твоим мы славны, а без Тебя – бесчестны!

Господи! Только именем Твоим мы сильны, а без Тебя – немощны!

(Из сборника «Лирика». Составитель В.Г.Поваров).

Глинянки Ефима Честнякова.

АНГЕЛ НАД ГОРОДОМ

Смелая мечта о Костроме как о городе всеобщего благоденствия может родиться только из любви к ней и людям, из жалости к ее маленьким обитателям, как когда-то было у Ефима Васильевича Честнякова. Реальная деревенька Шаблово и новый мир, который сотворил художник, словно защищаясь от реальности... Детские игры и причуды, глиняные свистульки и гармошечки, театр и карнавал сказочных масок, где уже возможно благоденствие для всех: щедрое яблоко – образ праздника, радости, сытости, всеобщей любви...

Новая работа Елены и Дмитрия Семеновых, вытканная к юбилейным дням Костромы, – шестиметровый ковер-«мост», перекинутый из мира шабловского художника-волшебника к нам, – еще раз напомнит об этом удивительном человеке, философе, чье творчество так и осталось загадкой.

Елена Семенова:

- Без Ефима Честнякова в культурном пространстве Костромы зияла бы пустота, никем другим и ничем не восполнимая. Он удивительно умел выразить неуловимую природу и богатство жизни, взяв в путеводители человечества детей. Его идея мира одновременно проста и мистически сложна, и вряд ли ее можно объяснить одним словом «утопия». Глубина его творчества нас и вдохновила.

Дмитрий Семенов:

- Создавая гобелены по мотивам творчества Ефима Честнякова, мы хотели обратить внимание на то, что по достоинству значение его еще не оценено. Уходя корнями в стихию народного творчества, фольклора, культурных традиций пред-

ков, его работы так же национальны и уникальны, как и работы известного художника Нико Пирсомани. Но для мировой культуры, в отличие от Пирсомани, имя Честнякова пока неизвестно...

... Ангел и дети. Символически центральный фрагмент гобелена «Кострома» соткан в праздничном, радостном колорите (мотив работы Е.Семеновой «Жители деревни Шаблово», 1996 г. 130x125).

Обнимая деток крылами, ведет их Ангел в какой-то новый, неведомый и прекрасный мир, отражающийся в их лицах. Мальчик с короной на голове бьет в маленький барабанчик, другой развернул гармошечку, а самый маленький оседлал деревянную лошадку... В путь, воинство света и праздника!

В этой работе, посвященной 850-летию города, – «Кострома»,

2002 г. – честняковский мотив вплетен в новую метафорическую систему образов. Каскад покоющих волжских вод и свеча Ильинского храма на месте средневекового городища – неразрывная связь прошлого и настоящего, выраженная языком льняных петель осязаемой грубой фактуры и изысканной ритмикой цвета, – все позволяет говорить о незаурядном художественном мастерстве авторов этой эпической работы. Игрушечный и как бы нереальный образ Костромы то удален от зрителя – в панорамном ракурсе, то узнаваем, и тогда архитектурный вид крыльца Троицкого собора звучит как символ вечности этой нерукотворной красоты. Таков и честняковский завет деткам: хранить, хранить красоту... Не случайно мотив этот выведен на первый план гобелена: тактичное назидание жадному мальчику с вкусным калачи-

Елена и Дмитрий Семеновы в мастерской. Фото Надежды Белых. 2002 г.

Ангел и дети. Фрагмент из композиции
«Жители деревни Шаблово».

Троицкий собор. Фрагмент триптиха
«Кострома».

ком – слева и важному – с флажком «Миру – мир» в руках...

Кукольное и живое словно бы брезжит в этом тканом «коллективном портрете» будущего сообщества. А может быть, те, кто ближе к нам, зрителю, только чьи-то игрушки, а вон те, детишки, на заднем плане, наблюдатели за праздником с высокого крыльца, и есть действующие лица?

...Играет Кострома, шумит, в свистульки свистит – это ее детский карнавал, а может быть, забытый отголосок какого-то древнего мистического обряда, который помогал нашим предкам переживать сумрак обыденности и разногласий.

Так и Елена с Дмитрием мечтают с помощью волшебной льняной нити сотворить то, что не удастся пока в реальном мире – свой город благоденствия, свою Кострому. Не знаю, как вам,

Е. Семенова.

Работы из серии «Лики древней Костромы».

а мне захотелось пожить в таком городе. Счастливый все-таки, ангельский дар – быть таким светлым художником!

Татьяна ГОНЧАРОВА

* * *

Теме Костромы посвящено, можно сказать, все творчество Елены Семеновой. Образ прекрасного и гармоничного древнерусского города – главный в ее декоративных композициях: триптихах – «Кострома» – 1990 г., «Город на Волге» – 1992 г и других. Костромичам хорошо известны серии ее гобеленов: «Лики древней Костромы» – 1990-1991 гг., «Архитектура старой Костромы» – 1992 г. Произведения Елены Семеновой украшают общественные здания Костромы, частные коллекции в нашей стране и за рубежом – во Франции и Финляндии. Она член Союза художников России, участница многих зональных и престижных выставок в Москве в Манеже и ЦДРИ, в 1991 г. в г. Хювinkя в Финляндии прошла персональная выставка ее работ.

Как романист Ефим Васильевич Честняков пока еще неизвестен. Рукопись его романа «Стафий – король тетеревиный» много лет хранилась в фондах Костромского художественного музея. В настоящее время весьма любопытное художественное произведение самобытного автора готовится к изданию (редактор-составитель – старший научный сотрудник художественного музея Руслан Евгеньевич Обухов). Предлагаем вниманию читателей первую главу романа, которая знакомит нас с главным героем – мастером и его удивительным изобретением. (Авторские орфография и пунктуация сохранены, примечания Р.Е.Обухова).

СТАФИЙ – КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

На этом месте, скажем, где топереча наша деревня Чернобыльково, была деревня Самобылиха... небольшая и не вовсе маленькая... не богатая и не бедная... а так – средняя.

Давно это уже было...

И жил в этой деревне сын крестьянина Стафий – человек мастеровитый, изобретательный, хотел бы я сказать, добродетельный... но это предоставляю вам судить по моему о нем повествованию.

И были живы у него отец Карпий и мать Федосья... и братья... и сестры... женатые и замужем. А Стафий жил в отдельной хибаре из старого хламу... насколько сложить мог без особых затрат денежных... потому что жил всегда без денег... а так рубль-другой... на необходимое... вроде спичек.

Кроме крестьянских разных работ, он любил рисовать, играл на музыке и при своих занятиях временами пел то – другое, уже сложившееся у людей, а также из своих измышлений. Например:

За рекой на бору растут
сосенки,
А в них ли во сосенках
белый мох...
Все горюшечки там да
пригорочки,
А и сухо ногам-то по
мохам идти...
А и сосенки-ти, как и

столбики,
Подпирают вершинки
зеленья...
А и всякия ягоды там
и грибы,
И лишайки, и губки-ти (1)
разныя...
По деревьям летают
тетери и рябочки,
И лазают векиш
и барандуки... (2)

Питался он картошкой да галанкой (3), горошком... все так понемножку – луком, хлебцем из мучки и кашкой из крупок... а то и лучше... а то и похуже... в стуже да нуже...

И пропитание это, не только овощи, но и пшеницу-горох, выращивал на своем угодце. А мясного – нельзя...

Как крестьянин, он мастер на все руки, но ни в чем специалистом не был, т.е. на одном ремесле не останавливался и заказов никаких не делал... Его специальность – вроде изобретательства оригиналов... своих диковин... а это не ремесло. И для себя делал все сам – одежду, обувь и прочее... и красиво, и как ему нужно и нравилось. А иным, которые заказывали специалистам, своим деревенским или в городах, его одежды и другое казалось забавно и смешно даже. А Стафию оно и помысле (4), что не с завистью глядят, а с весельем.

Земледелец, плотник, сапожник, кирпичник, горшечник,

архитектор и инженер... и Кузьма, и Сальватор... писатель, стихотворец, музыкант... не пересчитать-перебрать все, что полагается знать и уметь крестьянину.

Он жывал и на городах и там знакомился с разными делами, но, т.к. в городах нужно специализироваться... а также и потому, что город был ему как бы неродной, неприветный... он возвратился в деревню.

Еще много у Стафия записей в мыслях, и наделано диковин разных – не перебрать, не сказать.

Оригинальные манеры: что было, есть и будет... и не было нигде, нет и не будет... деревня и города на Русе и в иных странах... на земле и в неисчисленном множестве миров вселенной... на том свету и на этом... и к делу, и как бы в игрушках.

И у него дело с игрой мешаться стало...

– И забавная игра вначале – потом окажется работой важной... Фантазия несется впереди практического дела... И в грядущем воплотятся наши измышления, – так говорил.

И, конечно, думал, как и все, о скатертях-самобранках, коврах-самолетах... и о Емелиных ведрах, чтобы сами черпали и несли на гору воду... о запрудах рек, речек многоводных... турбинах ветряных и солнечных двигателях, чтобы электроэнергия шла по проводам, по заво-

дам и садам... чтобы и летом можно было сделать зиму, а зимой – лето. Покрывать бы овраги к солнышку небьющейся тканью прозрачной, как стекло, чтобы и зимой было тепло, и росли бы всегда изюмы-винограды, плоды, фрукты душистые, сладкие, цветы красные ароматные... и птички порхали и пели... свои и заморские... зимой и летом.

Живет в стареньком хламе, дни и ночи корпит и пишет словесность, измышляет и скульптурит из глины. У него художественно построены всевозможные манеры обитания: шалашки, избушки, дворцы, палаты... все разные без конца... мосты, трубы, проекты сооружений... чтобы подобное строить в большей натуре из глиняных форм обожженных, орнаментных частей... для жилья и индустрии... с удобствами и красотой...

- Какие же сказочные обитатели будут, если осуществить это в больших размерах... и не только для себя – для всей деревни, для Руси... для всего мира... шире и выше башен Вавилонских... как мир?! – так думал.

И пугает Стафия индустрия шумом, лязгом, химией... чудовищными опасностями... что вот откроются кладези бездны... И желал бы культуры... но без миазмов вредоносных, что фабрики и заводы изрыгают.

* * *

Сделал Стафий из глины маленькие палаты со многими покоями и ходами. Показал своим деревенским и сказал:

- Давайте строить такой дом величиной со всю деревню и станем там жить. Проведем всякие водопроводы и трубы... И каждый сделает по сто кирпичей... по пятьсот... по тысяче... на все хватит... все вместе работаем...

Поглядел народ на Стафиево изделие и говорит:

- Это забава... и нам ни к чему... игрушка ребятам.

И посмеялись, что выдумал большие палаты.

И еще говорит Стафий:

- Я бы желал посмотреть, как живут люди на свете... на всякия города в нашем государстве, а также за границей... и там подучиться... Только лишь не на что ехать. Если бы вы, к примеру, лишь помогли, приехал бы сюда и все пересказал вам, и научил всех желающих тому, что сам стал знать и уметь...

И на это сказали:

- Почему же избрать именно тебя? Да и мы тоже бедны... это нам не по силам... Горевать всем и пировать – так всем.

Пригорюнился Стафий и пошел прогуляться.

Опять наступает осень. И скоро радужными листьями украсится лес за рекой. И ты, ручеек, увидишь на бережках траву обветшалую и желтенькие лапушки... и красленькие (5) листочки рябин, как перышки сказочных птиц, полетят в овраг к ручейку... Ветры будут дуть и шуметь со всех сторон и нанесут дождей и ненастья...

Прилетят в деревни синички и всякия птички... слепушки, овсянки, снегири и дрозды... и станут искать себе корму перед окошком и в угородце на грядках...

И подует холодом с севера... Ветры ночные нанесут белаго снегу... и завалит поля и пригорки, и крыши домов, и угородцы...

Прощай, красное лето... прощай, ясное солнце... [...]

Бежит ручей под Шабалой (6), и падают на берега яушиновые (7) листья... а которые упадут в ручей, течение понесет в струйках... плывут по воде вниз...

Скажи, ручеек, когда над тобою пойдут мосты и переходы...

и реи воздушные будут летать из легких материй... и белыя девы в нарядах цветных станут гулять между солнцем и землей... и летать на радужных крыльях?

И тоскует Стафий... и стихи сами слагаются:

*Дороги все заграждены,
Куда пути мне суждены,
Где замки, девушки,
мечты
Хранят айеи (8) и цветы...*

*Где птици райския живут
И хоры звездныя плывут,
И люли писен из речей,
И дни чудесны без ночей...*

*И стоят хижины под
голубым небом...
И ходят вдоль улицы
русые девы...
И распевают писенки...*

*Ты помнишь ли мир
вечных дней,
Которые были без ночей,
И когда солнышки
гуляли на небе...*

Сошел с горы к ручейку и стал на сухой бережок. Слушает – булькают струйки... И недалеко от него был большой родник, бежал из крутого берега... и, если послушать, слышно было, как журчал под землей еще до выхода на свет.

- Издалека бежит эта жила, - подумал Стафий, - и что под землей, где она протекает?

А самому так грустно и клонит ко сну. Мало спал в эту ночь. Все придумывал, как устроить, чтобы телеги сами бежали без лошадей... вода бы сама текла в избы... свет сам бы засвечивался, кому потребуется... разные станки ткали бы всякие материалы и шили кочетык (9) лапти плел... и сохи орали (10) бы сами. Всего не наберешь, что хотелось ему.

Клонит ко сну, и будто во сне слышит – кто-то сладко

поет, как булькают капли, как жила журчит:

*Под корою я земной,
Усталый странник
 надо мной...
Сиди... сиди...*

*Вот выйду я к тебе одна
Там, где расщелина видна...
Гляди... гляди...*

*Увидишь взор очей моих –
Во сне ты видел
 снами их...
Здесь тишь... здесь
 тишь...*

*Вот я на землю выхожу
И что-то на ухо скажу...
Ты слышишь... ты
 слышишь...*

*Храни ты бережно секрет,
На нем кладу тебе завет...
Меж нами то...
 меж нами то...*

*Даю платок – лишь
 помяни...
И будет, только им махни,
Задумал что...
 задумал что...*

*Но средство это мной дано
Тебе на дело лишь одно...
Да будь... да будь...*

*Не бред – желанья твои...
И твердым будь,
 и не двои...
Все в путь... все в путь...*

И видит Стафий: перед ним стоит прекрасная девица и говорит:

- Я – подземная царевна. О чем ты печален?

И сказал Стафий то и то.

- Вот тебе платочек, носи в нем свою глиняную игрушку – свои палаты. И, когда пожелаешь, выложи из платка, платочком махни вперед – и станут тебе самые большие палаты. Махнешь на палаты другой раз – опять станут, какие по-

желаешь. Но не говори о том никому. А если пожелаешь, чтобы видели и другие, махни платком по правую сторону... А если махнешь по левую – опять для других будут невидимы.

Не успел поблагодарить Стафий, девица исчезла, а у него в руках – платочек... Глядит: будто не мой, у меня де таких чистых да белых, кажись, никогда не бывало, не видывал... спал-де это я или нет?

И пошел Стафий домой. Взял там свои палаты, завязал в платок и вышел на улицу, на лужочек поставил. Платком на них лишь махнул... и стали большие – точь-в-точь, как были из глины.

Пошел по лестницам и переходам в горницы... Все хорошо... Сбегал домой за инструментами и стал пристраивать разные украшения да мелочи... Ходит... тут постукает, там потрогает да примеряет, где что поставит... картины привесит...

Походил... Вышел... махнул на палаты платком – стали маленькие... завязал в платочек и пошел в избу.

* * *

Народ мало знал, что у него надумано и наделано. Давно пора жениться, а он занят диковинами.

- Вот, - думает, - доделаю, что затяно, тогда уж...

А пока делает эти, затеет другие и т.д. без конца... жениться некогда.

И задумал сделать летучий корабль... И когда так сделает – женится обязательно.

Наделал свистулек из глины не одну тысячу, обжег их и продал гуртом торговцу. Купил на выручку крепкой желтой шелковой ткани и принялся очень усердно думать и делать. Обдумывал-раздумывал, делал-перedelывал много-много раз разные части для корабля...

и уже сделанный корабль перedelывал много-много раз...

Так прошел не один год.

Главное его дело было – летучий корабль... но нужно было работать и для пропитания... и заботиться об одежде, жилище, чтобы крыша не протекала... А тоже и о дровах, чтобы тепло было и зимой. И всего он зазнал: и стужи, и нужи, голоду и холоду... Не могу сказать точно, сколько годов он так строил корабль... И наконец, построил.

Корабль его похож на птицу с раскинутыми крыльями. Сделал шелковыми и корпус, и крылья. Скрепляли корабль, придавали ему крепко устойчивую форму прутики какие-то. Птица-корабль без спины, а с дном, как ковш. На голове птицы – вроде хохол формой, как коронка. Куда-то вкладывался внутри корабля маленький ящик с запасом энергии и так, что его не было видно. Для управления кораблем на борту ближе к переду – рычажки, штифтики, ручечки, кнопки, пуговки... А на хохле-короне – так справа и слева по пуговке... Понажать левую пуговку – и птица мигом сложится и будет похожа на недотку (11) свернутую. Когда корабль сложен, голову птицы не видно... она прикрылась краями шелковой ткани. И можно взять на плечо и даже под пазуху... и нести... не столь тяжело для взрослого человека. Понажать на чехле-короне пуговку справа – и корабль мигом распрямитесь... крылья в стороны... как крылатая птица.

При полете корабля и при стоянии на месте лопасти складываются, как утиные лапки, прижимаются плотно к свертку сложенного корабля.

Когда корабль стал совсем готов, и Стафий решил его пробовать на полеты в свободном пространстве, время тогда

было после Фролова дня... бабье лето... так возле Госпожи на дня... а погода была теплая... хоть в одной рубахе... ясная... и не жарко.

Куда же лететь? Понятно – свататься... Особенно, как дело приближалось к концу, он безо всего непременно хотел выполнить свой завет – как де построит корабль, так и жениться будет. И он непременно решил лететь свататься.

Перед тем взял платок со своими глинянками, поставил их посереде деревни, махнул платочком... и построил себе палаты с нашу деревню от этого конца до того и там, где его изба, был шалашка-терем... а где теперь Груздева изба, были прекрасные терема, устланные коврами и увешанные картинами по стенам. А на местах других домов стояли все горницы и покои...

На все четыре стороны шли чудесные кирпичные и каменные лестницы... и по краям в красивых урнах росли цветы, деревья и всякие растения... и стояли чудные изваяния человеческих фигур... Кругом росли яблони, всякие ягодные деревья и кустики, и всякие ягодки – землянички росли по горшкам... Везде распевали птицы... И от палат по горе до самой реки шла лестница саженной сто шириною.

И после окончания дела надел жених нарядное платье, ходил по эстрадам и балконам, потрагивал кое-где да поливал кое-что по мелочи. И видит: на полдневной заречной стороне будто много народу. Он взял подзорную трубу и стал рассматривать... И видно было прекрасно: гуляли нарядные люди и больше парочками... муж да жена, – женихи да невесты... И он надумал уже совсем, непременно жениться.

А нарядные люди ходили и, видно, смотрели на его палаты, а потом все разошлись и

разъехались. И стали только поля да луга в цветах на солнышке... было тепло и тихо... и ясное небо... летали везде пташки и мительки (12)...

Жених сошел с лестницы в сады... срывал и ел яблоки да ягодки... А яблоки были душисты и сладки, мягки и рассыпчатые... и ягодки хорошо уже созрели...

Стафий махнул на чудесную деревню платком – и она опять стала маленькой... Завязал глинянки в платок и пошел в избу.

* * *

Решено... Свататься... Но куды же лететь? Ежели в своей деревне свататься – не одна бы нашлась невеста... А одна так больше всех была помыслена. Но некуда тогда лететь...

Если к Бурдову, Крутцу... тоже близко-де лишка. Много-де больше расстояния надо для испытания корабля... Да и народ знакомый... конфуз не вышел бы в сватанье, ежели случится какая заминка с кораблем...

А ежели-де через лес до Матвиева? Далеко ровно... да и народ там... немножко не нашего склада... особенно эти... питерщики (13)... А там их много, чуть не все мужики отходят по Питерам да Москвам... Такие мудреют-де больше.

И он решил лететь за речку: там-де есть не больно далеко жило... и все же порядочно... Не как своя деревня... или тут где рядом...

Если Стафий покажется вам в таких вопросах простоватым, то подумайте же, что много-годов, будучи занят своими диковинами, он живет в неизвестном для других мире своих грез-измышлений, вдали от шаблонной, грубой, неделикатной практики жизни.

Решил лететь перед утром. Положил в торбочку картошки,

хлеба, в мешочек – крупы... и берестяной солоник (сам плел) с солью... и чистую рубаху, и штаны – чтобы переоблоктиться (14), когда пойдут где свататься... И соснул немножко с вечера.

Перед утром Стафий похлебал гороху с хлебом... не лишка много и не больно густо, потому что горох не слабая пища. Поглядел в окошко... Чудесно... На небе полная луна, на востоке, попоже, заря занимается... В деревне никого не чуть (15), все спали... Петухи словно бы перекликаются...

Вынес Стафий сверток корабля на улицу, на сухую лужайку... понажал пуговку на правой стороне короны – хохла... и корабль мигом раскрылся на лужке, как птица, раскинув крылья.

Положил в корабль торбочку... И в передней части у шеи птицы поразместился сам, стал на корабль. Повернул немножечко вправо некоторый рычажок-крючочек... У птицы хвост от горизонтального положения поднялся выше и стал наклонно – градусов на двадцать... Тронул Стафий другой рычажок... И корабль... бесшумно... стал подниматься.

Стафий испытал все рычажки: то выше, то ниже летит... направо, налево или прямо... прибавит ходу и убавит до тихого... И видит Стафий, что быстрота и плавность полета, и направление... послушность корабля управлению – все оказалось превосходно и не требовало доделок.

Летит Стафий над Шабалой...

Деревня спит... Петухи перекликаются... На востоке чуть брезжит... Перед утренней зарей небо ясно... звезды чудесно прекрасно мерцают... и сияет полная луна... Так светло, хоть шей.

Сначала Стафий летел не столь быстро: полминуты над

Шабалой... полминуты над склоном горы напротив ключика... две минуты над лугом... полминуты над рекой... Летит уже над лесом... над бором... Там плачет сова и ухает филин... и зайцы лепечут...

Пролетел уже пять минут после вылета из дому.

Летит далее прямо на восток. Поднимается выше и прибавил быстроты. Не прошло и полчаса в пути, на заре перед восходом солнца долетел до деревни Рябково, где нынешний Солюг... около того места... подалее немного.

Стафий нажал одну из кнопок, тронул рычажок... корабль

стал снижаться... и сел в гущенниках (16) у овина.

Куч нет, копны соломы перемолотили, видно...

Примечания

1. Губки – наросты грибов на стволах деревьев.

2. Векши – белки, барандуки – бурундуки.

3. Галанка – брюква, так называли этот корнеплод, вероятно, по семенам, завозимым из Голландии.

4. Ему и помысле – нечто такое, что отвечает мыслям и желаниям человека; желанно.

5. Красленький – красненький.

6. Шабала – выступ высокого берега р. Унжи, который местные жители называют горой.

7. Яушиновый – ольховый.

8. Айе – дуновения весеннего воздуха, свежего, оздоравливающего; словообразование автора, вероятно, от аэр (аер).

9. Кочетык, кочедык, коточик – железный крючок для плетения лаптей.

10. Орать – взрывать землю для посева, пахать.

11. Недотка – бредень для ловли мелкой рыбы.

12. Мительки – мотыльки, бабочки.

13. Питерщики – мастеровые крестьяне, по зимам зарабатывающие отхожим промыслом в столице – Питере.

14. Оболокать – облечь, обласить, одеть; переоблоктись – переодеться.

15. Никого не чуть – никого не слышно; от глагола чуть – чуять, в значении слышать.

16. Гуменник, гумно, гуменки – место, где складывают снопы, обмолачивают их; крытый или открытый ток.

Е.В.Чесняков. Тетеревный король.

Костромские обычаи и обряды

Яриловка и «обмывание серпов»

Перед началом Петрова поста всегда бывает три народных гуляния, сами названия которых (например. Яриловка – гулянье в честь языческого бога солнца, Ярилы), ... свидетельствуют... о языческих временах... Гулянья эти, устраиваемые обыкновенно среди полей, на окраинах города, с каждым годом утрачивают свое значение. Гораздо более привлекают в город деревенский люд крестные ходы в память избавления Костромы от моровой язвы, свирепствующей в 1635 году. Народ тысячами собирается по этому случаю из ближних и дальних деревень и идет в город не с пустыми руками: ближние несут сырые продукты своего хозяйства, дальние – изделия ручного ткачества: полотенца, салфетки, платки, полотна и новины, кружева и т.д. ... На вырученные деньги народ веселится. Город превращается в праздничную деревню. Сады, улицы, площади – все бывает занято гуляющим людом и оглашается звонкими песнями.

После Покрова снова в город съезжаются крестьяне ... целыми семьями, от мала до велика, «обмывать серпы», «хоронить серпы», т.е. вволюшку погулять после летних трудов, вдоволь попить и до отвала поесть жареной баранины, которую кучами приготавливают ввиду такого спроса городские трактирщики. <...>

В среду на масляной

В среду на масляной приезжают в город из деревень все «молодые», т.е. поженившиеся в эту зиму, и утром на одной из базарных площадей выстраиваются в круг, называемый «столбом». Хотя этот обычай «показываться» уже и начинает мало-помалу выходить из моды, тем не менее, еще не одна сотня новобрачных является к «столбу»: на людей посмотреть и себя показать всем своим родственникам, знакомым и всему гуляющему люду и таким образом всенародно объявить о состоявшемся браке.

Стояние у «столба» продолжается часов около 2-х в безмолвной тишине со стороны «показывающихся» и в пересудах со стороны смотрящих и разбирающих все по ниточке родственников, знакомых и досужих людей. Отстоявшие свое время, новобрачные расходятся по трактирам гулять и обедать. Обычай этот исполняется не у одних только русских, но и у татар, по крайней мере в нашей местности. Так, например, тут же на площади, только в другом месте, совершенно отдельно, устраивается татарский «столб», который уступает русскому в многочисленности, но превосходит его богатством, роскошью...

Посвящение в бурлачество

Почти в виду самой Костромы, верстах в семи от нее, возвышается на песчаном бечевнике наполовину ушедший в землю громадный камень – «кобыла», как называют в народе, последняя бурлацкая смена и стоянка перед Костромой.

В былые времена на этом именном камне происходило посвящение в бурлачество новичков-лямошников. Обряд посвящения был прост, незатейлив, груб и жесток. Не доходя сажень 100-150 до камня, ватага бросала лямки и выгоняла вперед новичков, которые, насколько позволяли им ноги, под ударами плеток и веревочных «концов» ватаги, во весь дух бежали к камню и, вспрыгивая на него, должны были добраться до верхушки. Дело было нелегкое и на первый раз редко возможное. Неудивительно поэтому, что большинство поплатилось за неудачу ушибами, а иногда забивалось до смерти. Только редкие счастливики удачно исполняли испытание и сразу делались истыми бурлаками в глазах своей артели, неудачники же вновь проделывали испытание, пока не достигали успеха.

«Живописная Россия». Т. 6. Ч. II. Изд. М.О. Вольф. С.-Петербург, 1899.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

<...> В Вербное воскресенье пекут барашки, когда придут из церкви с вербою, то барашками также кормят скотину, а вербу втыкают у св. икон и берегут круглый год до Егорьева дня. В Егорьев день, хотя бы скотину еще не согнали, годовую вербою, ходя по двору, хлещут скотину, приговаривая: «Господь благовословляет и здоровьем награждает!». В таких селениях скотину в первый раз выгоняют уже просто без вербы. В семик, когда завьют березку, то, став подле нее, поют:

*Вью лелю! Завью я зеленый венок,
Заломаю я березку, совью
я зеленый венок,
На свою буйную головушку,
Опуцу я зеленый венок
Я по Волге по реченьке,*

*На родную сторонушку,
Ко родителю, ко матушке, -
Взбунтовались ветры, вихори,
Раскачали легку лоточку;
Полетела легка лоточка
На родимую сторонушку,
Ко родителю, ко матушке,
К ее красному окошечку.*

*Выходила моя матушка
На свое красное крылечушко,
Смотрела на легку лоточку.
Легка лоточка расколыхалась.
Восплавал тут зеленой венок;
Получила матушка
С быстрой речки зеленой венок,
Получа она призадумалась,
Призадумавшись слезно плакала:
- Не моя воля, а чада милова,
Не ее ли зеленой венок
Подплывал к моему окошечку?*

*Не мое ли чадо милое во тоске
живет,
Во тоске живет, или во гулянице,
Со своими милыми подружками!*

Привитые ленты снимают с березы в Духов день и бросают в воду с гаданием на отца, мать и на свою будущую участь. Когда венок, брошенный на отца или мать, потонет, то им в тот год замечают умереть, когда поплывет, то год проживут. Если венок, брошенный девицею на счастье ее самой, потонет, то год жить в печали, если поплывет, то отдадут замуж. <...>

Из письма Михаила Диева. А.А.Титов. Материалы для истории императорского общества истории и древностей Российских. (1886 г.)

Встреча весны в Костромской губернии.
Со старинной гравюры конца XIX в.

ПРАЗДНЕСТВА В КОСТРОМЕ

Елене Ивановне Колгушкиной этой весной исполнилось 89 лет. В доме, где мы беседуем об обычаях, обрядах, праздниках детской ее поры, прожила она больше 30 лет с мужем, Леонидом Андреевичем Колгушкиным, известным в Костроме человеком, оставившим 10 рукописных книг-мемуаров о костромской старине.

Батюшка Елены Ивановны, авторитетный букинист-антиквар Иван Леонтьевич Лапин, вел свою книжную торговлю. У него был свой небольшой магазин внутри Красных рядов.

Но еще больше, чем лавкой, в семье дорожили домашним музеем, который с любовью, увлечением и вкусом всю жизнь собирал Иван Лапин.

Так увлечение отца и мужа во многом определило и содержание жизни самой Елены Ивановны. Она была и остается хранителем семейного архива, который собирался, казалось бы, для детей и родственников, а стал полезен большому числу людей, изучающих историю Костромы, пишущих о ней.

- Елена Ивановна, вы ведь тоже помните Кострому начала века – ее праздники, увеселения и игры?

- А как же. Детство разве можно забыть! Знаете, я больше любила саму подготовку к празднику, это трепетное ожидание красоты, радости, лакомств, шалостей, которые по праздникам разрешались. На Рождество моя мама, Анна Петровна, всегда тайком, пока дети спали, наряжала елку, чтобы это было сюрпризом для детей. На этот праздник у нас всегда пекли вкусные пироги с мясом и мамин «фирменный» пирог с изюмом и клюквой. Еще перед Рождеством ставился в русскую печь на слабые угли окорок, завернутый в тесто. Потом мы лакомились полосками этого теста несколько недель. Была у мамы специальная чугунная сковородка (звали ее «тройняшкой») для выпекания сразу трех блинов. В Масленицу мы с сестрой вставляли пораньше, чтобы занять «очередь на блин»: с пылу с жару из русской печ-

ки. Три – мне, три – сестре... и так, пока охота не отпадет.

В среду и четверг масленой недели, когда проезжали в Кострому деревенские, особенно новобрачные, мы подкарауливали их возки и сани и, прицепившись сзади, раскатывали по городу. Мимо нашего дома на ул. Мясницкой проезжали высококовские, петровские, деминские упряжки, и никогда не отказывали их хозяева в просьбе покататься.

В Прощенное воскресенье вся наша округа шла на Черную речку в конец Мясницкой сжигать масленицу. И мы с братом, как другие дети, выпрашивали у мамы полено и несли его в общий костер, где пели песенки, играли, прыгали через костер. В Яриловку ходили за город к Высоковскому через леса, которые начинались уже после Привокзальной. Там была полянка, на которой костромичи гоняли яриловские чан, прихватив с собой самовар и корзинку снеди.

Старинные народные праздники тесно переплетались с церковными. Я помню, что любой праздник начинался для нас, детей, с участия в праздничной службе в церкви и причастия. Мама и наша няня, Мария Федоровна Сироткина, которую все мы очень любили, были верующи-

ми, и их святое отношение к празднику Рождества, Троицы, Пасхи передавалось и нам, детям. На Пасху любимым занятием было лазать на звонницу Покровской церкви, прихожанами которой было наше семейство. В этот день батюшка разрешал всем целый день звонить в колокол. С высоты птичьего полета так чудно было смотреть на нашу Кострому...

После праздничного обеда мы играли на тротуаре в катание яиц: устанавливали их поперек в один ряд и небольшим мячом по очереди старались выбить. Чье выкатится, то и забирали.

Четверг перед Троицей всегда праздновался как большой праздник – Семик. В этот день в нашем дворе, мощенном булыжником, всегда было много детей. Мама посылала нас собирать шепки, потом растапливала огонь прямо во дворе и на таганке пекла на всю ораву вкусные драчены – такие лепешки на яйце и молоке. Сюда же выносился стол с самоваром и сладостями. Так и стоит все это сейчас в памяти. Но лучше меня о костромских обычаях, праздниках расскажет Леонид Андреевич Колгушкин, отрывок из мемуаров которого и представляю вашему вниманию.

Колгушкины среди учащихся и коллектива Костромской школы для слабовидящих детей. 1958 г.

Из воспоминаний костромича

<...> В воскресные и праздничные погожие дни костромичи любили ездить за Волгу, на стрелку или в ближайший лес, беря с собой покушать пирожков, вареных яиц, огурцов и прочего (о помидорах в те времена костромичи и понятия не имели).

В большие весенние праздники - на Пасху, Троицу, Иванов день, Семик, в Яриловку - большими компаниями ходили гулять за город, одни - по Кинешемскому тракту за Лазаревское кладбище и военное стрельбище, другие - по Молвитинскому за фабрику Брунова (ныне «Красная Маевка»).

Такие гуляния, как Яриловка, были традиционными рабочими гуляниями за Волгой, на Запрудне и за речкой Костромой. Туда выезжали торговцы квасом, пивом, водами, всевозможными закусками и сладями. Не обходилось и без шинкарей, которые «из-под полы» торговали с наценкой бутылочками и шкаликами водки.

Одни, два раза в лето для рабочей молодежи устраивались народные гуляния на городском бульваре. На задней аллее проводились аттракционы в виде бега в мешках, бега с завязанными глазами и сырым яйцом в деревянной ложке, которую надо было держать на вытянутой руке, лазания по гладкому шесту или испытание силы на различных силомерах. В эти дни организовывались тир и торговля мороженым и водами. Чаше гуляния устраивались в саду при Народном доме (клуб «Красный ткач»).

По праздникам молодежь любила гулять на маленьком бульварчике, ходить по пристани и кататься на лодках. У кого не было своих лодок, те компанией брали лодки в прокат на водной станции.

Существовали в то время и платные купальни, но большинство костромичей предпочитало естественный илж на правом берегу Волги

против города, где песчаные косы доходили почти до самого фарватера. Многие купались на р. Костромке и на Запрудне. Конечно, дело не обходилось без несчастных случаев, спасательных лодок не было, а спасательная станция у Молочной горы была далеко, так что помощь часто приходила слишком поздно.

По вечерам в субботу и воскресенье молодежь гуляла взад и вперед по левой стороне Русиной улицы до угла Козьмодемьянского переулка (ул. Долматова), здесь заводились знакомства.

Одним из самых веселых праздников после Святков была Масленица, ее отмечали все: от малых детей до стариков, от богатых до бедных. Конечно, каждый отмечал ее по своему достатку. Этот языческий праздник крепко укоренился в народе как праздник преддверия весны и проводов зимы. Он всегда был приурочен к последней неделе перед Великим постом.

Настоящий праздник начинался со среды масленичной недели. К этому дню на плацу, где всегда проводились ярмарки, а также на льяной площадке устраивались увеселительные предприятия: карусели, качели, балаганы, зверинец и популярный театр с «петрушкой». Иногда приезжал и цирк.

Среда - это был праздник и для крестьян окрестных деревень. Существовал обычай в этот день приезжать в г. Кострому «молодым», с ними обязательно приезжали и родители.

Город был полон крестьян. Изменные лапти сменялись на валеные сапоги, а «молодой», как правило, всегда надевал черные чesанки с подвернутыми голенищами и обязательно новые глубокие калоши.

«Молодая» всегда была в бархатной или плюшевой шубе, в новых валенках и в шелковой или шерстяной светлой шали. Некоторые первый и единственный раз в

жизни в этот день надевали шляпы, которые часто не соответствовали сезону и не гармонировали с лицом и остальным костюмом, что вызвало искренний смех у горожан.

«Молодые» всегда катались вдвоем на двухместных легких саночках. Лошадь была украшена праздничной, с блестящими безделушками сбруей, а в гриву и хвост вплетались разноцветные ленты. На шею ее обязательно надевался хомут с бубенцами. «Молодой» правил лошастью, всегда выставив одну ногу за борт саночек, отвернув полу шубы и выставив напоказ чуб, лихо заломив шапку на самый затылок. «Молодая» же непрестанно лушила семечки.

Родители в это время важно ходили по торговым рядам, по базару и слонялись около балаганов, тут также все обязательно лушили семечки. Это крестьянское гулянье горожане называли «слонами», а правильно было бы называть «слобнами», т.к. молодые и старые крестьяне в этот день бесцельно слонялись в центре города. Досыта накатавшись, «молодые», отправив лошадь на постоянный двор, шли гулять по галереям торговых рядов, около балаганов, катались на качелях, а некоторые даже и на каруселях. Костромичи в этот день почти не принимали участия в гулянии, а лишь выходили в центр только полюбопытствовать или найти знакомых. Во второй половине дня крестьяне семьями шли в чайные и трактиры пить чай с баранками. Некоторые заказывали порцию традиционных блинов, которые в эти дни в изобилии выпекались во всех пищевых торговых предприятиях, и даже «раскошеливались на «косушку» водки.

С четверга все учебные заведения прекращали занятия до «чистого понедельника», и учащиеся гуляли по праздничным улицам города. Извозчики, и в первую очередь слободские татары, готовили своих луч-

ших лошадей, специальную маслянистую сбрую, возки, новые розвальни и выезжали на биржу к торговым рядам.

Самые богатые и красивые тройки были у Маметевых и Женодаровых, а из городских предпринимателей - у Загарова и Кудряшова.

Вместительные сани, окрашенные в белый цвет и отделанные ковровой обивкой, сытые, вычищенные лошади, украшенные бубенцами и разноцветными лентами в предварительно завитых, а потом расчесанных хвостах и гривах - все ласкало взор и у каждого вызывало страстное желание прокатиться, но по цене это было доступно далеко не каждому. Парная упряжка была дешевле, а еще доступнее - одноконная, в розвальнях, покрытых ковром. Самым же доступным для катания транспортом были «ваньки», которые стояли на бирже сверху Молочной горы. За один рубль они катали часа два компанию в 3-4 человека.

К полудню количество катающихся все прибывало и они образовывали сплошной круг, который двигался в одном направлении от Воскресенской площади по Русинной, Смоленской и Павловской улицам, выезжая снова на Воскресенскую площадь. В кругу лошади шли только шагом, а кому та-

кая езда надоела. они выезжали из круга и ездил по свободным улицам, как им хотелось.

Богачи также выезжали на собственных «танцующих» рысаках, но долго в кругу оставаться не любили, предпочитая быструю езду на свободных улицах.

Учащаяся и рабочая молодежь гуляла сплошной стеной по Русинной улице, в рядах и около зрелищных предприятий. А в это время в ресторанах, гостиницах, трактирах, кухмистерских и чайных пеклись стопки румяных блинов, которые подавали на столы с различной рыбной закуской, икрой, сметаной и топленым маслом, т.к. церковным уставом употребление мясной пищи в масленичные дни не разрешалось.

Не было в Костроме ни одной семьи, где бы в эти дни не пекли блинов. в богатых же семьях блины превращались в настоящее «обжорство», вплоть до болезней.

Помнится один случай, когда именитый костромской купец Ст...н, отличающийся высоким ростом, отменным здоровьем и весом свыше десяти пудов, чуть-чуть не погиб от злоупотребления блинами. Он в одном ресторане на спор съел свыше ста блинчиков. Спор выиграл, но с сильными болями в желудке упал на пол. Друзья хотели вызвать врача, но он приказал

везти себя домой прямо на конюшню. где его кучер Тихон знал средство от такого «заболевания». Кучера и конюхи положили его на солому и пудовой дугой мяли ему живот. Такой «массаж» оказал положительное действие - на другой день Ст...н был здоров и продолжал справлять «широкую масленицу».

В первые годы нашего века еще практиковались в Костроме и кулачные бои. Они происходили чаще всего на льду р. Костромки между жителями Заречья и городской фабричной окраины, но они вскоре были запрещены, так как получалось много увечий и даже смертельных случаев.

К проводам Масленицы временно запасались смолевые бочки, ящики, дрова и различный древесный лом. Со дворов тащили все, что попадало в руки. Если хозяева своевременно не убирали годный горючий материал, он попадал в масленичный костер.

Масленицу жгли около Городища по ту сторону Волги, за р. Костромкой и на Запрудне. С наступлением темноты зажигали огромный костер, вокруг которого устраивались пляски, пенье специальных масленичных песен, всевозможные игры. На этом и заканчивалось масленичное гуляние<...>

Костромское общество любителей велосипеда. Фото начала XX в.

«КОСТРОМИЗМЫ» И ТОПОНИМЫ ГОРОДСКОЙ РЕЧИ

Город Кострома – областной центр, а прежде и губернский – характеризуется особой лингвистической ситуацией. В отличие, например, от Москвы, Санкт-Петербурга и большинства городов Европы, но зато в некотором соответствии с соседними областными центрами Ярославлем и Ивановом и костромскими районными городами. Эта ситуация заключается в наличии большого промежуточного слоя между литературным языком и диалектами в обиходно-бытовой речи костромичей. В нем и сейчас ошутима севернорусская региональная окраска, а несколько десятилетий назад эта форма речи была чуть ли не преимущественным способом устного общения жителей города Костромы. И это неудивительно. Долгие годы Кострома в окружении многочисленных деревень, не имея развитой промышленности, кроме льняной, вне оживленных транспортных артерий, исключая Волгу, жила своей обособленной жизнью, составляя со своим сельским окружением некое единое языковое пространство, региолект. Демографическая обстановка в ней была такова, что ее население, особенно в послевоенные годы, постоянно пополнялось выходцами из ближних и отдаленных районов области. Кострома росла – и близлежащие деревни: Михалево, Пантусово, Паново, Малышково, Давыдково, Говядиново, Глазково, Городище, Селище и другие вместе со своей речью, весьма далекой от «высокой», московской, – становились частью Костромы.

Костромская региональная субстанция даже и теперь, когда мы шагнули в XXI век, проявляется на всех уровнях существования городской речи, которую, как кажется, мы вправе назвать полудиалектом (термин был предложен известным диалектологом и специалистом по городской речи проф. В.М. Жирмунским). Достаточно хотя бы несколь-

ко раз послушать костромское радио, чтобы в этом убедиться. Тут и некоторые костромизмы, тут и фонетика, и грамматика, и вообще вопросы «культуры речи». При этом, конечно, каждый день можно услышать образцы оканья, полного и неполного, еканья, твердого произношения /с/ в словах типа «смеялся», невнятного, на манер английского, произношения звука /в/, особенно в окончаниях прилагательных: «староо» и других, что с известной натяжкой может быть признано демократической разновидностью литературной нормы. Однако язык костромской улицы изобилует такими регионализмами, которые ни под какие варианты нормы не подведешь: *ревлю и ревишь, красиЕе, обратно пришел, отдайся (отойди), примываться (мыть полы), рассада вошла (место взошла), чайник скител, рассмеялася, ись хочу, лОжит, полОжить, литра, обой, нету время... Безусловно, так говорят недавние сельские жители преклонного возраста, однако и коренные костромские горожане сохраняют в своей речи заметные севернорусские признаки. Да и сами городские названия в народной речи звучат по-особому: Чайковская улица, Подлипаева улица, Симановская улица (официально – улица им. Чайковского, Подлипаева, Симановского), Козий парк (сквер им. Я.М. Свердлова), Сквородка (центральная часть Сусанинской площади), за Волгой (правобережная часть Костромы), поехала в Город (т.е. в центр Костромы) и другие.*

В силу значительной доли диалектной субстанции в городской разговорной речи, она может стать источником изучения разных ее сторон в разных ракурсах, например, в аспекте соотношения настоящего и прошлого, наличия в ее речевом узусе элементов западных и восточных говоров, соотношения территориальных диалектов, жаргона, просторечия и литератур-

ного языка и т.п. Кстати, немало прекрасного костромского диалектного материала было собрано именно в пределах самой Костромы студентами Костромского пединститута, а теперь университета им. Н.А. Некрасова.

Интересным и еще мало востребованным источником сведений об истории Костромы, ее этнокультурных особенностях, творческих возможностях живой разговорной речи являются внутригородские названия улиц, площадей, уличных объектов и т.п. официального и неофициального характера, может быть, в большей степени последние.

В сложной системе уличных названий г. Костромы неофициальные топонимы, т.е. географические названия, может быть, отличаются большим долголетием, чем официальные. Они на слуху у костромичей многие годы, десятилетия и даже столетия, существовали при царях, а, возможно, и при князьях, при советской власти, живы и сейчас. Каждый из старожилов-костромичей активно пользуется многими из них, но, к сожалению, часть из них ушла в пассивный запас, некоторые забыты, а между тем каждый топоним скрывает какой-то кусочек истории, и все вместе (а по Костроме к настоящему времени выявлено более ста неофициальных внутригородских топонимов) они составляют специфический тополандшафт Костромы.

Пожалуй, наиболее многочисленны и устойчиво сохранены ландшафтные (природные) топонимы, отражающие рельеф местности: Откос, Губернаторский спуск, Горка, Гора, Городской вал, Ендовище, Каткина гора. Все это слова, называющие возвышенности и понижения почвы в районе улиц Кооперации – Дзержинского – Горной по левому высокому берегу Волги. Названия говорят сами за себя. Вот, например, полузабытое название глубокого оврага вдоль улицы Подлипаева Ендо-

вище (старожилы помнят и другое название оврага – Соколовские сады, так как здесь до революции и в первые годы советской власти были расположены прекрасные сады), по форме напоминающее широкий, вытянутый сосуд для питья – ендову или ендовище. Это образное название прекрасно выполняло главную функцию топонима – адресную. А с другой стороны оврага Ендовище напротив улицы Подлипаева издавна существовала улица Овражная, мотивировка названия которой предельно ясна. Правда, в начале XIX века ее переименовали в Дворянскую, так как на ней располагались дворянские особняки (кстати, последнее имя возобновилось как ироническое, неофициальное в 70-80 годы XX в., поскольку вновь построенные на ней элитные дома были заселены высокопоставленными партийными работниками), но в 1921 году ей вернули старое название.

В отличие от вышеперечисленных широко известный в Костроме топоним Ямка обозначает старейший в Костроме хлебный магазин – это перенос по смежности, никакая «ямки» тут давно уже нет.

К природным названиям относятся и названия заболоченных участков города: Гноище, Гнилище, На болоте (магазин). Улица А.Н.Островского с XV века носила имя Мшанской, так как проходила через моховое болото. Последний ее квартал назывался Гноищем или Гнилищем (так на Руси именовали заболоченные места, а в древности на месте Гноища протекала речка Сула со стоячей водой). Теперь эти названия почти забыты, но народ помнит, что прежде здесь стояла церковь Козьмы и Доминана на Гноище.

Задолго до официального названия Горная улица была до революции Богословской – по имени церкви Иоанна Богослова, а крутой спуск к Волге назывался Каткина гора. Известно, что здесь возили воду с Волги и катались на санях, но тем не менее этимология слова неясна.

Некогда в Костроме было много прудов. Теперь доживает свой

век один из них (в нем почти нет воды), имеющий имя Пруд или теперь чаще Пруд на Долматовой.

В обыденной народной речи звучат названия, связанные с костромскими реками и речками: Черная речка, Солонка, Субботка, Ключовка (есть улица Ключовская в районе Селища), За Волгой, За Костромкой (т.е. за рекой Костромой).

Продуктивны также в народно-разговорном узусе названия дорог, троп, направлений движения: по Мосту, по Бетонке. У клумбы (имеется в виду как Клумба около железнодорожного вокзала, так и Клумба вблизи Маевки, т.е. фабрики «Красная маевка»), Стометровка (короткий участок шоссе вблизи ул. Ю.Смирнова), На аллее (Петровский бульвар), а также названия лесных участков на территории города: Дебря, Нижняя и Верхняя, Посадский лес, Березовая роща, Сосновый бор.

Самая многочисленная группа топонимов связана с человеком и прежде всего с его деятельностью. Они обозначают часть городской территории у какого-либо объекта, а также сам объект: У Пожарки (Пожарная каланча, памятник архитектуры в центре города), Ремешка (фабрика «Ременная тесьма»), Ряды (Торговые ряды в центре), Маевка (завод игольно-платочной гарнитуры «Красная маевка»), К вечному огню, У Водников (магазин около набережной Волги), У ветеранского дома, За тюрьмой, У двенадцатого (бывшего магазина № 12, теперь почему-то названного Золотой дюжиной), В доме с пионерами (скульптурами пионеров), Московская застава, Барахолка, Сеннуха (ранее Сенная площадь, теперь площадь Мира).

Список этот продолжают топонимы, образованные от имен, фамилий, прозвищ людей: Днепров магазин (магазин в красном двухэтажном особняке на углу улиц Горной и Кооперации, некогда принадлежавший купцу Днепрову), У Тенькова, У Лонжа, У Воронина, У Охмелкина (места, связанные с именами бывших владельцев торговых лавок, магазинов). Тарунинская пекарня (на Горной улице), уже упомянутый

Соколовский овраг, Дунькина деревня. Алексеевская дорожка (объекты в бывшем Ленинском районе Костромы, по-народному, фабричном). Среди них особо выделяются топонимы, мотивированные названиями церквей и других культовых сооружений: Соборная гора, Воскресенская гора, Лазаревская церковь и Лазаревское кладбище, У Спаса на торгу, Якиманиха (ныне микрорайон на месте древнего урочища Якиманиха, где ранее стояла деревянная церковь во имя Святых Богоотца Иоакима и Анны).

Все эти имена вкуче с официальными типа Галичская, Московская, Ярославская улицы, Кинешемское шоссе (в «простонародье» Кинешемка: на Кинешемке живет), указывающими направления в соседние города; Волжская, 2-я Волжская, удостоверяющие, что город расположен на Волге; 1-я, 2-я, 3-я и т.д. Рабочие улицы и переулки, проспект Текстильщиков, улицы Льяная, Льянщикова и подобные рисуют неповторимый облик города на Верхней Волге с характерной для него льняной промышленностью, несмотря на засилье в недавний советский период огромного количества общих для всех городов идеологических названий. За последние 10 лет на улицы города, особенно центральные, выплеснулась огромная масса названий (они все растут и растут!), хаотичная по составу, многомерная по структуре и функциям. Это по происхождению русские и заимствованные имена, конечно, чаще всего из английского языка, с разной степенью адаптации, нередко совмещающие русские и иностранные названия, не отражающие культурно-историческую специфику нашего древнего города. Это названия кафе, баров, магазинов и разного рода учреждений, чаще всего вновь образовавшихся. Вот для примера перечень названий подобного рода центральной улицы Костромы, Советской, от библиотеки им. Н.К.Крупской до центра (левая сторона): Трапеза (кафе), Гурман (магазин), Закусочная Лада, Ремонт обуви, Лилия (парикмахерская), Цве-

ты (киоск), Старая подкова (кафе), Якорь (бар), Спорттовары, Айболит (аптека), Эврика (магазин канцтоваров), Агентство квартирной недвижимости, Дом цветов (магазин), Персона (парикмахерская), Садко (магазин), Закусочная Пиво, Дом художника, Миард (Агентство недвижимости), Спорт для всех (новый, кстати, очень дорогой магазин в знаменитом доме с зелеными кирпичиками), Хозтовары, Эксклюзив, Стильная одежда, Дантист, Фаворит (бар) и т.д. Всего 81 название. Здесь есть и традиционные, стилистически нейтральные названия, к которым привыкли костромичи, типа Ремонт обуви, Хозтовары, Молоко, Аптека, библиотека, Цветы, Спорттовары и другие, но большинство названий новых, ярко эмоционально окрашенных. Они делятся на две группы. Первые, преобладающие названия, как бы старорусского, романтического характера: Трапеза, Лада, Садко, Купец, Торговый двор, Старая подкова, Лабаз, Русский двор, Домострой, Руслан, Людмила, Русский хлеб, Русское раздолье и другие. Здесь также «красивые», часто уменьшительно-ласкательные и метафорические русские имена типа Пирожок, Ла-

комка, Орленок, Костромичка, Дом цветов, Дом художника, Махлабитовая шкатулка, Айболит, Мир цветов, Уют, Сказка... Вторые – иностранные названия, не транслитерированные (их немного): Спорттовары Sprancli, Bosch, Mobil, Lubricants; Black cat, Sex shop и др.; транслитерированные, с разной степенью адаптации к русскому языку, нередко в сочетании с русскими словами: Гурман, Фаворит, Альбатрос, Эксклюзив, Абсолют, Гарант-Экспресс, Эврика, Дантист, Юляна, Бессарабия, Винни-Пух, Фламинго, Камелот, Русское бистро, Сюрприз-бар, Интим, Муш, Аметист, Жалюзи, Бутик и другие. Среди иностранных городских названий, появившихся недавно в Костроме, есть весьма поучительные, развивающие кругозор обывателя (если б только был известен их перевод и их поучительный смысл, и, к счастью, при сравнительно долгой жизни объекта он все же становится известен): магазин электронной бытовой техники, а затем и база строительных материалов Аксон (аксон – волоски на определенных участках коры головного мозга, воспринимающие и передающие информацию), кафе Энигма (энигма, греч.

– загадка, тайна), кафе Сигма (сигма – название греч. буквы). Но некоторые неологизмы совершенно бессмысленны. К последним относятся выражения: ателье Галант (нет такого производного от слова галантный в русском языке!), кафе Амбер (слово озадачило многих костромичей: оказывается, это неудачная транслитерация английского слова январь – Amber). Озадачивают названия многих кафе и баров, удивляет их мотивировка: Бахус, Баст, Мачо, Хотэй, Палермо, Клуб китайского летчика Лау Джа и другие.

Бесполезно осуждать или одобрять необходимость подобных названий, но наверняка время внесет коррективы в их существование, упорядочит всю эту огромную массу топонимов, а их в Костроме не менее нескольких сотен плюс около пятисот названий улиц.

Будем надеяться, Кострома останется красивым волжским городом не только с особой гармонией городского (архитектурного) устройства, но и с соответствующей ей разумной гармонией городских названий.

*Нина ГАНЦОВСКАЯ
Ирина ГОРЛАНОВА*

Григорий Кусочкин. Свадьбу гуляем. 1990 г.

«ДЕМОН» УЛЕТЕЛ, А «НЕПОГРЕБЕННЫЕ» ОСТАЛИСЬ

Вечером 25 июля 1910 года в Костроме, в семейном саду Семена Бархатова за Волгой, по окончании премьеры спектакля «Демон» его участники сидели на свежем воздухе, вспоминая перипетии недавнего представления.

Тут следует заметить, что летний театр Бархатова открылся летом 1908 года. Здание, сравнительно небольшое, было устроено хорошо во всех отношениях и приспособлено для открытой и закрытой сцены. Стена против сцены не являлась постоянной и могла выниматься, давая возможность зрителям, находящимся вне театра, наблюдать за происходящим на сцене. К зданию пристроили открытую веранду с видом на Волгу, специально предназначенную для «сердечных бесед».

За два минувших сезона летний театр костромскую публику ничем особенным не удивил. Поначалу здесь играли артисты местного драматического театра, выступал известный чревовещатель и король фокусов Иоганн Штраус, но ничем необычным не порадовал костромичей, так любящих всякие фокусы.

В 1909 году Бархатов заключил контракт с ярославским «Товариществом артистов драмы, комедии и фарса», но эта затея скоро приказала долго жить, поскольку содержатель театра откровенно надул доверчивых ярославских комедиантов.

Поначалу он снизил им жалованье вполовину против оговоренного контрактом, а когда жрецы искусства возроптали, Бархатов запер театр на амбарный замок со словами: «Пусть плачутся на плохие сборы, а я вот возьму да и совсем их сюда не пущу. Походят около запертого театра, авось спесь-то и соскочит».

Но спесь с лицедеев не «соскочила». Собрав нехитрые пожитки, утром следующего дня они отплыли в Ярославль, с грустью вспоминая Кострому, к которой успели проникнуться душевным влечением. А местная пресса по этому случаю писала: «Обиднее всего то, что такое культурное и просвещенное место, откуда слышится искусство и художество, в руках некоторых лиц превращается в мелочную лавочку и что от предпринимательского каприза зависит положение 14 человек».

В 1910 году неудачливый предприниматель от искусства Бархатов решил не искать таланты в дальних краях, а пригласил на летний сезон артистов местного городского театра. Антрепренер Калиновский с готовностью сколотил для театра Бархатова артистическую артель, которая азартно взялась за дело. Состоялись премьеры спектаклей «Разрушение Помпеи», «Петербургские трущобы», «Княжна Тараканова», «Ванька-ключник». Но вдруг Кали-

новский решает уменьшить оплату артистам, что повлекло выход из труппы г-жи Юматовой, артистов Горского, Ильинского, Ракитина и Далина. Обиженные и оскорбленные образовали свое товарищество и, пригласив любителей, начали ставить спектакли на открытой сцене в Нескучном саду общества любителей спорта. Упоминания о деятельности этого театра встречаются следующие: «В воскресенье в Нескучном саду состоялись конские состязания, участниками которых явились нижние чины конской земской управы. Номера программы, как-то скачки с препятствиями, кладка лошадей и подъем со всадниками, доставание разных предметов с земли были исполнены лихо и молодежато. По окончании поставлена драма Евдокимова «Непогребенные», разыгранная труппой под руководством Далина».

Калиновский же с оставшимися актерами и приглашенными любителями продолжал вести дело в летнем театре Бархатова. Дабы доказать ушедшим необыкновенный творческий взлет своей труппы, он «замахнулся» на лермонтовского «Демона», выразив готовность играть главную роль, поскольку занимал по совместительству амплуа героя-неврастеника. И сыграл. Потому-то вечером 25 июля 1910 года уча-

стники спектакля вышли на веранду «для сердечных бесед», чтобы отметить премьеру, рожденную в творческих муках и сомнениях. Артист на роли характерных простаков Светлов под впечатлением недавнего художественного восторга сказал, обращаясь к Калиновскому:

- Ах, Кирилл Иванович, как бесподобно сыгран вами Демон – печальный дух изгнанья! Его мощь, его сила, пылкая страсть... Особенно слова:

Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм – без божества!
Ах, как прочитано! До слез прошибло, Кирилл Иванович! – и Светлов действительно заплакал.

Калиновский мягким взором глянул на коллегу, проникновенно молвил:

- У всякого ремесла есть своя изюминка.

В диалог неожиданно вмешался актер на роли благородных отцов Буллер:

- Однажды мне довелось попасть в летний театр, - сказал и сделал паузу.

- Господина Бархатова? – полюбопытствовала комическая старуха Владимирова.

- Летний театр Эрмитажа, - поправил ее Буллер. – На сенсационное представление одной сенсационной труппы. На афише значилось: «Вероломная жена». Действующие лица: г-жи Фидо, Лулу, Герта, г.г. Фокс, Боба, Каро, Прим... Действие происходит в городке Пудельвиц.

Все насторожились, ожидая подвоха. Буллер продолжал:

- Поднимается занавес, и мы видим бытовую картинку из жизни маленького городка. Во время ярмарки. Потом наступает ночь. В воздухе чувствуется истома. Комедия приближается к драме на романтической подкладке, раздражающаяся небывалым скандалом и даже убийством одного из героев.

Артист замолчал. Стояла такая тишина, что было слышно, как потряскивает папироса в зубах благородного отца. Наконец он заговорил:

- Дело в том, что едва стемнело, вероломная жена Нандерм (г-жа Фидо) из своей квартиры пробирается через всю сцену в хижину Дон Жуана Гунферзена (г-н Финакс). Вскоре за ней появляется и муж, который по приставной лестнице лезет на чердак и оттуда спускается в комнату к торжествующим любовникам. Там происходит нечто ужасное. Слышатся крики, визги, лай, раздаются ружейные выстрелы.

На поднявшуюся суматоху сбегается весь город Пудельвиц. Чувствительные сердца, однако, могут успокоиться. Погиб только сам коварный обольститель Дон Жуан Гунферзен, убитый мужем, а г-жа Фидо в одной нижней юбке при дружном хохоте всего зрительного зала благополучно спасается в полицейском участке. Занавес падает.

- Это вы к чему? – подозрительно спросил артиста Буллера антрепренер Калиновский.

Буллер мельком глянул на него, ответил неизвестно кому:

- На бешеные вызовы зала актеры не вышли. Вместо них с публичной раскланивался их хозяин г-н Мерлан, директор этой первой чисто собачьей труппы. Весь спектакль разыгрывается одними собаками, без вмешательства директора, о котором публика и не узнала бы, если б он не вышел принять на себя ее аплодисменты. И все время актеры держатся на двух ногах, - с каким-то особенным подтекстом молвил благородный отец. Потом добавил: - Костюмы псов безукоризненны.

Калиновский пытался было еще что-то выведать у рассказчика, но неожиданно послышался знакомый голос героя-любовника Ильинского, стоящего в окружении своих единомышленников по товариществу при обществе любителей спорта - Ракитина и Далина. Ильинский с вызовом продекламировал, обращаясь к Калиновскому:

- Дух беспокойный, дух порочный.

Кто звал тебя во тьме полночной?

Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне:
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?..

Спросил и рассмеялся демоническим смехом. Ракитин и Далин вторили ему, возбужденно выкрикивая:

- А Демон-то голый!.. Приходи в наш театр на «Непогребенных» посмотреть!.. Поучись, как играть надо!..

Тут любовник-неврастеник Калиновский неожиданно схватил резиновую нагайку и огрел ею героя-любовника Ильинского. Тот издал глухой стон, бросился на обидчика. Завязалась нешуточная драка. Вдруг из кустов явилась инженер-драматик Истомина-Вольская, нежным голоском спросила:

- Что вы тут делаете, мальчики?

- Уйди, несчастная! – пуще прежнего взъярился Ильинский, с новой прытью бросаясь на Калиновского.

На шум стали собираться редкие гуляющие в саду. Примчавшийся полицейский чин громко посвистел, но протокол составлять отказался, но поспешил доложить начальству о случившемся. А Калиновский вслед ему шумел:

- Так им и надо! Они у меня публику отбивают. В газетах пишу!..

На следующий день держатель театра Бархатов с изумлением узнал, что летний сезон в его Волжском саду неожиданно завершился. Антрепренер Калиновский по непонятным причинам уехал, не возвратив залоги кассиру Малышеву в сумме 450 рублей, сторожу театра Забегайло 100 рублей и не уплатив жалованье за последний месяц артисту Светлову. Уехала с Калиновским и инженер-драматик Истомина-Вольская.

А в Костроме после того публика еще долго шутила:

- «Демон» улетел, а «Непогребенные» остались.

Так печально закончилась деятельность театра в семейном саду Бархатова, просуществовавшего всего три сезона.

Евгений СТЕПАНЕНКО

В конце XVIII – начале XIX веков в Костроме существовало несколько любительских («домовых» и «дворовых») театров. Например, помещиков А.С.Карцева и В.Е.Обрезкова, государева наместника А.П.Мельгунова. Первый же профессиональный театр основал губернский секретарь М.А.Сергеев, директором его стал отставной гвардейский офицер А.Ф.Чагин. Согласно записи, сделанной в журнале губернского приказа общественного призрения 7 января 1809 года, театр провел свой первый сезон в 1808 году, окупил все расходы, связанные с его основанием, и дал 100 рублей дохода в казну. 1808 год и считается временем основания драматического театра в Костроме. Сначала он располагался на ул. Кинешемской (Русиной), затем на Нижней Дебре, а в 1864 году переехал в здание на ул. Павловской, где находится и по сей день. В первом театре спектакли играли утром и вечером, ставили Мольера, Шиллера, Сумарокова, Фонвизина...

В течение XIX- начала XX веков

Афиша спектаклей театра. 1881 г.

городской театр был культурным центром Костромы. На сцене его представлял свое искусство Московский императорский театр, выступали М.С.Щепкин, Н.Х.Рыбаков, А.Н. Андреев-Бурлак, Г.Н.Федотова, М.П.Садовский, П.Н.Орленев, В.И. Качалов, И.М.Москвин, О.Л.Книп-

пер-Чехова и другие замечательные российские актеры. Отсюда в большую театральную жизнь шагнули А.А.Назымова и Е.Н.Корчагина-Александровская.

В 20-е годы прошлого столетия в Костроме наблюдается прямотаки театральный ренессанс. Создаются театры: студийных постановок (1918-1922), передвижной показательный (1920-1925), рабочей молодежи (1928-1936), юного зрителя (1929-1941). В здании бывшего окружного суда (дом Боршова) намечалось открытие театра оперы и балета, однако это дело по ряду причин не вышло. Для самых маленьких зрителей в 1936 году открылся кукольный театр. В послевоенное время такого оживления уже не наблюдается. Создаются народный театр при Доме учителя и молодежный театр-студия «Друзья театра», другие любительские объединения. В 1998 году в городе появляется третий профессиональный коллектив – муниципальный камерный драматический театр под руководством Б.И. Голодницкого.

Борис ГОЛОДНИЦКИЙ

НАШ КОМПАС – РОМАНТИКА

- Борис Исаакович, четыре года – срок, достаточный для того, чтобы подвести какие-то итоги?

- Конечно. Когда новый театр определяет свое лицо, выходит к зрителю, он должен с ним лучше познакомиться. Что мы и делали все это время. Коллектив муниципального театра выступал не только в Костроме, но объехал всю область. Как только мы выпускаем новый спектакль, то сразу выезжаем в район, где нас очень хорошо встречают.

- И какие спектакли, прошедшие по сердцу зрителям, вы за это время выпустили?

- Открывался театр сценической версией романа-сказки Юрия Олеши «Три толстяка». Затем мы сделали представления по повести Экзюпери «Маленький принц» и поэме Пушкина «Цыганы».

- Уже по этим произведениям можно сделать вывод о творческом направлении театра.

- В выборе репертуара мы идем от проекта, который имеет романтическое направление, которое возвышает людей, показывает сложность и богатство их внутреннего мира. Романтическое время и его герои, их мысли, чувства, поступки, чело-

веческие отношения. Разговоры на коммунальной кухне – это не для нас.

- Кажется, гастрольная карта вашего театра не ограничивается Костромской областью и даже Россией?

- Мы показали свои спектакли в Москве, Владимире, Ярославле, Иванове, Йошкар-Оле, Чебоксарах, Казани. В 1999 году появилась возможность поехать на Международный театральный фестиваль в Финляндию, в Тампере, где мы показывали «Маленького принца». Необычность состояла в том, что это был

драматический спектакль в соединении со школьным действием. Синтез разных видов искусств лежит в основе творческой концепции нашего театра. В Финляндии мы стали дипломантами, а на следующий год мы поехали туда на гастроли с двумя спектаклями – «Хитроумный заяц» и «Во имя любви», побывали в 5 городах. Еще мы стали дипломантами III Международного фестиваля искусств в Москве со спектаклем «Шалом, солдат!», который потом еще трижды брал дипломы на других фестивалях.

– Как воспринимает искусство вашего театра зарубежный зритель?

– На Западе тепло относятся к русской культуре. Со спектаклем «Щедрое яблоко» по произведениям Ефима Честнякова мы были приглашены на гастроли в Австрию и Германию. Были в 6 городах, играли в школах, на городских площадях и крестьянских дворах. Частушки, поговорки, русские песни и танцы, трешотки, бубенцы – вся эта фольклорная среда была там так хорошо понята, что даже не требовался перевод. За границей мы получили очень богатый урок. Увидели, что такое настоящий свет, какие залы, как ведет себя публика. Там нам помогали наши русские общины, наши соотечественники, которые хотели услышать родной голос, пообщаться с нами. Но самые сильные впечатления для труппы были в Кологриве, на родине Ефима Честнякова. Мы видели, как люди берут горстями землю с его могилы. Задумались о том, как в обычной черной избе можно было писать такие картины. Мы встречались с теми, кто знал этого художника и сказочника. Посмотрев наш спектакль, поучаствовав в нем, люди будто стали молодыми и прошли по земле босиком.

– Разнообразный ваш репертуар действительно подчинен одной творческой задаче. Наверное, и к 850-летию Костромы что-нибудь новенькое в этом плане подготовили?

– К юбилею города мы готовим комическую оперу «Мельник – колдун, обманщик и сват» нашего

Б.И.Голодницкий на дне города.
2000 г.

земляка Александра Аблесимова (последний раз игралась в Костроме в 1915 году – Н.М.). Спектакль будем ставить в музее деревянно-го зодчества, в старой мельнице.

– Интересное решение.

– А у нас все решения интересные. Мы готовим спектакль и думаем, где его играть. Спектакль «Хочу Паваротти» идет в кафе. В «Старом центре», со столиками, с официантами. Спектакль «Конец Казановы» по драматической поэме Марины Цветаевой, который мы сейчас готовим, хочется поставить в нашем зале с камином, но он пока еще не готов. За 4 года у театра не появилось своего постоянного хорошего помещения. Из кинотеатра «Дружба» мы переехали на улицу Симановского, в бывший ресторан «Волга». Пространство здесь есть, но нужна реконструкция здания или хотя бы ремонт. Но опять, как всегда, нет денег. А так мы работаем то в «Руси» и в «Пале», то в «Текстильщике» и в «Патриоте». Я прошу одно: дайте нам свой дом! И других вопросов больше не будет. А пока мы вынуждены платить приличные деньги за аренду.

– Муниципальный театр платит за аренду кафе и ресторанам. Битый небитого везет?

– Все держится на энтузиазме, на творческой атмосфере в театре.

Но этого мало, нужна государственная поддержка. Пока мы получаем только бюджетную зарплату, но ведь есть еще расходы на сценографию и постановку. Спектакль «Шалом, солдат!» стоил по смете 120 тысяч рублей, «Конец Казановы» – тоже дорогостоящий.

– В общем, одной романтики маловато.

– Да, именно так, хотя направление нашего театра от этого не изменится. За 4 года мы сделали немало, и я жду ответной реакции.

– Со стороны зрителей она уже есть?

– Мы пытаемся разговаривать со зрителем человеческим языком, пытаемся найти своего зрителя, который к такому взаимодействию с театром готов. Зрители нам звонят: «Когда можно увидеть ваш спектакль? Где вас найти?» Значит, им интересно, наш разговор не был напрасным. Но если у нас нет своего дома, то куда приглашать? Поэтому мы вынуждены ходить в гости сами, но так хочется, чтобы зритель пришел к нам, в зал с камином на премьеру «Казановы». В большом зале нельзя ставить этот спектакль, тексты Цветаевой вообще надо говорить шепотом.

– Творческая планка у вас поднята высоко. Однако, кроме Аблесимова, есть и современные костромские писатели – авторы пьес, повестей, рассказов. Есть любопытные произведения. Например, историческое повествование «Сахарный дом» Ольги Гуссаковской и Павла Румянцева. Не желаете познакомиться?

– Мы не исключаем обращения к творчеству местных авторов, лишь бы они подходили к нашему проекту. Недавно мне передали несколько пьес костромского священника Валерия Бурдина, который уже умер. Я прочитал часть этого материала, он показался мне интересным. Думаю, что мы создадим спектакль по драматургии этого автора. С журналистом Алексеем Зензиновым мы разговаривали о постановке его радиопьесы. А так я хочу реализовать в этом театре ряд невоплощенных своих идей. Например, поставить «Провинциалку» Тургенева и «Декамерон» Бокаччо.

- Наверное, это будет не такой «Декамерон», что шел в свое время в московском театре имени Гоголя?

- Не такой. Нас интересует не эротика, а эпоха средневековья, интересные люди, их взаимоотношения. Они собираются в загородном доме и в ожидании смерти от чумы рассказывают истории целой жизни, главных своих эмоциональных потрясений. Можно исходить из того, что у нас сейчас тоже чума, но многие ли могут рассказать об истории своей жизни, своего рода? У многих ее просто нет. И памяти нет. Так о чем можно разговаривать.

- Некоторые московские театры, особенно молодые, вводят в классический репертуар современные реалии. Мол, зрителю это будет понятнее и ближе. Как вы к этому относитесь?

- Меня эта тема вообще не интересует. Я никогда не пойду на то, чтобы у нас в театре шел разговор о бомжах, о коммуналках, о грязи.

Мы идем к теплу, к человеческому общению, к тому, что объединяет. У нас театр философских обобщений, а не каких-то частных. Мы строим спектакли на эмоциональной структуре и хотим, чтобы зритель переживал, плакал и радовался вместе с нами.

- Сколько человек у вас в труппе?

- Всего 15 человек, а по штатному расписанию – 20. Не хватает двух артистов – парней, не можем их пригласить, так как не имеем своего общежития, это тоже одна из проблем.

- Скажите напоследок, сколько нужно времени, чтобы вы смогли реализовать основные свои замыслы?

- Сложный вопрос. Человек жив, пока он творит. Когда я занимаюсь административными делами, я тихо умираю. И кто вообще знает, сколько творческой жизни угото-

вано каждому из нас. У меня самое сильное впечатление от эпохи Возрождения. Как после жуткого средневековья могло появиться такое богатство? Неужели мы сейчас не можем создавать что-то подобное, неужели уже все создано? Нам очень близка поэзия. Мечта о галантности кавалеров, о перчатках, о шуршащем платье, о кринолинах. Мечта о красивых антикварных вещах. Ведь старые мастера создавали все это не только ради денег. И рядом с мечтой боль за потерю культурного наследия, аналогов которому сейчас нет. От мечты и боли и происходит искусство, которое в России всегда рождается в трудах и сложностях. Но зато это настоящее искусство, а не ширпотреб. Представляете, костромские залы ломятся в дни приезда Шифрина или Винокура, а в городе до сих пор никогда не ставили Чехова...

Беседовал Николай МУРЕНИН

Мгновения

Народный артист России Э.Л.Очагавия.
Кепкой и шагой.

Завлит театра имени Островского Е.Т.Степаненко.
За чистоту в театре и на улице.

Фото Юрия Чеботарева.

«ДРУЗЬЯ ТЕАТРА»

Молодежный театр-студия организован в 1974 г. на базе клуба «Красный ткач». Творческий состав: молодые рабочие и служащие, врачи, педагоги, студенты, старшеклассники. Репертуар: агитационно-сатирическое обозрение, классическая современная комедия: «Манекены» (реж. В.Смирнов), «Ах, сердце, сердце!» Чехова, «До третьих петухов» Шукшина и др.

В 1980 г. присвоено звание народного коллектива.

С 1981 г. – художественный руководитель – выпускник режиссерского отделения училища им. Шуккина Семенов А.М. Тема ответственности юного героя за свои поступки, острые проблемы современности, поиск новых форм и выразительных средств наиболее полно проявились в спектак-

Руководитель театра-студии
А.М.Семенов.

лях: «Остановите Малахова!» Аграновского, «Родительская суббота» Яковлева, «Живые» (по произведениям поэтов-фронтовиков), «Женитьба» Гоголя, «Володя» (о Высоцком) и других.

В 1995 г. создается театральная мастерская «Искусство». (С 1997 г. – Международная театральная мастерская – МТМ). Девизы МТМ: «Да возродится Кострома!», «Новому тысячелетию – новые имена!».

В рамках МТМ в Костроме выступали Ереванский ТЮЗ, студенческий театр «Тур де Форс» Одесской юридической академии. Молодежный театр-студия показал в Ереване «Горе от ума» Грибоедова.

Спектакль «Сцены в овраге» по пьесам Островского, посвященный 175-летию драматурга, удостоен гран-при фестиваля «Серебряная ладья» (1998). Театр – лауреат и дипломант фестивалей народного творчества, гастролировал в Болгарии (1988).

Е.С.

ДНИ А.Н. ОСТРОВСКОГО В КОСТРОМЕ

В 1973 г. Минкультуры РСФСР и Всероссийское театральное общество (ВТО) приняли решение раз в пять лет проводить в Костроме Дни А.Н. Островского с показом лучших спектаклей театров России по произведениям Островского, экспозициями сценографических и музейных выставок, связанных с постановкой пьес драматурга в СССР и за рубежом, с научно-практическими конференциями.

Дни Островского проводились в 1979, 1983, 1993, 1998 гг. (последние посвящены 175-летию драматурга). В них принимали участие театры Москвы, Петербурга, Ярославля, Владивостока, Воронежа, Кудымкара (Коми-Пермяцкий национальный округ), Омска, Разграда (Болгария) и др.

Костромской театр был представлен спектаклями «Правда хорошо, а счастье – лучше» (реж. Б.Гутников, 1979), «Бедность не порок» (реж. В.Симакин, 1983), «Таланты и поклонники» (реж. О.Голубкова, 1993), «Последняя жертва» (реж. А.Цодиков, 1998).

Е.Т.

Костромской театр. 1910 г.

Драмкружок при Доме работников просвещения. 1929 г.

Передвижные синемаграфы появились в Костроме в начале XX века, на городских ярмарочных площадях они успешно конкурировали с цирком-шапито, зверинцем и другими балаганами. Более того, публика шла охотнее посмотреть диковинку. Первый же стационарный кинематограф был устроен в 1910 году зубным врачом К.А.Полюховым, а затем передан предпринимателям С.К.Бархатову и М.С.Трофимову. Последний и открыл в 1910 году на Ильинской улице «Современный театр», где прошли первые синемаграфические сеансы - комедии с участием Макса Линдера, а также мелодрамы и научные фильмы. Бархатов не остался в долгу и

вскоре на другой стороне Ильинки открыл театр «Пале» с самым большим в городе зрительным залом – на 800 мест. Театр «Пале» сохранился до сих пор, а на месте «Современного театра» сейчас находится кафе (ресторан) «Веснянка».

Предшественником цирка в Костроме был балаган, где во время народных увеселений устраивались представления артистов с животными. В 1884 году в Кострому из Саратова приехал цирковой предприниматель А.А.Никитин. Он и подал в губернское правление прошение о строительстве в Костроме стационарного цирка. Новое заведение было построено в этом же году в саду помещицы Мичуриной с фасадом на ул. Еленинской. Осенью 1884

года костромичи впервые увидели знаменитую никитинскую карусель из 40 лошадей. Показывали свое мастерство наездники, акробаты и жонглеры, смешили публику клоуны. Цирковой сезон прошел в Костроме успешно, но закончился печально: жена Никитина упала с лошади, гастролеры уехали, а здание цирка вскоре пришло в упадок и было снесено. Следующий летний цирк был построен на Ильинской улице близ Мало-го бульвара в 1891 году, но после закрытия сезона его разобрали. Через 10 лет, в начале нового века, на Сусанинской площади появился новый тесовый цирк, который показывал программы заезжих артистов, фокусников и мистиков.

МИХАИЛ ТРОФИМОВ: ОТ ТЕАТРА ДО КИНОФАБРИКИ

Михаилу Семеновичу Трофимову не повезло. Его жизнь и деятельность проходили на переломе исторических эпох, в годы войн и революций начала XX века. Может быть, поэтому его имя мало знакомо широкому кругу любителей кинематографа и даже деятелям культуры. И мы не найдем этого имени в официальных справочниках и энциклопедиях, что очень странно на первый взгляд. Теперь уже можно доказательно говорить о том, что уроженец села Стрельникова (Цицино входит сейчас в состав этого села), купец-старообрядец, строительный подрядчик Михаил Трофимов был не только основателем первого в Костроме кинематографа «Современный театр», но и одним из первых российских кинопродюсеров и киноменеджеров. Он появился в Москве в 1914 году, а в 1915 году на открытии киноателье «Русь» у Бутырской заставы, на торжественном освящении ателье, произнес необычные слова: «Я не для прибылей затеял это

дело... Считаю кощунством заниматься на искусстве! На жизнь зарабатываю подрядами, кинематограф люблю крепко и хочу, чтобы русская картина превзошла заграничную, как русская литература и русский театр...».

Чем необычна была его речь? Почему его посчитали чужаком в Москве, центре российской кинематографии, где 23 фирмы снимали кино? Для этого вернемся в Кострому, в 1910 год.

В конце июля 1910 года костромская дума выделила купцу Трофимову участок на Бульварной улице для постройки стационарного здания кинотеатра. Это разрешение Трофимов получил в жесткой конкурентной борьбе с купцом Саввой Кононовичем Бархатовым, имевшем в Костроме лавки, ресторан и постоянные дворы. Отношение к кинематографу этих двух купцов было принципиально разным: для Бархатова – это средство наживы, обогащения, для Трофимова – средство просвещения.

Что мы знаем сейчас о Михаиле Семеновиче Трофимове? Он родился в 60-е годы XIX века в деревне Цицино Шунгенской волости Костромского уезда в семье крестьянина-старообрядца Семена Трофимова, с детства стал работать в торговых лавках Костромы, в рядах, где торговал строительными материалами. Став подрядчиком в строительной конторе, он открыл свое дело и достиг в нем немалых успехов. Он строил дороги, мосты, земские школы, фундамент памятника из бетона по проекту академика Адамсона к 300-летию дома Романовых и воздвигал павильоны земской выставки к этой же дате по проекту академика Сологуба, за что позже получил от Николая II золотые часы в подарок. Забегая вперед, скажем, что этот факт тоже сыграл роль в судьбе Трофимова. А в 1910 году здание «Современного театра» в стиле модерн было построено по проекту архитектора Николая Горлицына. Оно было деревянное, оштукатуренное и

очень необычное по архитектуре. Внутри был зал, сцена, зимний сад, здесь можно было демонстрировать фильмы, устраивать концерты и показывать спектакли. Это здание существовало до 60-х годов прошлого века. Костромичам оно запомнилось как кинотеатр «Малый». Потом оно было разрушено, и на его месте построено кафе «Веснянка».

Но вернемся к 1911-1914 гг. прошлого века. Современный театр Трофимова или, как он еще назывался, «Электрический театр Трофимова и Себина» старался привлечь зрителей картинами, которые имели бы воспитательное значение, в том числе и для молодежи. Это прежде всего были видовые картины: об извержении вулканов, о достижениях медицины, об озерах в Швейцарии, о переливаниях крови. Целые научные сеансы сопровождалась при демонстрации лент пояснениями преподавателей костромских гимназий. Успехом пользовалась серия фильмов о борьбе с пьянством. Но необходимо отметить, что все-таки главными были фильмы типа слезливых мелодрам, таких, как: «Увяли цветы. Угасли мечты», «Маленькие белые рабыни» (тяжелая драма в частях), «Невинно падашие белые рабыни» (потрясающая драма в 5 частях), «Дневник горничной» (небывалый боевик), «Накись жизни» (в 3-х частях, сильная современная драма, передающая с потрясающим реализмом все переживания разбитой материнской души). С успехом шли комические ленты с участием Макса Линдера, все «художественные» ленты были, как правило, заграничного производства: российская кинематография только еще делала первые шаги. И это прекрасно понимал Трофимов. Когда закончились шумные празднества, посвященные 300-летию дома Романовых, и началась первая мировая война, Михаил Семенович, понимая, что приток фильмов из-за границы скоро прекратится, выехал в Москву. Он создал там свою фирму-товарищество «Русь», которая стала снимать фильмы. Тогда впервые на страницах журнала «Пегас», первого кинема-

М.С.Трофимов. Фото начала XX в.

тографического журнала, а также настольной справочной книги «Вся кинематография» официально появилось имя Михаила Трофимова. Тот же журнал «Пегас» отмечал, что «беда кинематографий в том, что до сих пор многие смотрят на нее как на средство наживы и применяются к новому делу, желая получить и свою долю при делении денег. Для них кинематография – курица, несущая золотые яйца. Но эти случайные господа – из тех, которые в своей непомерной алчности и в слепом невежестве смогли бы эту курицу и зарезать».

Михаил Трофимов не стал «случайным господином» в российской кинематографии. Первый же снятый в 1915 году фильм «Культурные варвары XX века» заставил говорить о себе. Марка торгового дома «М.С.Трофимов и компания», на которой был изображен русский мужик с седой бородой и в лаптях, играющий на гусях, стала известна многим.

Сподвижник Трофимова по «Руси», заведующий производством этой фирмы Моисей Никифорович Алейников писал о нем: «Трофимов был очень своеобразный русский человек. Из мальчишек на побегушках в каком-то торговом предприятии Костромы этот человек постепенно становится подрядчиком-строителем. Этот самоучка, горя-

чий, страстный и пытливый человек любил театр и к искусству относился благоговейно. Он никогда не связывал своей биографии и своих мечтаний, чтобы нажить что-нибудь кинематографом – кинематограф для него был делом искусства, делом святым... В области кинопроизводства он был своеобразный меценат. Трофимов вел как бы двойную жизнь. Проведя строительный сезон в Костроме и заработав некоторую сумму денег, он приезжал в Москву, организовывал постановку фильма...». А вот что пишет о нем же современный киновед, автор книги «Протазанов» Михаил Алразоров: «...купец Трофимов, разбогатевший на поставках лесоматериалов для церемониальных построек к 300-летию дома Романовых, решил заняться кино. «Русь» стала выпускать фильмы в полном соответствии со вкусом и культурой своего хозяина». Автор этих строк как бы разом перечеркивает все сделанное Трофимовым. Эти суждения некоторых советских киноведов, безусловно, несправедливые, также не способствовали сохранению в истории культуры, киноискусства имени нашего земляка.

Было бы наивно полагать, что на первом этапе творчества Трофимов не понимал трудностей своего творческого пути. Сохранилось свидетельство того же Моисея Алейникова о том, как Трофимов расценивал свои творческие неудачи: «Упаси бог делать такие картины, какие получались у меня доселе. Их у меня на полке 13, и среди них одна, которую люблю и считаю настоящим художественным произведением. Это «Невский проспект» по Гоголю... Остальные стыдно Вам показывать, хотя в театрах идут и похуже... Нет, так работать больше не хочу. Раньше, бывало, построю для земства, скажем, мост, заработаю тысяч шесть, еду в Москву, куплю сценарий, приглашу режиссера, арендую павильон, а через месяц на полке прибавляется еще одна серенькая лента. А теперь с таким способом я покончил. Есть своя фабрика, нужно собрать и своих людей. да

таких, для которых искусство – дело святое... Хочу быть в первой пятерке кинопредпринимателей и добыть этого...»

И Трофимов этого добился. Он нашел людей, для которых искусство – святое дело. Это и Моисей Алейников, признанный российский авторитет в кинематографии, и режиссер МХАТа Александр Акимович Саннин, и актеры этого театра: Иван Москвин, Леонид Леонидов, Вера Пашенная, Ольга Гзовская. Последняя в своих рекламных проспектах объявляла: «Я снимаюсь только в фильмах торгового дома «Русь» М.С.Трофимова».

На «Руси» снимали фильмы режиссеры Чаргонин, Старевич, Желябужский, Маликов. С «Русью» сотрудничал известный писатель Евгений Чириков. Несколько фильмов Трофимов снимал в городе Костроме. 3-5 августа 1915 года на улице Мшанской в доме Скалозубова и за рекой Волгой Аркатовым снимался фильм «Катерина-душегубка» по рассказу Лескова. Уже в октябре фильм был показан первым экраном. В Костроме снимался фильм «Огородник лихой», или «Ужасы былого» по сценарию Н.Виноградова, «Герои мировой войны братья Панавы», «Варвары XX века». Будучи человеком религиозным, старообрядец Трофимов пытался использовать возможности кинематографа, чтобы призвать людей, как писал Толстой, «стараться жить по душе, по-божьи, по учению Христа, не по учению мира». По просьбе Трофимова, Евгений Чириков написал экранизацию своих знаменитых «Волжских легенд», где главным был мотив неизбежности прихода Антихриста, конца света. В данном случае сошлись идеи писателя и старообрядца Трофимова. При этом кинопредпринимателя не смутил сложный сюжет фильма, названного «Девы горы», который сводился к поискам Сатаной и Иудой «девы непорочной», так и не найденной в этом мире. Фильм «Девы горы» был первой режиссерской работой Александра Санина на «Руси», современники считали постановку самой

художественной и самой роскошной в русском производстве того времени, но религиозная идея фильма не давала возможности ни до февральской революции, ни после Октябрьской революции показать фильм в прокате. Он был показан на экранах только после февраля 1917 года. Воспользовавшись цензурными послаблениями после февраля 1917 года, Михаил Трофимов организовал съемки и показ целого сериала «Руси» на религиозные темы. Это были: «Лгущие богу» (о секте хлыстов), «Белые голуби» (о скопцах), «Бегуны» (о секте бегунов), «Лжемасоны» или «Калиостро», «Масоны» (о жизни масонов екатерининской эпохи). Фильмы пользовались огромным успехом, и даже Александр Блок в своей записной книжке отметил в сентябре 1919 года: «Вечером мы с Любой в кинематографе. Фильм «Руси» «Хлысты»...» За границей был небывалый успех картины «Белые голуби». Киногазета в 1918 году отмечала, что «этот фильм сразу ставит молодое дело Трофимова в ряды истинных кинопромышленников». Интересен факт, что Наркомпрос и Луначарский, запретив фильм «Девы горы», признавали его ху-

дожественную ценность. Несмотря на то что на «Руси» создавались такие мелодрамы, как: «Не разум, а страсти правят миром», «Грех и искупление», «Иола» с участием Гзовской и Гайдарова, уголовная кинодрама «Скальпированный перун», главным направлением в деятельности Трофимова было экранное воплощение религиозной тематики и инсценировка классических произведений русской литературы.

В разгар гражданской войны в 1919 году Александр Саннин вместе с Алейниковым и Трофимовым приступили к съемкам картины «Поликушка» по повести Л.Толстого. Главные роли исполняли Иван Москвин (Поликей) и Вера Пашенная (Акулина) – ведущие мхатовские актеры. Этой картине суждено было стать первой, получившей мировое признание. В 1923 году в США было привезено для продажи 425 картин из Европы, но было продано всего шесть, в том числе и «Поликушка». Там же, в Америке, этот фильм был включен в число десяти лучших фильмов года и занял в этом списке четвертое место. Другими словами, если бы в те годы существовала премия «Оскар», фильм Санина и Трофимова получил бы ее. После революции и гражданской войны

Къ разуму вѣдуть три пути:
1) Путь печальнаго опыта, это самый тяжелый.
2) Путь размышления, благодаренный.
3) Путь научнаго опыта и разумнаго разсуждения, самый легкий.

г. Кострома.
Уг. Ильинской и Русской ул.

Все для развлеченія публики!
САМЫЕ ЛУЧШІЕ СЮЖЕТЫ
КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХЪ
КАРТИНЪ ПОСЛѢДНИХЪ ВЫПУСКОВЪ.
== Научныя картины. ==

Міровыя событія на экранѣ.
Мхикіаторы и водевилл.
МУЗЫКАЛЬНЫЕ АНСАМБЛИ.
ТОЛЬКО ВЫДАЮЩІЕСЯ АТРАКЦІОННЫЕ НОМЕРА.
Театръ открытъ въ будни съ 5 до 12, въ праздники
съ 2 до 12 ч. ночи.

Афиша «Современного театра». 1910-е гг.

многие кинофирмы России прекратили свое существование. Немногие, в том числе и «Русь», были национализированы, но у государства не было денег, чтобы их содержать. «Русь» превратилась в акционерное общество, владельцами которого стали Алейников, Оцеп и Желябужский. «Русь» объединилась с организацией «Международная рабочая помощь» и получила название кинематографическое товарищество «Межрабпом Русь». Далее произошла трансформация товарищества в «Межрабпомфильм», затем в студию «Союздетфильм», а с 1948 года в центральную киностудию детских и юношеских фильмов имени Горького. Но только в 1990 году вспомнили о человеке, который стоял у истоков этой киностудии в 1915 году, о Михаиле Семеновиче Трофимове. А в 20-е годы прошлого века он уже мало кому был нужен без денег, без соратника и помощника Моисея Алейникова, который уехал за границу лечить жену. На него, безусловно, подействовало, что из названия новой киностудии выпало слово «Русь». В журнале «Искусство кино» тех лет появилось обидное словечко «трофимовщина», которое отождествлялось с религиозными идеями создаваемых им ранее кар-

тин. В услугах Трофимова советское кино перестало нуждаться. Это, пожалуй, главная причина забвения его имени.

Мне удалось разыскать прямых потомков Михаила Семеновича, которые проживают в городе Костроме. Четыре его сына (Иван, Павел, Василий и Дмитрий) проживали в селе Стрельниково, и его внуки и правнучки также живут в этом селе и в Костроме на улице Ленина, в Давыдовском микрорайоне. Но никто не помнит своего деда и прадеда. Когда я им показывал его фотографию, они сказали, что видят этого человека впервые. Это можно понять, потому что старообрядцы села Стрельникова в первые годы Советской власти подвергались административной высылке и ссылке. Благодаря некоторым документам, в том числе свидетельству о смерти его сына Ивана, мы приблизительно можем ответить, когда родился М.С.Трофимов, а время и место его смерти установить до сих пор не удалось. Но все равно имя старообрядца из Стрельникова требует увековечения. Это очень уместно сделать к 850-летию нашего города.

В заключение хочу процитировать еще одно свидетельство современника и соратника Трофимова Александра Акимовича Санина. Это

письма Александру Блоку от августа-сентября 1918 года: «Дорогой Александр Александрович, жесткие условия жизни бросили меня в кинематограф. Сейчас я кончил громадную картину по сценарию Е.И.Чирикова. Не жалею, что взялся за эту работу. Я всегда любил широкую аудиторию, а ныне считаю необходимым говорить с толпой и в самую ее гущу бросать и правду, и красоту, и семена человечности... Здесь в «Руси» чудесные люди, широкие, добрые, любящие и искусство, и литературу, и Россию, и ее будущее. С ними приятно и любо работать» (август).

«Хозяев тут двое – Михаил Семенович Трофимов и Моисей Никифорович Алейников. Сочетание случайное, но удивительно удачное... Трофимов – самородок, начинал с «мальчиков», талантом, умом, кипучей энергией вышел в люди. Настоящая «натура». Смесь широты, огня, размаха богатырского с какой-то застенчивостью, чисто славянской скромностью и мягкостью. Я изверился в русского человека за последние месяцы, но, встретившись с Трофимовым, вновь поверил и в русскую натуру, и в настоящее, и будущее России...»

Эти слова многого стоят.

Борис НЕГОРЮХИН

Л.А.КОЛГУШКИН

Из воспоминаний костромича

<...>Пришло время открывать в Костроме постоянные кинотеатры. Вот тут-то и начался «кинематографический зуд». В ожидании крупных доходов от этих новых начинаний в первом квартале Русиной улицы, как грибы, стали появляться все новые и новые кинотеатры, зрительные залы наскоро оборудовались из магазинных помещений, из библиотек, типографий и т.п. Не имея собственного достаточного капитала, некоторые предприимчивые дельцы привлекали на правах пайщиков лиц, до этого ничего общего не имеющих с «биз-

несом», как-то: врачей, художников, адвокатов, фотографов, нотариусов и вообще людей свободных профессий.

Так, на протяжении 3-4-х лет быстро появлялись и так же быстро прекращали свое существование кинематографы с громкими названиями: «Прогресс», «Эффект», плавучий кинотеатр «Чайка», «Аполлон» и некоторые другие.

Ни одно из этих коммерческих предприятий не смогло выдержать конкуренции с такими крупными «акулами», как подрядчик плотнич-

ных и столярных работ Трофимов или крупный костромской делец Бархатов Савва Кононович, которые начали строить специальное здание для кинотеатра около главных ворот городского бульвара, позади масляных рядов. Это строение было деревянное, но оштукатуренное снаружи и внутри. Кинотеатр был назван «Современным» и существовал потом под названием «Малый».

В нем поначалу особенно художественно был оформлен в нижнем фойе сталактитовый грот с вытекающим из скалы родничком и чучелом

„Palais Théâtre“

С. К. БАРХАТОВА.
Сегодня, 9 и 10 января 1913 года.

Повиеть въ 2-хъ частяхъ драма

Пригвожденный.

Моменты, которые захватывают зрителя: 1) Первая встреча. 2) Дима безнадежно болен. 3) Связание съ вѣтвой. 4) Она его выдвѣ съ собой въ могилу... Безподобное исполненіе, захватывающій сюжетъ.

К р о м ѣ т о г о :

Пате журналъ (міровыя хроника)

Гимнастическія упражненія (съ натурой).

Красивую жену и деньги (комическая).

Марки въ рубль (комедія).

Концертный Румынскій оркестръ подъ управленіемъ **В. С. Брынга.**

Дирекція С. К. Бархатова.

Афиша «Пале-театра». 1913 г.

огромного орла, сидящего с раскрытыми крыльями на вершине скалы. При свете мелких разноцветных лампочек этот грот представлял феерическую картину. Очень жаль, что он не дожид до нашего времени. Несколько позднее как раз против «Современного» кинотеатра Бархатов начал строить еще лучше оборудованное здание кинотеатра, который и был назван «Пале-театр», что значит в переводе с французского «Дворец-театр». В настоящее время он значительно расширен и реконструирован для широкоэкранного кино. Появление в г. Костроме сво-

их постоянных кинотеатров явилось большим событием для костромичей. До этого далеко не многие из костромичей имели материальную возможность часто посещать городской театр или концерты приезжающих в Кострому знаменитостей. В очень редких семьях были собственные рояли или пианино, а большинство горожан удовлетворяли свои эстетические потребности прослушиванием пластинок на «картавом», шипящем граммофоне с огромным деревянным или жестяным растробом. Много позднее французская фирма «Пато» начала выпуск более

совершенных граммофонов без труб, которые с тех пор и стали называть «патефонами», даже если они были и русского производства.

Когда же в Костроме стали свои постоянные кинематографы да еще с широко разрекламированными кинокартинами, то редкий человек мог пройти мимо, чтобы не зайти посмотреть за один сеанс несколько короткометражных кинофильмов, чаще всего трагического или комического содержания.

Киносеанс сопровождался аккомпанементом на рояле, и его качество всегда зависело от искусства аккомпаниатора или пожилой пианистки, которой приходилось быть виртуозом, т.к. специальной музыки к кинофильмам не писалось. В качестве примера рекламы приведем содержание нескольких объявлений о киносеансах из местной газеты «Поволжский вестник» от января 1914-го года.

«Пале-театр»

Монопольно!! 3 января 1914 года.

Рекорд побит нами.

Небывалая сенсация.

Монопольно!!

Чудо кинематографии!

«Тайна крепости»

Захватывающая драма в 3-х актах

1250 метров.

Интриги придворной жизни.

Все ново-оригинально-красиво.

Хроника мировых событий.

В гостях у Карапуха.

(Комическая).

Цены местам обыкновенные.

(Абонементы действительны).

Анонс: «О чем рыдала скрипка».

Дирекция С.К.Бархатов<...>

На съемочной площадке и манеже

С Костромой связаны имена замечательных киноартистов, которые временно жили и работали в Костроме:

Бабочкин Борис Андреевич (1904-1975), народный артист СССР, работал в Костромском гортеатре сезон 1925-26 года.

Певцов Илларион Николаевич (1879-1934), народный артист РСФСР,

работал в Костромском драмтеатре актером и режиссером в сезон 1906-1907 года. Оба актера стали знаменитостями после выхода на экраны страны фильма «Чапаев», где Бабочкин играл комдива Чапаева, а Певцов – полковника Бороздина.

Кострома и область с дореволюционных времен часто использовалась для съемок фильмов. Михаил

Трофимов в 1915-1916 годах снял в Костроме и под Костромой фильмы «Катерина-душегубка», «Огородник лихой или ужасы былого» (по сценарию Н.Н.Виноградова), «Герои мировой войны братья Панаевы».

Начиная с начала 50-х годов, после съемок фильма «Ревизор», Кострома постоянно принимает у себя многочисленные съемочные

коллективы. Снимался даже Марчелло Мастоляни в фильме Никиты Михалкова «Очи черные». За последние полвека в Костроме и области снималось более 40 фильмов, режиссеры с мировым именем: Сергей Герасимов, Сергей Бондарчук, Эльдар Рязанов, Сергей Соловьев, Игорь Таланкин, Александр Кольцатый, Евгений Ташков и другие – работали на съемочных площадках Костромы. Замечательные актеры современности снимались в Костроме: Иннокентий Смоктуновский, Игорь Горбачев, Алексей Петренко, Георгий Бурков, Василий Шукшин, Андрей Мягков, Михаил Яншин, Алла Ларионова, Алиса Фрейндлих, Лия Ахеджакова, Галина Польских, Валентина Теличкина, Анжелика Волина, Павел Кадочников, в Костроме дебютировали Лариса Малеванная и Лариса Гузеева...

С 1885 по 1928 годы цирк в Костроме выступал только в шапито, которые устанавливались или на Сенной, или на Сусанинской площадях. В начале 1928 года местными властями было принято решение

строить каркасно-засыпное здание стационарного цирка на Сусанинской площади, деревянное на 1500 мест, но здание построено не было. По этому же проекту в ноябре 1928 года на углу Пролетарской и Комсомольской улиц был построен первый в Костроме стационарный цирк на 1490 мест. В 30-е годы цирк стал базой студии циркового искусства, здесь готовили новые номера.

Перед войной цирк закрыли на ремонт, затем началась война, и представления возобновились только в 1943 году. Цирк снова стал базой ГУЦЭИ. В 1964 году был сделан капитальный ремонт и построена гостиница для артистов на пр. Текстильщиков (бывшая Пролетарская). В 1970 году случился пожар, цирк сгорел дотла. До 1984 года цирковые представления проходили только в шапито, также работал коллектив «Цирка на сцене».

Весной 1984 года, через сто лет после открытия первого цирка братьев Никитиных, в новом здании рядом с Сенной площадью (ныне площадь Мира) открылся Костромской цирк на 1625 мест, оборудованный

по последнему слову цирковой техники, с двумя манежами. Это здание существует и поныне.

В Костроме за историю цирка практически выступали на разных манежах все цирковые знаменитости, кроме клоунов Никулина и Шуйдина.

На манеже Костромского цирка до войны и после войны подготовлены многие новые номера и аттракционы: эквилибриста Михаила Егорова с его рекордными трюками, «Иллюзионное ревю» Зинаиды Тарасовой, аттракцион с медведем Ивана Рубана, его же «Смешная группа хищников», «Яки и овчарки» Виталия Тихонова, первый в мире «Цирк на льду» с режиссером Арнольдом (Барским), аттракцион с уссурийскими тиграми Маргариты Назаровой под руководством Эдера и Константиновского, который вошел потом в фильм «Полосатый рейс», и многие другие. Недавно в новом цирке дрессировщики Тихонова и Добряков подготовили уникальный аттракцион «Дикие кабаны и рыси».

Б.Н.

Актер Михаил Пуговкин на встрече с земляками. 1980 г.

Имеет сообщать

В РОЛЯХ – АКТЕРЫ ТЕАТРА

Кинофильмов в Костроме и ее окрестностях снималось немало, но все людьми приезжими. И вот впервые у нас снимается «чисто костромской» художественный фильм «Оборона деревни Лятецкого» – по сатирической повести писателя-костромича Владимира Рахматова. Автор сценария и режиссер – Виктор Егманов, редактор телекомпании «Настя», хорошо знакомый костромичам по документальным фильмам. В главных ролях снимаются актеры драмтеатра имени А.Н.Островского Виктор Позоряков, Серафима Диденко, Александра Пахомова, в массовых сценах – молодежь из театра-студии «Друзья театра».

Обывательская книга города Костромы

25 июля 1791 г. костромской мещанин А.А.Сапожников подал прошение о внесении имени его в обывательскую книгу г. Костромы

В XVII - начале XX веках в России существовала целая отрасль для подтверждения сословных (дворянских) привилегий. За порядком в родословных «деревьях» следили в разные времена Разрядный приказ, Палата родословных дел, Герольдмейстерская контора, Департамент герольдии, а также Дворянские собрания в губерниях и уездах.

Купцы, мещане, крестьяне относились к податным слоям населения, то есть платившим подати, налоги. Их привилегии зависели не от принадлежности к сословию, а от величины сколоченного «тяжким трудом либо сметным умом» капитала. То есть необходимость в родословных записях с практической точки зрения отсутствовала.

Государство «составляло» ревизские сказки, переписные и обывательские книги, посемейные списки купцов и мещан, ведомости по оценке обывательских недвижимых имений, алфавитные списки обывателей и т.д., исходя из своих интересов и первого из них - учета всех существующих и потенциальных налогоплательщиков. Теперь эти книги и сказки, ставшие архивными материалами, являются бесценными источ-

никами для составления мещанских, купеческих и крестьянских поколенных росписей, для истории этих сословий. Преимущество одних источников перед другими определяется в основном их востребованностью. Тем не менее, есть ряд показателей, по которым преимущество отдается бесспорно. Из перечисленных источников по непривилегированному городским условиям обывательская книга, несомненно, в числе привилегированных.

В городе Костроме первая такая книга была составлена после выхода «Грамоты». Теперь она хранится в Костромском областном архиве и датируется 1790 годом. В дополнительные описи архивного фонда Костромской городской Думы вписаны еще три дела 1792 года с заголовками, соответствующими 4 частям обывательской книги. Они не сохранились. Поэтому книга 1790 года является единственной до наших времен.

Как известно, по «Грамоте на права и выгоды городам Российской Империи»¹ 1785 года предполагалось в каждом Российском городе составлять городскую обы-

вательскую книгу для записи в нее обывателей города и для подтверждения наследования «каждому гражданину своего достояния от отца к сыну, внуку, правнуку».

В городе Костроме первая и, похоже, единственная такая книга была составлена после выхода «Грамоты». Теперь она хранится в Костромском областном архиве, датируется 1790 годом².

При самом беглом осмотре легко оценить достоинства этого документального источника и в истории Костромы и ее жителей, несмотря на то что книга пострадала в огне пожара в архиве 1982 года. Вписаны в нее не только люди «с рангом», дворяне и чиновники, но и самые обыкновенные, которые не имели особых привилегий, не были знаменитыми, не занимали высоких постов и не носили громких титулов. В современном многомиллионном документальном делопроизводстве аналог такой книге найти трудно, хотя она сродни переписям населения. Она рассказывает о тех давних временах, когда наши предки клали печи, пекли калачи, строили «старую» Кострому и управляли ею. Из формуляра книги можно узнать, на ком они были женаты, сколько имели детей и их имена; холосты

были или вдовы: имели ли дом или иное строение, или место, или землю, ими ли был построен дом, от кого-то унаследован, куплен или в приданое получен, и в каком месте в городе стоял, отлучался ли из дома, каким промыслом владел, в каких городских или иных службах состоял.

Согласно «Грамоте», городская обывательская книга делилась на 6 частей. В первую часть включали «состояние и имя на настоящих городских обывателей по алфавиту». Настоящими городскими обывателями два столетия назад считали тех, которые в городе имели дом или иное строение, место или землю, то есть недвижимость, собственность. В этом случае они имели право голосовать на общественном собрании и быть избранными в городское управление. Без риска ссуду могли дать только тому горожанину, который был вписан в первую часть обывательской книги.

От обывательской книги Костромы 1790 года осталось три неполные части, и первая из них, «с настоящими городскими обывателями», коих в том году было записано 1085, сохранилась с буквы «Х» по букву «Я». Сословный состав «настоящих обывателей» – от купцов до цеховых, чем объясняются последующие повторы одних и тех же персон в разных частях книги. Записи открываются «Яковом Ивановым, сыном Хлебниковым, здешним мещанином пешного цеха, записным мастером, старожилем, родившимся в здешнем городе». Из второй и последующих граф записи о Хлебникове узнаем, что «отроду ему 36 лет и женат у здешнего посадского Макара Ильина сына Руковишникова на дочери его Парасковье Макаровой», что имеет детей, Андрея 8 лет, Настасью 5 лет, «имеет дом, построенный им на наследной ему от родителя земле, состоящей во второй части в квартале на медном пруде», что жительствоует в здешнем городе, промысел имеет «пешной» и находился в 1790 году «показанного ремеслав управе старшинным товарищем». Не требуется особого труда, чтобы понять, что кормил Хлебников свою семью, жену и детей на

заработанные с помощью печного промысла деньги, дом построил в районе пруда на улице Шагова, а в 1790 году избирался помощником старшины из мастеров своего печного цеха в городскую управу.

Во вторую, единственную часть обывательской книги, целиком сохранившуюся, включены «вписавшиеся в гильдии». Таковых записей в костромской книге оказалось 112, из них 100 повторяли записи первой части, и поэтому, кроме фамилии, имени, отчества и звания, других сведений не имели. Как уже говорилось, понятие «обыватели» имело условный характер и включало в себя разные сословия. Записей с полным формуляром – всего 11. И среди них, под № 13, Иван Герасимов сын Бороздин, 3 гильдии здешний купец. «Женат на дочери города Галича Цареконстантинивской церкви священника, Павла Иванова сына Лаврова, девице Мавре Павловой. Имеет одну дочь, Анну, 9 лет. Дому и земли и мест за собой в городе Костроме не имеет. Живет в городе Галиче на нанятой квартире. Торгового промысла не имеет. В градских службах до вступления его в купечество не бывал, затем, что он с 775 года с июня 10 дня находился в статской службе, в Галичской нижней расправе зауряд-секретарем и губернским регистратором». В третью гильдию относили тех, кто объявлял капитал от одной до пяти тысяч рублей. (Во вторую – от пяти до десяти тысяч рублей и в первую – от десяти до пятидесяти тысяч рублей).

Третья часть городской обывательской книги составлена из «вписавшихся в цехи по алфавиту»: мастера, подмастерья и ученики различных ремесел. Сохранились записи ста пяти цеховых, с буквы «А» по букву «К». Как и в предыдущей части и по той же причине, многие формуляры цеховых не имеют подробностей: они однажды уже занесены в первую часть «настоящих обывателей» города Костромы. Запись под № 94 о Василии Михайлове сыне Кобякове является этому подтверждением: она имеет полный формуляр, потому что Ко-

бьяков не имеет дома в Костроме. «Василий Михайлов сын Кобьяков, шапошного цеха мастер, костромского яму ямщик и старожил. От роду ему 30 лет. Женат мещанина Андрея Якова сына Овцына на дочери его Парасковье Андреевне. Имеет детей, сына Петра, 9 лет и дочерей: Марью, 11 лет, Маремьяну, 8 лет, Наталью, 5 лет. Дому за собой в городе Костроме не имеет. Жительство имеет в Костромской Ямской слободе в собственном своем доме. Промысел имеет от показанного шапошного мастерства. Находился в 790 году в Костромской шапошного мастерства управе старшинским товарищем».

Три оставшиеся части костромской обывательской книги до наших дней, к сожалению, не дошли. Тем не менее известно, какие сведения в них содержались. В четвертую часть были вписаны иногородние и иностранные «гости» – из разных государств и российских городов. В пятой части перечислялись именитые граждане, то есть те, которые зарекомендовали себя на выборных должностях в городских учреждениях, в своих профессиях, например, ученого, архитектора, живописца или «музыкочинителя», которые накопили капитал от пятидесяти тысяч рублей и более, а также банкиры, оптовые и «заморские» торговцы. И в шестую вносили посадских по алфавиту, то есть тех, которые в других частях городской обывательской книги не проходили и которые промыслом, рукоделием или другою работою кормились.

Оригинал костромской городской обывательской книги записан на бумаге с водяными знаками, изображающими медведя с секирой. По сравнению с другими документами административного учета она имеет самый подробный и популярный формуляр, отвечающий на самые востребованные вопросы: имя, звание, возраст, профессия, состав семьи, именование, местожительство, исполнение выборных или других должностей. В основе систематизации всех записей – алфавитный принцип, а не принцип иерархии, как, напри-

мер, в ревизских сказках: купцы, мещане, цеховые, дворовые и т.д. И, наконец, за внесение записи в книгу обыватели платили налог в городской бюджет, то есть она приносила доход. Чем не привилегированный источник?

За более поздний период, после 1790 года, не раз встречаются документы о сборе сведений для обывательской книги города Костромы, но до наших времен ни один экземпляр, кроме упомянутого выше, не дошел. Описание процедуры создания книги есть в журналах и переписке Костромской городской управы за 1824 год: «Апреля 18 дня костромские купцы и мещане, быв в собрании в доме Градского общества и по силе «Городового положения» 54, 58 и 60 статей, избрали на трехгодичное время к сочинению городской обывательской книги и к со-

бранию потребных для оных списков в старосты мещанина Петра Максимова сына Рыбникова»¹. После новых выборов предыдущий староста, Алексей Петров сын Свешников, представил в «Градскую Думу» собранные им с 1811 по 1824 годы обывательские списки с регистром и с его подписью на каждом листе. Городская Дума сообщила об избрании нового старосты гражданскому губернатору Карлу Баумгартену, который предписал «здешней полиции оказывать законное содействие старосте Рыбникову в сборе списков городских обывателей, особо, когда оные отсутствуют или изменили (продали, купили, унаследовали) свою недвижимость». После чего староста приступил к своим обязанностям: собирал от обывателей в городе Костроме, имеющих дом,

или землю, или иное строение, сведения за их «рукоприкладством», составлял из них именные, алфавитные списки Александровской и Константиновской частей города и представлял их Городскому Голове. По «Грамоте городам» 1785 года городской Голова должен был из этих списков сделать обывательскую книгу, но, вероятно, это случилось только один раз в истории города Костромы, в 1790 году. Позже обходились списками обывательского старосты.

Любовь ПОРОСЯТКОВСКАЯ

1 Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ) Собрание. 1. Т. 22. 1785. С. 358.

2 Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф.497. Оп.2. Д.7. 3 ГАКО. Ф.497. Оп.2. Д.510. Л.5.

АРХИВАРИУС

Содержателем первой в Костроме библиотеки с книжной лавкой был мещанин и переплетчик И.В. Солониковский. Открыта она была в сентябре 1855 года на Кинешемской улице, в доме агронома и статистика Н.В.Колычева. В 1856 году при библиотеке была открыта зала для чтения газет и журналов. Вот что писала в это время газета «Костромские губернские ведомости»: «Посетив библиотеку в первые дни ее открытия, мы, признаемся, были очень приятно удивлены, найдя ее выше наших ожиданий. Помещение удобное, мебель изрядная, годовая цена за чтение книг, принимая во внимание начало этого заведения, умеренная... Книги, вошедшие в состав библиотеки Солониковского, по преимуществу русские, все в щегольских переплетках и состоят из творений многих наших богословов, поэтов и беллетристов, немало книг и ученых». В 1880-х годах библиотека была закрыта, книги же составили впоследствии основу

других библиотек в Костроме – купца Сунгурова, имени Ф.В.Чижова, имени А.С.Пушкина...

В 1891 году при недавно учрежденной Костромской Губернской Ученой архивной комиссии был основан музей древностей. По хода-

Подлинные вещи Романовых в экспозиции музея-заповедника.

тайству председателя комиссии Н.Н.Селифонтова, костромское дворянство предоставило для него две комнаты в первом этаже дома дворянского собрания на Павловской улице. Создателем музея и его первым хранителем был выпускник Петербургского университета И.В.Миловидов. Первыми экспонатами музея были монастырские книги, иконы, облачения, затем стали поступать старинные вещи, оружие, карты, гравюры, монеты, рукописи, фотографии... Коллекция увеличивалась, ей становилось тесно в двух комнатах. По предложению Селифонтова рядом с домом дворянского собрания для музея выделяется участок земли, начинается сбор средств для строительства Романовского музея, который был открыт в 1913 году. Впоследствии он стал называться музеем местного края, сейчас в этом здании – художественный музей. А основной музей переехал в Ипатьевский монастырь.

ЭКСКУРСИЯ В КУСТАРНЫЙ МУЗЕЙ

Сколько в Костроме музеев? Раз, два, три. Сколько галерей? Две. А выставочных залов? Скудно! Хочется чего-нибудь нового или хорошо забытого старого. Например, сходить на экскурсию в Кустарный музей. Для этого пронзим время (без санкции соответствующих органов) и заглянем в дом № 8 по улице Русина.

Кустарный музей был открыт в октябре 1909 года, но еще в 1903 году, по завершении работы Ярославской областной выставки, Костромская земская управа приобрела некоторые изделия мастеров нашего края с целью организации кустарного музея. Пока то да сё, наступил 1909 год, и после закрытия Казанской выставки земство уже имело изделий на сумму свыше 400 рублей. Хранить эти экспонаты в ящиках в ожидании, когда земство приобретет помещение для кустарного музея, было делом неразумным. Вот и открыли музей-склад в двух комнатах, освободившихся после выезда технического отдела по распланированию селений, рядом с педагогическим музеем. Отдельного входа у новоиспеченного музея не было, а комнаты разделял полутемный коридор. Музей работал по будням с 9 до 2 часов, а по воскресным дням до 3

часов. Личный состав служащих при складе-музее управа определила в количестве двух человек: заведующий складом-музеем (он же продавец) с содержанием в 600 рублей и сторож при складе с содержанием 288р.

Костромское земство учло отрицательный опыт московского земства, открывшего в 1885 году музей с целью оказать воздействие на технику кустарного производства посредством знакомства мастеров с лучшими образцами изделий и не получившего нужного эффекта вследствие боязни кустарей самостоятельно переходить к новым изделиям. Оно руководствовалось положительным опытом вятских коллег, организовавших при музее торговлю кустарными изделиями и получивших сразу желательный эффект. Кустарный склад музея служил посредником между потребителем и производителем, а один музей без склада был бы учреждением, оторванным от жизни, от главных её проявлений.

Из годовой суммы 3020 рублей, выделенной земством кустарному отделу, на оплату помещения под музей-склад приходилось 420 рублей.

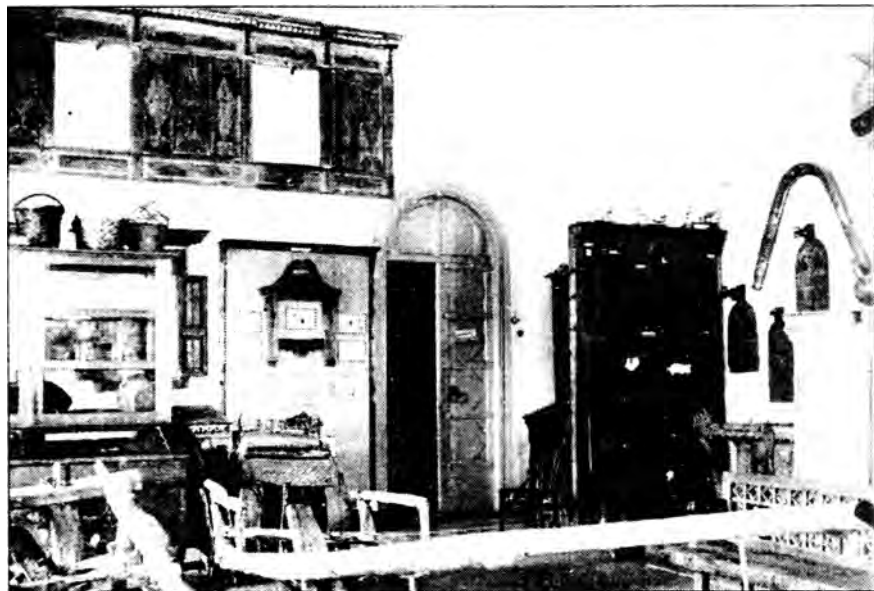
Первоначально фонд музея составляли экспонаты, которые оста-

лись после выставок Ярославской 1903 года и Казанской 1909 года, всего 120 предметов, «сработанных» кустарями Костромской губернии. Через год музей имел уже 494 «номера», увеличилось и часы работы по будням с 9 до 6 часов вечера, а по воскресным дням с 1 до 3 часов.

Экспозиция хоть и состояла из двенадцати разделов, но, стесненная малой площадью, она не имела логического порядка. В разделе изделия из дерева были представлены: образцы деревянных ложек, ковшей, совков, чашек, блюд и тарелок, формы для сыра, деревянные бёрда, шторы, сита и решето, орудия производства ложек и половников, мебель карельской березы, коллекция по окраске ложек и выработке их. В одной только отрасли по производству деревянных ложек было занято 1502 лица обоего пола. За сезон они выработывали 10 миллионов изделий. Продавались ложки от 2 р. 50 коп. до 5 р. 25 коп. за тысячу. В производстве изделий из луба, корня и прута, выставленных в следующем разделе, были заняты 4344 кустаря. В музее хранились образцы рогож, циновок, подножников, кулей и кульков. Модель избы с ткацким станом для производства рогож и циновок экспонировалась рядом со станком для выработки кульков. Поршни, лапти, портсигары, пестера, бураки и чемоданы, плетенные из лыка, плетеная мебель, хлебницы и корзины из соснового корня, мочальные веревки, кошель и шлеи демонстрировали мастерство кустарей.

Раздел изделий из шерсти был представлен фотографиями последовательности процессов валяльно-катального и шерстобитного промыслов. 12299 человек в 4120 дворах производили валенки, сукно, вязали из шерсти.

Образцы женского рукоделия, строчного белья юрьевоцких мастриц, узоры и концы к полотенцам, образцы поясов, брани, холста, набойки, пестрядей, новины, половиков, столешников, скатертей, поло-

Кустарный отдел в музее местного края. 1910 гт.

тенец привлекали внимание посетительниц музея.

5618 человек в 1974 дворах Красносельской, Сидоровской и других волостей создавали изделия, приносящие ювелирную славу нашему краю. Кроме образцов ювелирных изделий, экспонировался гранильный станок, верстак ювелира с набором инструментов, образцы искусственных камней.

Железные ведра варнавинского мастера Ивана Матвеевича Чугина, получившие в С.-Петербурге похвальный отзыв, а на выставке в Казани бронзовую медаль, можно было увидеть в разделе обработки металла. Остальные разделы показывали образцы кож, мехов и изделия из них; процессы производства сельскохозяйственных орудий, технологию обработки смешанных

материалов и обработки глины и т.д. В оформлении использовали фотографии, диапозитивы, диаграммы, картограммы, каталоги и брошюры.

Объяснения для посетителей давались заведующим отделом В.И. Барыковым. Кроме местной продукции, музей выставлял образцы изделий, произведенных в других губерниях. По желанию кустарей, проявлявших интерес к экспонатам музея, их могли выдать на дом для работы по ним. Это позволяло совершенствовать местное кустарное производство. Каждый посетитель, заинтересовавшись той или иной вещью, имел возможность познакомиться с ней во всех деталях: и с технической стороной дела, и с биографией предмета. Отыскав на предмете номер, посетитель мог узнать название вещи, оптовую цену, имя кустаря, его

почтовый адрес, место выработки и место сбыта изделия, место «добычи» материала, годовой размер производства и т.д.

Музей просуществовал недолго. « В 1918 году новая власть посчитала всё это бесполезной затеей, земство было ликвидировано, музеи остались без хозяина. Экспонаты передали Музею местного края...»¹

Но Кустарный музей не исчез бесследно, образцы изделий с улицы Русиной можно встретить в фондах музея-заповедника, что в Ипатьевском монастыре, или в экспозициях Архитектурно-этнографического музея.

Сергей КРУПАНОВ

1 Л.И. Сизинцева. Жизнь и судьба костромского музея. Краеведческие записки. Выпуск 5. Кострома, 1993. С. 7.

В СВЕТЕ ВОЛШЕБНОГО ФОНАРЯ

Е.М. Микифоров и народная читальня

Евгений Миллиевич Микифоров умер 31 декабря 1903 года сорока пяти лет от роду, не дожив до возраста, когда принято писать мемуары. Да и в старости вряд ли он написал бы воспоминания: его частная жизнь целиком подчинялась делу и почти совпадала с ним. О таких людях писали в те времена – «неутомимый общественник». Сегодня так уже не пишут...

Один из друзей, А. Толстой, взял на себя после смерти Е.М. Микифорова заботу о написании его биографии «на основании личного знакомства и собранного материала, к сожалению, далеко не богатого»... Он собрал воспоминания родных о детстве, соучеников – о студенческих годах жизни, коллег и подчиненных – о профессиональной деятельности педагога, поделившись собственными впечатлениями.

Прошло почти сто лет, но материала не стало больше, а память опять возвращает к человеку, который жил не для себя...

Как сообщает биограф. Евгений Миллиевич Микифоров был веточ-

кой на генеалогическом древе небогатых дворян Рязанской губернии, а родился в Рязани 2 октября 1858 года (1). Потом семья переехала в Тверь, где Милий Микифоров был душой общества, состоявшего из местной интеллигенции. В этом кругу и рос мальчик, похвалившийся общительным нравом на своего отца. По воспоминаниям сестры, он был «кротким, незлобивым и веселым ребенком».

Учёба, начатая в местной гимназии, была позже продолжена в уездном училище (там обучение обходилось семье дешевле). Видимо, и мальчик к тому времени уже решил, что продолжать обучение будет не в университете, к которому готовили гимназистов. По окончании училища он, несмотря на значительный по тем временам конкурс – пять человек на место, был принят в Московский учительский институт. Шел август 1875 года - середина семидесятых, когда просвещение народа представлялось едва ли не самой важной задачей и интеллигентные юноши, которые миновали революционный

соблазн, устремились в народные учителя.

Столица встретила провинциала искушениями культурной жизни; театрами, библиотеками, новыми знакомыми. Все это требовало времени, на учебу его оставалось меньше и меньше. А ведь надо было не только заработать себе на жизнь, но и помогать оставшимся в Твери матери и сестре. Пришлось студенту давать уроки, получая три рубля в месяц, которые он и посылал родным. Результатом стало отставание в учебе, вплоть до повторного прохождения второго года обучения.

Тем не менее внешне далеко не блестящее учение выявило природные способности Е. Микифорова. Биографу удалось разыскать человека, который запомнил первые уроки будущего педагога, а в ту пору не слишком успешного студента третьего, выпускного курса, данные в училище при институте. В пору, когда его разыскал А. Толстой и попросил написать о коллеге, это был уже известный литератор и педагог, но на всю жизнь он запомнил школьный

урок естествознания, когда в изображении Е.М. Микифорова «невзрачное маленькое растение – “пастушья сумка” – ожило и возбудило к себе интерес». Тот же человек вспоминал о литературных вечерах, устройтелем и участником которых уже тогда был Евгений Милюевич – «чтобы всколыхнуть немного монотонную жизнь по звонку» (2).

Этот неумный темперамент скоро предстояло оценить костромичам. Из-за второгодничества курс вместо 1878 года он закончил только в 1879-м и сразу отправился в Кострому учителем высшего трехклассного тогда начального училища, где и проработал одиннадцать лет.

Высшее начальное училище находилось тогда напротив Григоровской гимназии, на углу улиц Пятницкой и Верхней Набережной (нынешней ул. 1 Мая), в здании бывшей почтовой конторы, где сейчас медицинское училище. Поступали туда дети горожан, которых уже не удовлетворяли простые двухклассные училища с пятилетним курсом обучения, но денег на обучение в гимназии или реальном училище не хватало. Это был, как мы сегодня сказали бы, «средний класс».

Евгений Милюевич преподавал в старших отделениях. Позже, уже будучи инспектором, он заходил к коллеге-преемнику и говаривал: «А не правда ли, как интересно заниматься с выпускным классом? Когда я был учителем здесь, я любил вести старшие классы, давать ученикам последний отпечаток и лоск, с которыми они вышли бы в жизнь»(3).

Кострома 1870-90-х годов – город небольшой, все всех знают. Нового учителя заметили и запомнили. Другой его ученик, В.Н. Соколов, выбравший позже революционную стезю, вспоминал: «...Милич – свойский человек. Маленький, суетливый, но умный. Про него в городе говорят: если видишь человека, который выбегает сразу из двенадцати улиц, – это Милич. Ученики его все любят и так по этому отчеству за глаза и зовут» (4).

Справедливости ради надо отметить, что не только ученики, но и

остальные горожане звали его именно так. Он был знаком со всеми, почти всеми любим. Ни одной просьбы не оставлял без внимания, без слов чувствовал в человеке культурную потребность и тут же предлагал книгу для прочтения, участие в литературном вечере или любительском спектакле, просто хороший разговор на интересную тему.

Скоро эта деятельность приобрела вполне определенную форму, тогда это называли «народные чтения с туманными картинками». Сегодня звучит необычно и загадочно, но на самом деле это были просто лекции с демонстрацией диапозитивов. Электричества в ту пору не было, в качестве источника света использовали керосиновую лампу со спирто-кислородной горелкой. В темноте свет, проходящий через цветные картинки на стекле, давал не очень четкое изображение с размытыми контурами (отсюда – «туманные картины»), было немного загадочно и красиво. Устройство называли «волшебным фонарем».

В ту пору всякая техническая новинка вызывала почтение и восторг, люди тогда еще надеялись на блага технического прогресса. Поэтому интерес вызывали не столько сами бесплатные лекции

(«чтения»), сколько загадочные изображения на белом холсте. Это позже картинки придут в движение, и появится синаматограф, который отнимет у народной читальни часть аудитории.

31 сентября 1882 года на стол директора народных училищ Костромской губернии легло письмо Е.М. Микифорова с просьбой о разрешении народных чтений (5). Помещение согласилось представить Костромское уездное земство, зал находился в земском доме на Нижне-Набережной улице (сейчас – Лесная,5).

Губернатор Н.Е. Андреевский одобрил, попечитель Московского учебного округа дозволил, список лекторов (в основном, костромских педагогов) был утвержден, куплен волшебный фонарь, диапозитивы – и 6 марта 1883 года чтения были открыты.

Средства на приобретение фонаря и туманных картин были собраны костромичами по подписке. Среди внесших пожертвования были не только представители интеллигенции, но и либерально настроенные представители купечества, фабриканты Зотовы и т.п. Для слушателей же удовольствие было бесплатным, поэтому зал не мог вместить всех желающих, приходилось повторять

Е.М.Микифоров (в центре) и его сотрудники. Фото конца XIX в.

одну и ту же лекцию дважды, а то и трижды: зал вмещал всего 250 человек. Приходили люди всех возрастов, от малолетних детей до стариков, пожелавших взглянуть на новинку, от учащихся до зимогоров – обитателей соседней ночлежки.

Дело образования развивалось, а полы портились под подошвами грязных сапог. Пришлось зал «отделывать заново». После ремонта земство сочло слишком разорительным продолжение чтений в его помещении и в сентябре 1884 года отказало. Тогда на помощь пришел командир 140-го пехотного Зарайского полка Ф.Ф. Брант(6), который 10 октября предложил устраивать чтения в манеже, на окраине города, в бывшей Полянской слободе.

Новое помещение было более просторным, но больше походило на огромный сарай. Тем не менее целых семь лет там, на окраине, продолжались народные чтения. Иногда они сопровождалась музыкой и выступлениями хора, демонстрировались опыты, призванные развеять народную темноту. На экране мелькали лица исторических деятелей и литераторов, виды Святой земли и картины природных явлений, вроде извержения вулкана. Преподаватели рассказывали о физических законах, члены Общества костромских врачей – о зловердных микробах и о том, почему надо мыть руки перед едой. Не будь туманных картин, вряд ли кто-то стал это слушать по доброй воле.

Но «круты чужие ступени», и членам созданной Е.М. Микифоровым «Комиссии по устройству в Костроме народных чтений» не без оснований виделись грядущие препятствия на пути дальнейшего развития народного просвещения. Они мечтали о новом здании, специально предназначенном для чтений, – о читальне, при которой, кроме лекций, можно было бы устроить и библиотеку, проводить спектакли, концерты, наладить прокат туманных картин.

Много ли может обычный школьный учитель? В те годы его вес в городском обществе был не слиш-

ком значителен. Да и времени при большой нагрузке Е.М. Микифорову на общественную работу оставалось немного. «Поэтому, – объяснял А. Толстой странный поворот в биографии своего героя, – когда бывший костромской губернатор В.В. Калачов, желая дать ему больше свободного времени, предложил перейти ему к себе чиновником особых поручений и дал ему в заведование губернскую типографию, он оставил в июле 1890 г. любимое им городское училище и перешел на предложенную им службу»(7).

Прибавилось у Милича общественного веса, расширились возможности: можно было печатать обращения и подписные листы, приступить к сбору средств на строительство здания. Когда В.Н. Бочков написал статью об этой эпопее, то назвал ее «Строила вся Россия», и это была сухая правда (8).

Столичные профессора читали лекции, артисты императорских театров давали спектакли, количество жертвований превосходило самые смелые ожидания... Во многом способствовало тому и решение назвать новое учреждение именем недавно скончавшегося А.Н. Островского: скорбь и желание увековечить любимое имя делали щедрыми поклонников творчества драматурга.

Казалось, все налажилось и поставленная цель вот-вот будет достигнута... И вот уже Е.М. Микифоров создал очередную комиссию – строительную, инженер И.В. Брюханов сделал проект, а на начальственный стол 7 августа 1893 г. легло дело о постройке дома для публичных чтений на Петропавловском бульваре в г. Костроме (9), а с осени 1894 года заложили фундамент... Но это было бы слишком просто. История не любит простых ходов, она предпочитает интригу.

Началось все с того, что среди солдат Зарайского полка распространился тиф, и манеж пришлось освободить от посторонних для размещения заразных больных. Волшебный фонарь вновь остался без крова. Сначала думали – на время, но потом новое военное начальство нашло, чем заполнить освободившееся помещение.

На повышение в столицу был переведен губернатор В.В. Калачов, оставивший после себя костромичам еще одно культурное учреждение – созданную при его поддержке Костромскую губернскую ученую архивную комиссию. Вместо него был назначен А.Р. Шидловский, человек сложного характера, не расположенный к либеральным затеям. Чересчур энергичный чиновник оказался не в чести, а с ним вместе и любимое им дело по строительству здания читальни.

Поводом для репрессий послужило ходатайство Комитета по устройству народных чтений об учреждении таковых в Чухломе. Было начало 1890-х гг., время контрреформ. Министерство народного просвещения возглавлял печально известный граф И.Д. Делянов. Он разрешил чтения в Чухломе. Но «увидомил, что комиссия, возбуждая ходатайство, как не имеющая утвержденного правительством устава, существовать далее не может»(10). А на счету в Костромском отделении Государственного банка уже лежит довольно значительная сумма – около пяти тысяч тех еще, полновесных рублей. Что делать?

Попытка Е.М. Микифорова передать собранные деньги Министерству народного просвещения не увенчалась успехом. Тогда он начал строить здание как частное лицо: в этом качестве ему уже никто не мог чинить препоны, частная жизнь тогда еще не находилась в ведении начальства. Сумма на банковском счете приблизилась к шести тысячам рублей.

И тут снова вмешалась судьба, словно заботясь об увлекательности сюжета. Актеры Малого театра (Императорского!) пожелали внести свою лепту в строительство и добились Высочайшего (Императорского!) соизволения на устройство благотворительного спектакля «исключительно из пьес А.Н. Островского», который и состоялся 25 апреля 1895 года.

Спектакль дал делу Е.М. Микифорова не только более полутора тысяч рублей на счет строительства читаль-

ни, но и Высочайшую причастность к этому делу. И все изменилось, как по мановению руки: «Спектакль этот имел решающее значение, – вспоминал Е.М. Микифоров, – ослепленные высочайшим вниманием Его Императорского величества Государя императора Николая Александровича, члены строительной комиссии могли свободно действовать по сбору денег, и когда после этого, 7 мая 1895 года, была назначена торжественная закладка здания, на этой закладке в качестве официального представителя мы имели удовольствие видеть и Костромского губернатора А.Р. Шидловского, что имело большое значение для Костромского населения»(11).

Надо ли говорить, что это «имело большое значение» прежде всего для дальнейшей судьбы нового просветительного учреждения!

Дело двинулось. 5 мая 1895 г. в присутствии того же губернатора владыкой Виссарионом была заложена доска в переднем углу строящегося здания: «В царствование Императора Николая II мая 5-го дня 1895 года заложено сие здание для народных чтений в память писателя-костромича Александра Николаевича Островского», а 22 сентября следующего, 1896 года, вновь отстроенное здание было освящено. Был отслужен водосвятный молебен, начальство говорило речи.

Владыка Виссарион, много сделавший для православного просвещения в России и в Костроме, предупреждал: «К сожалению, иногда проповедуются такие учения, которые не просвещают, а только помрачают умы. – учения, направленные прямо или косвенно против церкви, государства, семейства, собственности. От таких учений всемерно должны предостерегать слушателей здешних чтений не только пастыри церкви, но и все участники в чтениях»(12).

Не уберегли. В Костроме антиправительственных агитаторов становилось все больше, были среди них и ученики Е.М. Микифорова, тот же В.Н. Соколов, или его одноклассник Н.Г. Полетаев, которым взгляды учителя казались безнадежно устаревшими, недостаточно радикальными. Отдавая ему

дань благодарности, они предпочитали его книгам беседы петербургских агитаторов.

Первая лекция, прочитанная Н.И. Коробицыным, была посвящена самому А.Н. Островскому. Оркестр сыграл гимн, а на новеньком экране появился портрет писателя и изображение иллюстраций к его произведениям. При сем торжестве присутствовали вдова писателя, Мария Васильевна, и его дети – Сергей и Александр.

Кончились торжества, началась долгая будничная работа по налаживанию чтений. В 1897 г., после смерти А.Р. Шидловского, его заместитель Е.Е. Извеков дал, наконец, разрешение на открытие библиотеки, которая и была открыта 2 июня 1898 г. на средства А.А. Зотова. В 1898 г. в читальне удалось оборудовать сцену, на которой пошли спектакли местных любителей и заезжих артистов. Стали открываться филиалы – библиотека им. А.С. Пушкина в фабричном районе, им. В.А. Жуковского в с. Большом Яковлевском, им. Гоголя в Новом Селе, на окраине Костромы (не о нем ли напоминала до недавнего времени улица Новосельская?). Заработали отделения в черновской ночлежке и при чайной Костромского попечительства о доме трудолюбия на берегу Волги (13). Туманные картины стали выдавать напрокат для демонстрации в самых отдаленных уголках губернии.

О бурной деятельности общественной извещали ежегодно издававшиеся отчеты читальни, составленные Е.М. Микифоровым.

Первый из них был опубликован в 1900 году и содержал подробнейший текстовый и финансовый отчет о ходе работ и обо всех истраченных средствах. Не был забыт никто из тех, кто делом или средствами послужил устройству читальни.

Наладив дело, Е.М. Микифоров просил город принять на себя попечение о читальне, что и было оформлено постановлением городской думы от 17 декабря 1898 года. Попечителями ее стали А.А. Зотов и П.Г. Колодезников, а заведующим до самой смерти оставался Е.М. Микифоров.

Это не было главным его занятием: с 1896 г. в благодарность за труды по строительству читальни он был назначен инспектором народных училищ. «Редко так министерство оценивает (едва ли не единственный случай!) заслуги человека по внешкольному образованию, признавая его достойным вестить дело народного образования нескольких уездов», – отмечал А. Толстой (14).

Говорят, он был хорошим инспектором, внимательным к учителям и учащимся, конструктивно решавшим проблемы образования. Его не боялись, к нему шли за советом и помощью. Но кто же знал, что ему осталось так мало времени...

Лето 1903 года припухла десна, после операции стало легче, но его жена и неизменная помощница, Елизавета Михайловна, уже знала диагноз, дни были сочтены. Е.М. Микифоров умер в Москве, на поезде

Народная читальня. Фото начала XX в.

его привезли в Кострому, отпели в церкви Иоанна Богослова на Кадкиной горе, похоронили на Новом кладбище.

На некоторое время перестали выходить отчеты о читальне, в 1906-м их издали сразу за два года, в 1910 - за три. Но читальня работала, налаженное дело не давало сбоев. Потом, в советское время, там был передвижной театр, потом - ТЮЗ, а сейчас здание оштукатурили, превратили в игрушечный замок кукольного театра с острроверхой башенкой, и никто уже не вспоминает народного учителя Е.М. Микифорова. Кажется, что так оно и стояло тут всегда.

1. Толстой А. Евгений Милюевич Микифоров: Биографический очерк. - М., 1905. - С.1. (Далее - Толстой А.). Этот источник, как и все прочие, использованные в статье, были подсказаны автору 15 лет назад В.Н. Бочковым.

2. Там же, с. 2.

3. Там же, с.3.

4. Соколов В.Н. Партбилет № 0046340. - М., 1932. - С.46.

5. Государственный архив Костромской области (далее - ГАКО). Ф.444. Оп.1. Д.792. Л.1.

6. Там же, с.с. 13,18,71. См. также: Микифоров Е.М. Отчет о постройке в г. Костроме здания народной читальни имени А.Н. Островского - Кострома, 1900. (Далее - Отчет, 1900).

7. Толстой А. Указ. соч., с.5.

8. Бочков В. Строила вся Россия//Литературная Россия. - 1973.- 6 апреля.

9. ГАКО. Ф.137. Оп.1. Д 1325.

10. Отчет 1900, с. 7.

11. Там же, с.9. Е.М. Микифорова, вероятно, подвела память: строительная закладка состоялась раньше, осенью 1894, а 5 (не 7!) мая была заложена памятная доска (см. следующее примечание).

12. Освящение народной читальни имени А.Н. Островского в Костроме// Костромские епархиальные ведомости. - 1896. - Ч. неоф. - №19. - 1 октября. - С. 497-498.

13. Отчет Костромской городской народной читальни имени А.Н. Островского за 1904-1905 академический год (девятый год). - Кострома, 1906. - С.4.

14. Толстой А. Указ соч., с.8.

Лариса СИЗИНЦЕВА

Его Превосходительству господину костромскому губернатору

заведывающего Костромскую народную читальню имени А.Н.Островского, инспектора народных училищ 1 участка Костромской губ. Евгения Микифорова

прошение.

Имею честь почтительнейше просить Ваше Превосходительство разрешить согласно прилагаемому при сем проекту устава открытию Пушкинской народной библиотеки по случаю имеющегося исполниться 26 сего мая столетнего юбилея со дня рождения великого поэта.

Евгений Микифоров.

13 мая 1899.

г. Кострома.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 13368. Л.1. Подлинник.

Заповедная Кострома

Библиографический список

Список литературы составлен на базе фондов Костромской областной универсальной научной библиотеки имени Н.К. Крупской и не претендует на исчерпывающую полноту.

Литература систематизирована по разделам: Справочники, путеводители; История; Археология; Памятники культуры; Кострома в произведениях искусства; Библиография. Внутри разделов материал расположен в обратнo-хронологическом порядке.

Справочники, путеводители

Статистический ежегодник Костромская область «2000»: Стат. сб. / Костром. обл. комитет гос. статистики. - Кострома: Б. и., 2001. - 524 с.

Города и районы Костромской области. [Стат. данные о соц.- экон. положении городов и районов Костромской области за 1990, 1995-2000 гг.] / Костром. обл. комитет гос. статистики. - Кострома: Б.и., 2001. - 187 с.

Вечная Кострома: Фотоальбом. Кострома: Ди Ар, 1999. - 128 с.: ил.

Лучшее в Костроме: Справ. - путеводитель. - Кострома: Костромиздат, 1998. - 144с.: ил.

Бочков В. Н. Старая Кострома: Рассказы об улицах, домах и людях. - Кострома: Б. и., 1997. - 230 с.

250 лет Костромской епархии: Юбил. брошюра по случаю 250-летия Костром. епархии. - Кострома-Мюнхен: Б.и., 1994. - 96 с.: ил.

Губернский город глазами костромских фотографов./Авт. текста и сост. А.А. Анохин.

В.А. Шпанченко. - Кострома: Изд-во «Северная правда», 1991. - 96 с.: ил.

Разумовская И.М. Кострома. - Л.: «Художник РСФСР», 1990. - 208 с. Библиогр.: с. 199-201.

Улицы Костромы: Справочник / Под ред. В.Н. Бочкова, И.Н. Захарова. - Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1989. - 96 с.

Край Костромской. - [М.]: Внешторгиздат, 1989. - [32 н/н с.]

О г. Костроме: с. 6-11.

Кострома: Туристская схема / Авт. текста В.А. Чайковский, Г.Д. Неганова. Фото Д.А. Луговера, А.В. Фирсова. - М.: Гл. упр. геодезии и карт. при Сов. Мин-в СССР, 1989. - 1 л.

Кострома. - [М.]: Внешторгиздат, б.г. - [16 н/н с.]: ил.

Кострома - административный, экономический и культурный центр области: Важнейшие даты развития города. - Кострома: Изд-во горисполкома, 1987. - 1 л.

Кострома: Крат. ист. очерк. / М.Н. Белов, Р.Р. Блянк, К.А. Булдаков и др. - Ярославль: Верх. - Волж. кн. изд-во, 1978. - 168 с.: 16 л. ил.

Бочков В.Н. Кострома. - Ярославль: Верх. - Волж. кн. изд-во, 1971. - 13 с.: ил.

Бочков В.Н., Тороп К.Г. Кострома: Путеводитель. - Ярославль: Верх. - Волж. кн. изд-во, 1970. - 190 с.: ил.

Кострома: Путеводитель-справочник. – Кострома: Кн. изд-во, 1963. – 359 с.: ил.

Владимирский Н.Н. Костромская область: Ист. - экон. очерк. – Кострома: Кн. изд-во, 1959. – 355 с.: 31 л. ил.; 1 л. карт.

Вся Кострома: справочник на 1925- 1926 гг. – Кострома: Б. и., б. г. – 205 с.

Вся Кострома: справочник на 1924 – 1925 гг. – Кострома: Б. и., 1924. – 104с.; 24с.; 10с.; 72 с.; 1 л. карт.; IVс.; IV с.

Население города Костромы. – Кострома: Б.и., 1918. – 27 с.

Статистические сведения по г. Костроме. Январь–июнь [1918]. – Кострома: Стат. отд. гор. Совета рабочих депутатов, 1918. – 51 с.

Статистические сведения по г. Костроме: Сводный бюллетень за 1917 год. – Кострома: Отд. муницип. стат. гор. Совета рабочих депутатов, 1917. – 74 с.

Статистические сведения по г. Костроме: Сводный бюллетень за 1916 год. – Кострома: Б.и., б.г. – 43 с.

Статистические сведения по г. Костроме. 1915 год. – Кострома: Б.и., б.г. № 1. Октябрь. 49 с.
№ 2. Ноябрь. 37 с.
№ 3. Декабрь. 36 с.

г. Кострома: Справ. изд. /Под ред. Друцкого-Соколинского. – Кострома: Б. и., 1913. – 93 с.: 1 л. план.

Костромское Приволжье и г. Кострома. 1613 – 1913. – 52 с.: 1 л. карт.

Навоев П. Вся Кострома: Юбил. ил. путеводитель с планом г. Костромы в красках: Справ. и адресная кн. – [Кострома]: Б. и., 1913. – 18 с.; 141 с.; 12 с.: ил.

Навоев П. Е. Кострома: Юбил. ил. путеводитель. – СПб: Б. и., 1913. – 80 с.: ил.

Алмазов П. А. Краткий путеводитель по г. Костроме и Костромской губернии. Посвящ. IV обл. ист. – археолог. съезду в г. Костроме, 21- 30 июня 1909 г. – Кострома: Архив. комиссия, 1909. – 42 с.: 1 л. карт.

История

Вознесенский Е. П. Воспоминания о путешествиях высочайших особ благополучно царствующего

императорского Дома Романовых в пределах Костромской губернии в XVII, XVIII и текущем столетиях. Репринтное воспроизведение изд. 1859 года. / Отв. за выпуск Т. Войтюк. – Кострома: Б. и., 1993. – 116 с.

Скворцов Л. П. Материалы для истории города Костромы. Ч. 1. – Кострома: Б. и., 1913. – 362с.: 17 л. ил.

Кострома в истории. Сб. рефератов, прочитанных в Костром. общественной муж. гимназии в 1913 году. – Кострома: Б. и., б. г. – 104 с.: ил.

Студитский И. Посещение г. Костромы и музея Архивной комиссии 3-го июня 1908 г. королевой эллинов Ольгой Константиновной и князем Константином Константиновичем с детьми // Кострома: Б. и., 1909. – [7] с.

Сырцов И.Я. Город Кострома в его прошлом и настоящем. – Кострома: Б.и., 1909. – 51 с.

Миловидов И. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. – Кострома: Б.и., 1885. – 239с.: 2 л. ил.

Островский П.Ф. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестивой в императорском Доме Романовых. – Кострома: Б. и., 1864. – 245 с.

Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. /Сост. Костром. губ. стат. комитетом. – Кострома, 1862. – С. 252 – 299.

Козловский А. Взгляд на историю Костромы. – М.: Б.и., 1840. – 203 с.

Васьков И. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. – М.: Б. и., 1792. – 63 с.

Археология

Археология Костромского края / Адм. Костром. обл., Деп. культуры, кино и историч. наследия, Гос. науч.-производ. центр по сохран., реставрации и использованию ист.-культ. наследия. – Кострома: Б. и., 1997. – 175 с.: ил.

Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – 160 с.: ил.

Третьяков П.Н. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья: Очерки по истории Верх. Поволжья в эпоху первобытно-общинного строя. – Кострома: Яросл. обл. изд-во, 1939. – 72 с.

Миловидов И. О Костроме в историко-археологическом отношении. – Б.м.: Б.и., б. г. – 19 с.

Памятники культуры

Костромской Богоявленско - Анастасиин женский монастырь (1426- 2001): К 575- летию основания и 10-летию возрождения. – Кострома: Б. и., 2001. – 64 с. с ил.

План г. Костромы в 1913 году / Сост. П.Е. Навоев. Репринтн. воспроизведение. – М.: Прогресс- Плеяды, 2000. – 1 л.

Памятники архитектуры Костромской области: Каталог/ Деп. культуры, кино и историч. наследия адм. Костром. обл., Гос. науч.-произв. центр по сохранению, реставрации и использов. ист.-культ. наследия. Вып. 1 – 2. – Кострома: Б. и., 1996 – 1998. Вып. 1, ч. 1. г. Кострома. 1996. 366с.: ил.

Вып. 1, ч. 2. г. Кострома. 1997. 310с.: ил.

Вып. 1, ч. 3. г. Кострома. 1998. 160с.: ил. Исследователи культуры Костром. края: с. 140-142; Именной указ.: с. 153-158.

Богоявленско-Анастасиин женский монастырь, г. Кострома (1426 – 1996): 570 лет. – [Кострома: Б. и., 1996]. – 12 с.

Кильдышев А.В. Фрески церкви Воскресения на Дебре: «История мироздания» и «Апокалипсис» в росписях галерей церкви Воскресения на Дебре в Костроме. (1650–1652). – Кострома: ЭКСМИ, 1996. – 119 с.: ил.

Костромская чудотворная икона Божией Матери Феодоровская: К 730- летию ее чудесного обретения. – Б.м.: Б. и., б. г. – 28 с.

Демидов С. Храм Воскресения Христова на Дебре: К 350- летию храма. – Кострома: Изд. храма Воскресения на Дебре; М.: Отчий дом, 1995. – 32 с. ил.

Кудряшов Е.В. Архитектурный ансамбль центра Костромы /Науч.-произв. центр по охране и использов. памятников истории и культуры Костром. обл. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1992. – 64 с.: 8 л. ил.

Памятники Отечества: Альманах Всерос. об-ва охраны памятни-

ков истории и культуры.

№ 1 (23). – М.: Сов. Россия, 1991. – 167 с.

Кострома: Древнерусская архитектура: Буклет /Авт.-сост. В. Соколов. – Л.: Художник РСФСР, 1989. – 1 л.

Костромской музей народной архитектуры и быта /Авт. текста А. Мазерина. Фото Д. Луговера. – М.: Б. и., 1982. – 16 с.

Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь: [Костром. ист.- архит. музей-заповедник]. – М.: Искусство, 1982. – 203 с.: ил.

Иванов В.Н. Кострома. 2-е изд., доп. – М.: Искусство, 1978. – 223 с.: ил.

Булавин Е. Деревянное кружево Костромы: Фотоальбом. – Кострома: Б.и., б.г.– 80с.: ил.

Кудряшов Е.В. К вопросу о первоначальных формах Успенского собора в Костроме. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 146 – 150. [Отд. оттиск из кн.: «Культура средневековой Руси»]

Кострома: Памятники архитектуры. [Фотоальбом] / Фотогр. И.С.тин, А. Фирсова. Авт. текста К. Тороп]. – М.: Сов. Россия, 1974. – 143 с.: ил.

Кудряшов Е. Музей деревянного зодчества в Костроме. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1971. – 46с.: ил.

Тороп К., Кильдышев А. Церковь Воскресения на Дебре. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1971. – [8 с.]

Кострома: [Фотоальбом.] / Текст А. Мартыновой. – М.: Планета, 1970. – [79] с.: ил.

Масленицын С. Кострома: Книга-альбом. – Л.: Аврора, [1969]. – 140 с.: ил. Библиогр.: с. 139.

Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1968. – 104 с.: ил. Библиогр.: с. 104.

Костромской историко-архитектурный музей-заповедник «Ипатьевский монастырь»: Путеводитель /Сост. Н.П. Ерошин. – Кострома: Кн. изд-во, 1959. – 57 с.: ил.

Лукомский В.К., Лукомский Г.К. Кострома: Ист. очерк и описание памятников художественной старины – СПб: Изд. Общины Святой Евгении Красного Креста, 1913. –402 с.: ил.

Кострома в ее прошлом и настоящем по памятникам искусства:

Опыт архит.- стат. переписи. –М.: Археол. ин-т, 1913. – 60 с.: 23 л. табл.

Костромская выставка в память 300-летия Дома Романовых. – Б.м.: Б.и., б.г.– [40 н/н с. ил. без текста].

Троицкий собор Ипатьевского монастыря: Ремонт 1911-1913 гг. – Б.м.: Б.и., б.г.– 20 л. ил.

Голованов Н.В. Какой памятник и где его поставить. – Кострома: Б.и., 1911.- 14 с. О неосуществленном проекте памятника к 300-летию царствования Дома Романовых.

Покровский Н.В. Памятники церковной старины в Костроме. – СПб:Б.и., 1909. – 58 с: 32 табл. авто-типий.

Баженов И. Костромской Ипатьевский монастырь: Ист.-археол. очерк. – Кострома: Б.и., 1909. – 42 с.

Баженов И. В. Костромской кремль: Ист.-археол. очерк. – Кострома: Изд. КГУАК, 1905.– 27 с.

Сырцов И.Я. Усыпальницы бояр Годуновых в Костромском Ипатьевском монастыре. – М.: Б.и., 1902. – 10 с.

Баженов И. В. Воскресенская, что на Дебре, церковь в г. Костроме. – М.:Б.и.,1902. – 14 с.

Яцковская С. Костромской Ипатьевский монастырь, колыбель Дома Романовых. –М.:Б.и., 1896. – 51 с.: 1л.ил.

Самарянов В. А. Палаты бояр Романовых, или дворец царя Михаила Федоровича в Костромском кафедральном 1-го класса Ипатьевском монастыре: Ист. очерк по делам и документам Ипатьевского архива. – Рязань: Б.и., 1892. – IV; 88с.: 6 л. ил.; 3 л. планы.

Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, составленное на основании подлинных сведений, имеющихся по духовному ведомству, чл. Костром. губ. стат. комитета, кафедрального Успенского собора протоиереем Иоанном Беляевым. –СПб: Б.и. 1863. – 358; V с.

Диев М. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. – М.: Б.и., 1858.– 90 с.

Костромской Богоявленско-Анастасин женский монастырь: Ист. очерк И. Баженова. – М.:

Русское т-во печ. и изд. дела, б.г. – 40 с.: ил.

Костромские церковные древности /Фотоснимки А. Шмидта. – СПб: Б.и., б.г. – 15 с.: 20 л. ил.

Исторические известия о Костромском второклассном Богоявленском монастыре. С XV по XIX век. – СПб: Б. и., 1837. – 54 с.

Описание Костромского Успенского собора, составленное в конце 1819 года протоиереем Яковым Арсеньевым. – СПб, 1820. – 32 с.

Баженов И. В. Костромские городские церкви и монастыри //Костромские епархиальные ведомости. 1899–1900.

Библиография

Архитектура и градостроительство Костромской земли: Библиогр. указ /Деп. культуры, кино и ист. наследия адм. Костром. обл.; Костром. обл. универс. науч. б-ка им. Н.К. Крупской, отд. лит. по иск-ву; Деп. строит-ва, архит. и градостроит-ва. Вып. 1 – Кострома: Б.и., 2000. Вып. 1. (1820 – 1970 гг.). 2000. – 46 с.

Костромской край в художественной литературе: Рек. список / Костром. обл. б-ка им. Н.К. Крупской, справ.-библиогр. отд. Сост. Н.В. Игнатьева. – Кострома: Б.и., 1977. – 16 с.

Историческое прошлое г. Костромы: Библиогр. указ./ Костром. обл. б-ка им. Н.К. Крупской, справ.-библиогр. отд. Сост. Н. Басова. – Кострома: Б.и., 1976. – 23 с.

Смирнов В., Умнов Н. Материалы для библиографии Костромского края. Вып 1-2. – Кострома: Б.и., 1919; 1925. Вып. 1. Общие справочные издания. Естественно-исторические издания и статьи. 1919. 52 с. Вып. 2. Антропология. Этнография. 1925. 54 с.

Библиография к статье Г.К. Лукомского «Барокко и классицизм в архитектуре Костромы» //Старые годы. – 1913. – № 1. – С. 40 – 41.

Указатель книг, статей и мыслей о Костромском крае по концепции их содержания. – Кострома: Костром. губ. ученая архивная комиссия, 1907. – 34 с.

Подготовила Нина БАСОВА

Создатель отдела природы в музее-заповеднике В.А.Тяк
Он памятник себе воздвиг. Но рукотворный.

Старший научный сотрудник литературного музея П.Б.Корнилов.
Соединяет он музей с библиотекой.
Фого Юрия Чеботарева.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. А.С. ПУШКИНА - одна из старейших библиотек в городе. В 2000 г. ей исполнилось 85 лет.

Мысль о необходимости библиотеки в г. Костроме возникла в рядах местной интеллигенции в конце 1905 г., по ее инициативе было подано ходатайство в городскую Думу о предоставлении бесплатного помещения для библиотеки-читальни. Дума отклонила это предложение, и только в 1913 г. был окончательно решен вопрос о приобретении книг и аренде помещения. Городская Дума скупила частную библиотеку купца Н.А.Сунгурова и арендовала у него помещение сроком на 2 года. 24.09.1914 г. состоялось открытие только читального зала, так как из-за тесноты помещения и отсутствия лица, знакомого с библиотечным делом, открыть библиотеку не представлялось возможным.

Лишь 15 марта 1915 г. по ул. Русинной (ныне ул. Советской, 33) в доме Н.А.Сунгурова начала функционировать библиотека, и вначале она носила имя известного костромского предпринимателя, инженера и общественного деятеля Ф.В.Чижова. Библиотека занимала 3 комнаты. Книжный фонд в то время составлял 12165 экз. книг и журналов. Читателей было 1311 человек. Первым заведующим библиотекой был Б.В. Аристов, с ноября 1915 г. - А.П.Скалозубова. В феврале 1922 г. библиотека им. Ф.В.Чижова была переименована в библиотеку им. А.С. Пушкина. В здание, которое она сейчас занимает (ул. Советская, 8), библиотека переехала в 1936 г.

«Пушкинка» - так любовно называют ее читатели. А их у библиотеки, хороших и разных, более 9 тыс. человек. Около 70 % всей выдаваемой литературы приходится на учащихся школ, лицеев, колледжей, студентов техникумов и университетов.

В настоящее время библиотека стоит во главе централизованной библиотечной системы города, в которую входят 19 филиалов, и является методическим центром.

А.П.

«... И БУДУ ПЕЛТЬ ВСЮ НОЧЬ»

По концертным залам старой Костромы

Каждому из нас наверняка знакомо это чувство. Едешь в автобусе, и вдруг за окном мелькнет афиша, возвещающая о скором приезде в город знаменитого столичного артиста. Радостно забьется сердце; первая мысль – скорее пойти за билетами.

Подобное чувство охватывало людей и десять, и пятьдесят, и сто лет назад. И сегодня мне хочется рассказать о некоторых ярких моментах встреч костромичей с известными деятелями музыкальной культуры прошлого.

В первой половине девяностых годов XIX века в Костроме гастролировала выпускница Московской консерватории, начинающая певица Большого театра Евгения Ивановна Збруева, впоследствии ставшая крупной звездой Мариинского театра. В начале своей артистической карьеры скромно и часто была вынуждена отказываться от участия в концертах из-за отсутствия подходящего костюма. Об этом знали костромские поклонники ее искусства, и после концерта две женщины поднялись на сцену и преподнесли Евгении Ивановне букет цветов, перевязанный большим куском шелковой материи, которой с избытком хватило бы на целое платье! Вот такой сердечный прием встретила певица в нашем городе.

Костромичи умели от души приветствовать своих кумиров, но порой теряли при этом чувство меры. Так, в начале марта 1907 года на сцене Дворянского собрания выступал «первый в России баритон», как называла его костромская пресса, солист московского частного оперного театра С.И.Зимина Николай Артемьевич Шевелев. Он только что вернулся с гастролей из Милана, имея уже приглашение в Америку, а между этими двумя заграничными тур-

не предпринял поездку по городам России. Революционные события того времени отразились и на репертуаре Шевелева, в нем появились произведения свободолобивого характера: романс А.Т.Гречанинова «Узник» на стихи А.С.Пушкина, «Два гренадера» Р.Шумана с новым текстом и т.д. Вокальные данные Шевелева с особой силой проявились в ариях из опер русских композиторов. Публика встретила Шевелева с неистовым восторгом; после каждого номера его вызывали на «бис» по пять-шесть раз. Наконец, артист устал и после концерта не вышел на вызовы. Публика не желала расходиться и требовала на сцену Шевелева. Заиграл оркестр, чтобы зрители немного успокоились, но звуки музыки были заглушены свистом и новыми овациями. Певец все-таки проявил характер, к публике не вышел и покинул зал под охраной полиции, спасаясь от разбушевавшихся поклонников его таланта.

Спустя полтора месяца, 28 апреля, в том же концертном зале костромские любители искусства почти так же горячо приветствовали звезду русской эстрады, «певицу радости жизни», «несравненную» Анастасию Дмитриевну Вьяльцеву, приехавшую со своим бессменным аккомпаниатором – пианистом и компози-

Н.А.Шевелев

тором Алексеем Таскиным. Публика не хотела отпускать крупнейшую эстрадную примадонну со сцены и угомонилась лишь тогда, когда артистка, имевшая обыкновение безотказно исполнять все заявки зрителей, нередко по многу раз, уже заметно устала... Костромская общественность часто организовывала гастроли столичных знаменитостей в благотворительных целях, и сборы от концертов поступали в пользу гимназистов из малоимущих семей, детей-сирот, безработных выпускников училища слепых, общества «Помощь детям», народной читальни имени А.Н.Островского.

Концерты проходили то в Дворянском собрании, то в городском театре, то в Народном доме, то на подмостках кинематографов – Палетатра и Современного театра.

В 1910 году к нам в город приплыл по Волге симфонический оркестр Сергея Александровича Кусевицкого. Талантливый дирижер посвятил свою жизнь пропаганде так называемой «серьезной» музыки; он старался популяризировать творчество молодых российских композиторов: Игоря Стравинского, Сергея Рахманинова, Александра Скрябина. Кстати, Александр Николаевич Скрябин приехал в Кострому вместе с оркестром Кусевицкого и исполнил в Дворянском собрании одно из своих новых произведений. Однако сложная, новаторская музыка Скрябина не была понята костромичами, и Кусевицкий поспешил сгладить впечатление собственной виртуозной игрой на контрабасе. Видно, наша провинциальная публика не была подготовлена к восприятию той музыки, которая и сейчас, спустя целое столетие, все равно продолжает, к сожалению, оставаться музыкой «на любителя», несмотря на то, что за это время в нашей стране было сделано так много для музыкального просвещения народа...

В 1912 и 1914 годах оркестр Кусевицкого снова приплывал в Кострому, но уже без Скрябина.

Зато самой большой любимицей костромской публики была «королева цыганских романсов», «цари-

А.Д.Вяльцева

ца цыганского жанра» Мария Александровна Каринская. Три года подряд – в 1909, 1910 и 1911 годах – она приезжала в Кострому, и каждый раз ее выступления сопровождались шумным успехом. Восторженные отзывы в газете... Распродажа грампластинок накануне гастролей...

В начале 1912 года Общество вспомоществования учащимся Григоровской женской гимназии вновь пригласило Марию Александровну в Кострому. Почитатели Каринской очень обрадовались, хотя со времени последней встречи не прошло и двух месяцев. На сей раз певица обещала привезти с собой целый ансамбль гусяров для сопровождения народных былин. Концерт был назначен на 15 января. Но за день до концерта стало известно, что Каринская приедет без гусяров, однако стоимости билетов не снижает. Раздосадованная общественность тотчас отменила концерт, а губернская газета «Поволжский вестник», еще вчера превозносившая всеобщую любимицу до небес, теперь с обидой заявила, что Мария Александровна «уже до геркулесовых столбов алчности допелась»!

С началом первой мировой войны появились новые виды благотворительных концертов. Сборы

теперь перечислялись в Красный крест, в пользу беженцев из оккупированных германскими войсками районов, семей воинов...

9 января 1917 года в городском театре выступала известная исполнительница народных песен Мария Петровна Комарова. Между артисткой и зрительным залом протянулись какие-то незримые нити взаимной симпатии, установился теплый душевный контакт. Прямо на концерте был произведен сбор на сумму свыше ста рублей в благотворительный комитет великой княжны Ольги Николаевны.

В дни революции гастрольная жизнь Костромы порою была политизирована. Наглядным примером этого может послужить выступление в нашем городе артиста Мариинского театра Михаила Николаевича Каракаша. Советская власть была провозглашена в Костроме 29 октября, а 5 ноября намечался концерт Каракаша. По тогдашней традиции в концерте столичной знаменитости должны были участвовать местные художественные силы: певица Асса Корелли и артист Васильев. Накануне приезда Каракаша общественность узнала, что 25 процентов сборов от концерта пойдет в пользу Костромского городского Совета рабочих и солдатских депутатов. Не сочувствовавшие молодой Советской власти Корелли и Васильев отказались петь с Каракашем. Но артист не отменил гастролей и решил приехать попозже, 21 ноября, но не один, а со своей женой, тоже известной певицей Мариинского театра Елизаветой Ивановной Поповой. Кадеты, после февральской революции прибравшие к рукам «Поволжский вестник», развернули на его страницах настоящую кампанию травли Каракаша: они призывали интеллигенцию бойкотировать концерт, выражали надежду, что «чувство гражданской брезгливости» одержит верх над «жаждой художественных впечатлений»...

А теперь перенесемся более чем на три десятка лет вперед. В самом начале пятидесятых годов был построен клуб завода «Рабочий металлист», и в этом новеньком, «с иголочки», клубе перед костромскими экскаваторщиками выступал

популярный певец-тенор Георгий Павлович Виноградов.

В день приезда Виноградова в клубе, естественно, находился один из его завсегдатаев, заволжский паренек Коля Голубев. Он постоянно приходил туда играть в шахматы и давно стал своим человеком среди работников клуба. Едва прославленный Виноградов появился на пороге, Коля бросился к патефону и поставил пластинку с голосом певца: «Счастье мое», запись 1939 года. Костромич хотел сделать артисту приятное; реакция же Виноградова оказалась неожиданной. «Что это такое? Снимите немедленно!» – возмущенно сказал Георгий Павлович. Опешивший от такого поворота событий Николай ответил: «Георгий Павлович, мы Вас очень любим, мы часто слушаем Ваши пластинки». «Выключите сейчас же, – стоял на своем Виноградов. – Зачем пластинка, когда вот я сам живой, перед вами?». Наверное, этим певец хотел подчеркнуть, что еще рано судить о его искусстве только по старым пластинкам, что он действующий артист, находящийся в творческом поиске...

В конце июня 1951 года в драмтеатре имени А.Н.Островского состоялся концерт солистки Большого театра, заслуженной артистки РСФСР Марии Петровны Максакковой. В эти дни заканчивались выпускные экзамены у десятиклассников. В саду Дома искусств – так назывался сквер, примыкающий к театру, – был организован вечер выпускников средних школ Костромы. На открытой зеленой эстраде проходил концерт артистов нашего театра, но «гвоздем» программы было выступление Максаковой. Группа вчерашних старшеклассников обратилась к знаменитой певице с просьбой принять участие в их празднике. Мария Петровна любезно откликнулась на приглашение. Она пришла на зеленую эстраду, поздравила юношей и девушек с окончанием школы и спела для них несколько песен.

Внимательным отношением к юным зрителям отличился в нашем городе и любимый народом композитор, автор многих до сих пор не забытых песен из популярных кинофильмов еще довоенных лет Никита Владимирович Богословский

(кстати, здравствующий и ныне!). Находясь на гастролях в Костроме в январе 1952 года, он дал концерт также в детской музыкальной школе на улице Симановского. В концерте принимал участие лауреат международных конкурсов скрипач Михаил Эммануилович Гольдштейн. Прощаясь с юными любителями музыки, Богословский пообещал написать специально для них несколько новых скрипичных произведений. Свое обещание композитор выполнил. Через полгода он приехал вновь и привез в подарок музыкальной школе рукописи двенадцати новых пьес для скрипки. Здесь же они были исполнены. Партию скрипки вел снова приехавший М.Э.Гольдштейн, а Никита Владимирович аккомпанировал ему на фортепиано.

Вслед за Богословским в Кострому приехал другой не менее популярный композитор – Марк Григорьевич Фрадкин. В зеленом театре центрального парка культуры и отдыха имени В.И.Ленина композитор пел свои новые песни; он ознакомил костромичей со своими творческими планами.

Организация гастролей знаменитых мастеров искусств находилась тогда в ведении концертно-эстрадного бюро при отделе искусств облисполкома. Бюро старалось разнообразить формы встреч костромичей с известными деятелями музыкальной культуры. Зимой 1952-1953 гг. активно действовал литературно-музыкальный лекторий, занятия которого проходили в му-

зыкальной школе взрослых (ул. Ленина, 12). Там костромичи познакомились с молодым, а ныне весьма известным пианистом Анатолием Ведерниковым.

В первые годы после Великой Отечественной войны Кострому посетило немало любимых артистов кино: Марк Бернес, Владимир Володин, Марина Ладынина, Любовь Орлова. Она выступала перед костромичами в сентябре 1952 года.

Едва уехала Орлова, наш театр вновь наполнился восторженными поклонниками артиста, чья популярность была в те годы необычайно высока. 21 сентября там выступал солист Всесоюзного радиокомитета Владимир Александрович Нечаев.

Желающих увидеть любимого певца оказалось так много, что вместо одного концерта пришлось устроить два. Ведущим концерта был назначен актер драмтеатра Аркадий Михайлович Талисман. Он сильно волновался перед концертом прославленного певца, но Нечаев с присущей ему сердечностью подбодрил костромича: «Вы только не бойтесь; у Вас все получится! А как Ваша фамилия? Талисман?! Ну, тогда у Вас действительно все будет хорошо!»

Исполнив обязательную программу, певец во втором отделении вышел на авансцену и сказал: «А теперь, друзья мои, я буду петь для вас!» Записок с заявками от зрителей было такое великое множество, что певец пошутил: «Не уйду, пока все не спою, и буду петь всю ночь!» И долго в зрительном зале звучали новые песни советских композиторов, долго разливался чистый, звонкий, с какой-то задорной, фольклорной искрой, тенор Нечаева, как будто напоенный медвяным ароматом лугов его родины – певучей Орловщины... Той самой земли, откуда родом и Анастасия Вяльцева...

Полчаса выходил Владимир Александрович из-за кулис после концерта, кланяясь в ответ на благодарные овации. Костромичи и вправду были готовы держать его на сцене всю ночь, но артиста ждали новые поездки, новые встречи...

М.А.Каринская

Владимир ТУНГУСОВ

Однако Кострома не только принимала гастролеров, но и музицировала сама. В начале XX века здесь давали концерты ученические оркестры – из мужской гимназии и Чижовского училища. Сочинения русских композиторов и народные песни исполнял хор рабочих и служащих товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры (Кашинской фабрики). С концертами выступали церковные хоры, которых в Костроме был не один десяток. Оживляло музыкальную жизнь созданное в городе отделение Русского Императорского музыкального общества.

На рубеже XIX-XX веков в Костроме появились свои музыкальные учебные заведения. В 1890 году открылась частная музыкальная школа В.Сумароковой-Мориной, затем начинала работать музыкальная школа сестер Иорданских...

Весьма активно и плодотворно шла музыкальная жизнь в Костроме и в первые годы Советской власти. Были созданы симфонический оркестр под управлением А.Громова, хор рабочих под управлением М.Егорова и хор работников искусств под управлением А.Магдалинского. В 1919 году была открыта народная консерватория, преобразованная позже в музыкальный

техникум. В 20-е годы большим успехом у костромичей пользовалась оперная студия (дирижер Б.Федоров, балетмейстер М.Чумаков). В 20-30-е годы широкое распространение получили оркестры народных инструментов, особенно выделялся Показательный Велюкорусский оркестр под управлением И.Блинова...

В послевоенные годы в Костроме открывается музыкальное училище (1957 г.), первым директором которого был К.Герцензон. Затем создается музыкально-педагогический факультет в Костромском пединституте им. Н.А.Некрасова. В 1961 году открывается филармония (первый директор – Т.Иванова).

Музыкальные традиции прошлых лет продолжают. Хорошо известны в городе и за его пределами муниципальная хоровая капелла (руководитель Е.Сафронова), муниципальный симфонический оркестр (руководитель П.Герштейн), оркестр народных инструментов (руководитель В.Сорожкин), оперно-вокальная студия (руководитель В.Лапин)... Одним из лучших музыкальных коллективов страны в области духовной музыки является архиерейский хор Богоявленско-Анастасиина кафедрального собора под управлением Олега Овчинникова.

В 1999 году образовано Костромское отделение Союза композиторов России, членами его стали музыковед Н.Смирнова и композиторы И.Баранов, А.Документов, В.Перфильев, Е.Лебедева. Все они, кстати, пишут песни на стихи поэта-костромича А.Скулякова.

Алексей СКУЛЯКОВ

«КОСТРОМСКОЕ ТАНГО» - ЭТО НЕ «РЫБА»

- Алексей Михайлович, песня «Костромское танго», написанная вами в содружестве с Владимиром Перфильевым, стала своеобразным музыкальным символом города. Расскажите, как она создавалась.

- Я пишу стихи на конкретные темы, о том, что видел и что знаю. Одно время я занимался международным туризмом, и мне действительно встретила девушка, которая жила и в Москве, и в Париже. Она привозила в Кострому интуристов. А потом у себя на даче я сочинил стихи – как бы разговор с этой девушкой. В поэтическом отношении вещь получилась не очень сильная, но я писал специально для

песни, а песенный текст должен быть простым, ясным, доступным. Но, с другой стороны, он выше по уровню тех шлягеров, которые пишут во множестве некоторые авторы. Когда эти стихи прочитал Владимир Перфильев, он написал к ним музыку и предложил мне послушать. Впервые эта песня прозвучала в исполнении учащихся музыкального училища. Потом Перфильев предложил исполнить ее Костромскому духовому оркестру, уже в филармонии. Певец Александр Высоцкий исполнял «Костромское танго» на областном радио и на «Радио-71». А потом я познакомился с певцом Владимиром Емцевым, который при-

ехал в Кострому из Казахстана. С ним мы сделали клип, помогли нам в этом деле руководитель танцевального ансамбля «Кострома» Юрий Царенко, саксофонист Михаил Жураков, аранжировку сделал Константин Солнцев. И после этого песня зазвучала широко. Сейчас «Костромское танго» есть и на компакт-диске.

- Кроме Владимира Перфильева музыку на эти стихи, кажется, писали и другие композиторы?

- Да, писатель и композитор Владимир Смирнов-Старателев. А еще мне прислал письмо из Москвы секретарь Союза композиторов Ивар Арсеев, он тоже написал музыку к моим стихам. При этом все

три варианта песни называются по-разному: «Костромское танго», «Песня о Костроме» и «Кострома моя родная».

- *Говорят, что «Костромским танго» заинтересовался сам руководитель Союза композиторов России Владислав Казенин*

- Когда Казенин приезжал в Кострому, я подарил ему сборник своих стихов. Неожиданно для меня он ими заинтересовался и написал 14 романсов, два цикла. Их исполняет известный московский певец Валерий Алиев. К «Костромскому танго» Казенин музыку не писал, сказал, что и так достаточно.

- *Это тот казенинский цикл, что исполнялся в прошлом году на творческом вечере в Костроме?*

- Да, на концерте в филармонии в прошлом году. У меня каждый год что-то новое выходит: сначала запись на радио, потом – видеоклип, далее – авторский концерт. В этом году создаю свой ансамбль, сейчас с руководством «Кострома-концерта» обговариваю вопрос о концерте к 850-летию Костромы. Недавно я встретился с певицей «Москонцерта» Ольгой Каргопольцевой. Прекрасный голос, поет русские народные песни и романсы. Она попросила, чтобы я отдал ей все свои стихи. У нее есть возможность записать песни на мои «костромские» стихи на аудиокассету и дать концерт в Костро-

А.М.Скуляков - натура широкая.
2001 г.

ме. А еще я познакомился с Вилом Бурцевым, он тоже с консерваторским образованием, заслуженный артист России, поет романсы. Так что исполнители есть.

- *С исполнителями понятно. А кто же авторы музыки к 40 текстам, кроме уже названных?*

- Первую песню на мои стихи написал Владимир Перфильев, вернее, я написал стихи на его уже готовую музыку, то есть он мне предложил так называемую «рыбу». Стихи на «рыбу» сочинять тяжело, «Костромское танго» так бы не получилось. А потом Владимир Смирнов-Старателев написал три песни, которые сам представил на радио. Елена Лебедева написала две песни «Дождик» и «Падают листья», они прозвучали в филармонии и записаны на диск. Потом снова Перфильев разразился целым циклом. У Анатолия Документова есть 7-8 песен на мои стихи. Игорь Баранов пока напи-

сал одну – «Пароходик», но интересуется стихами военно-патриотической тематики. Хочу предложить ему несколько стихотворений к 9 мая. Известный композитор Людмила Лядова заинтересовалась моим творчеством, взяла стихи, Владимир Пороцкий из Москвы сделал то же самое. В общем, пишут многие, но сейчас проблема в том, чтобы эти песни озвучить, так как запись и аранжировка по нынешним временам дело достаточно дорогое.

- *Что еще есть в творческих планах на ближайшее время?*

- О концерте к 850-летию Костромы я уже говорил. Есть планы выпустить сборник стихов с нотами. Хотелось бы собрать все песни на одном компакт-диске. Но это скорее организационные дела. Что касается творчества, то сейчас я работаю над небольшой поэмой в шуточном стиле, есть договоренность с Казениным, что он переложит ее на музыку.

- *Содержание поэмы тоже связано с Костромой?*

- Конечно, я везде костромич, даже если на Черном море загораю.

- *В общем, как у Сергея Маркова:*

*Всю жизнь я верен звуку «о» –
На то и костромич!*

- Именно так.

Беседовал Николай МУРЕНИН

КОСТРОМСКОЕ ТАНГО

Слова Алексея Скулякова
Музыка Владимира Перфильева

*Неподвластна ты ни грусти,
ни тоске.
Проживаешь то в Париже,
то в Москве.
И лишь редко, к сожаленью
моему,
Навещаешь ненадолго
Кострому.
И всегда, когда бываешь
в Костроме,*

*Говоришь мне, что в своем
ли я уме,
Оттого что Кострому, где я
живу,
Не меняю на Париж и на Москву.*

*Понимаю я, ты правду говоришь:
Кострома моя родная не Париж,
Кострома моя родная
не Москва...
Ты права, я понимаю, ты права.
Только древний и любимый город
свой
Не сравню я ни с Парижем, ни с
Москвой.*

*Здесь родился я и много лет
тружусь,
И, конечно, еще очень
пригожусь!*

ДЕТСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА № 1 ИМ. ИППОЛИТОВА-ИВАНОВА

Одна из старейших ДМШ в России. Была открыта в Костроме в 1890 г. частная музыкальная школа Варвары Сумароковой-Мориной. В 1910 г. была реорганизована в музыкальные курсы Русского музыкального общества. 2.05.1919 г. частная школа превращается в государственную народную консерваторию. Преподавание велось по фортепиано, скрипке, сольному и оперному пению, камерному и симфоническому ансамблю, истории музыки и музыкальной форме. Консерватория насчитывала 180 учащихся. Были приглашены профессора и преподаватели из Ленинграда (Штейн, Сакетти и др.). Консерваторией осуществлен только 1 выпуск. Среди выпускников известный дирижер Илья Мусин; музыковед, профессор, доктор искусствоведения Е.М.Орлова... В 1922 г. консерватория была преобразована в музыкальный техникум с детской музыкальной школой, входящей в его состав. В ДМШ в 1930 г. был

В.С.Сумарокова-Морина.

только класс фортепиано, но с 34 г. появляются классы скрипки, гитары, баяна, духовых и русских инструментов. Во время войны здание школы было отдано под военные нужды. Преподавателем З.В.Ждановой были приглашены находящиеся во время войны в Костроме Е.М.Орлова и Б.Д.Гипис, что позволило поддержать обучение на должном уровне. В 1957 г. на базе ДМШ было организовано Костромское музыкальное училище.

А.К.

В департамент общих дел Министерства внутренних дел.

Вследствие отношения от 22 марта за № 4174, возвращая прошение дворянки Варвары Сумароковой с двумя приложениями об открытии музыкальной школы в г. Костроме, имею честь уведомить департамент общих дел, что обстоятельных сведений о г-же Сумароковой по причине постоянного проживания ее в г. С.-Петербурге у своего брата я собрать не мог, но при этом не имею в виду обстоятельств, в которых я усматривал бы препятствия к открытию ею в г. Костроме музыкальной школы.

Губернатор Шидловский.
Апрель 1892 г.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 14 расп. Д.
2419. Л. 203. Отпуск.

Мгновения

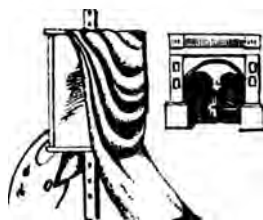

Музыкант М.Г.Жураков.

Музыковед А.В.Москвина.

Кто-то играет, а кто-то напишет.

«ПРЕДУГАДЫВАЕТ В НЕМ ТАЛАНТЛИВОГО ЖИВОПИСЦА»

Кострома в жизни и творчестве некоторых художников

КУПРЕЯНОВ ПАВЕЛ ЯКОВЛЕВИЧ (1789-1874)

Графический пейзаж, изображающий дорогу среди холмов, исполненный тушью на бумаге и принадлежащий художественному музею, привлекает зрителя не столько самим сюжетом, сколько трогательной надписью внизу под работой.

«Рисовал любезнейший и бесценный друг и брат Павел Яковлевич в 1803-м году вскоре по прибытии своем из деревни, когда я еще жил в гавани у П.Л.Хомотьянова, а он еще не был записан в корпус. Подписал же я сие на конец 1809-го года 8-го ноября в день моего выезда из Петербурга. Александр Купрянов».

Оба брата Купряновых являлись представителями древнего костромского дворянского рода.

Автор рисунка Павел Купрянов родился 4 августа 1789 года в с. Патино Солигаличского уезда Костромской губернии. В 1806 году окончил курс во 2-м кадетском корпусе, откуда был выпущен в лейб-гвардии финляндский полк. Он принимал участие в Отечественной войне 1812 года, получив золотую шпагу «За храбрость», и в русско-турецкой войне 1828-29 годов. В 1836 г. он уже генерал-лейтенант. В 1848 г. участвует в венгерской кампании, в которой теряет ногу, но получает орден св. Леопольда I степени. Естественно, следует отставка (1849). Он был женат на Марии Петровне Малышиной и имел единственную дочь Варвару. Семья проживала в сельце Лобаново Бронницкого уезда Московской губернии, принадлежавшем жене отставного генерала. Там он и скончался 23 марта 1874 года.

Рисунок из Костромского художественного музея был сделан Павлом Купряновым в 14-летнем возрасте до поступления в корпус, а потому обязан навыками в искусстве не учебному заведению, а прекрасному домашнему образованию, полученному в стенах родовой усадьбы Патино, хозяином ко-

торой был его отец Яков Дмитриевич Купрянов, отставной поручик, и его жена Клеопатра Александровна, урожденная Юрьева. В семье было шестеро детей: 3 сына и 3 дочери. Двое сыновей – Павел и Александр Яковлевичи – имели отношение к упомянутому рисунку. Александр, сделавший пространный комментарий, был старше брата на 3 года. Он стал морским офицером и вышел в отставку капитаном 2 ранга. Поселившись в Патино, Александр Яковлевич в 1822 году женился на Елизавете Николаевне Окуловой, и у них родились 13 детей, в том числе дочь Клеопатра Александровна, родившаяся в 1825 году. Она, как и ее дядя Павел Яковлевич, увлекалась изобразительным искусством, и ее рисунок «Мадонна с младенцем» (1840. Бумага, графитный карандаш) исполнен, когда автору было 15 лет.

Каким же образом графические работы Купряновых попали в Костромской художественный музей? Ответ, видимо, заключен в отчете члена Костромского научного общества Рязановского, посетившего усадьбу в 1919 году. Вот фрагмент отчета: «...В соседней комнате валялись портреты-олеографии Николая I и митрополита Филарета, икона с каким-то святым во весь рост... в гостиной по сторонам висят

картины и рисунки... Купреяновых ... и портретная галерея Купреяновых – старцев и грудных младенцев, мужчин и женщин...».

Рязановский привез в Кострому большое количество художественных произведений из Патино, передал их в КНО, откуда они позднее поступили в Костромской краеведческий музей. Как знать, не входили ли в их число и рисунки подростков Купреяновых?

Литература: Русский биографический словарь. СПб. 1903. Купреянов Павел Яковлевич.

ГАКО. Ф. Р-838. Оп.1. Д. 17 (отчет Рязановского).

ЗАЙЦЕВ ИВАН КОНДРАТЬЕВИЧ (1805-1890)

Этому художнику, имеющему непосредственное отношение к Костромскому краю, не повезло. Из многочисленных произведений, созданных здесь, ни одно не дошло до нас: они или погибли, или, скорее всего, утратили имя автора и хранятся среди других безымянных произведений в фондах костромских музеев. Однако биография художника известна нам по его мемуарам.

Иван Зайцев – сын крепостного художника помещика Александра Ивановича Ранцева, родился в селе Архангельском Керенского уезда Пензенской губернии, принадлежавшем его барину. Отец художника Кондратий Зайцев был выучен живописцем в Арзамасской школе живописи А.В.Ступина и

писал для Ранцева картины с изображением вакханок и силенов. Сыну его была уготована та же участь.

После смерти матери помещика и раздела его с братьями Ранцеву досталось имение Высоково Кинешемского уезда Костромской губернии и 700 крепостных. Вместе с хозяином туда переехал и 13-летний Ваня Зайцев с родителями и пятью сестрами и братьями. После 5-летнего пребывания в Высокове молодого человека, уже постигшего азы грамоты, в 1824 году отдали в Арзамасскую школу живописи к академику Ступину на обучение. Ученики рисовали со статуй, с натурщиков, копировали эстампы. Ступин брал заказы на иконостасы, и дело двигалось отлично. Лучшие работы посылались на академические выставки. Через три года, которые не прошли, а пролетели, Иван Зайцев вернулся в Кострому, а затем в Высоково. Дома он рисовал портреты, которые ему заказывали соседние помещики, расписывая церкви и интерьеры домов.

В 1829 году Ранцев продал имение с крестьянами петербургскому барину Греку. Ивана Зайцева вызвали в Петербург, где в доме на Гороховой он познакомился с новым хозяином Петром Осиповичем, его супругой Марьей Осиповной и детьми Сашей и Женей Греками.

Дочь хозяина Женю Зайцев вскорее весьма удачно нарисовал, и хозяин определил его «посторонним» учеником в Академию Художеств. Художник делал успехи, создавая ряд отличных работ: портрет писателя И.И.Лажечникова, своей жены Г.И. Зайцевой, статского советника М.М.Попова. Позднее художник работал в городах Орле и Полтаве. С 1848 по 1885 год преподавал в Полтавском кадетском корпусе, где в числе его учеников был известный впоследствии художник Н.А.Ярошенко, написавший портрет своего учителя.

Умер художник в Полтаве в 1890 году.

Его работы представлены в крупнейших музеях страны – Третьяковской галерее, Русском музее и других.

Почетная обязанность костромских музейных работников и искусствоведов – выявить работы Ивана Кондратьевича Зайцева среди неатрибутированных произведений своих фондов.

Литература: Воспоминания старого учителя И.К.Зайцева (1805-1887) // Русская старина. 1887. Том 54. С. 663-691. Корнилов П. Арзамасская школа живописи 1-й пол. XIX в. Л-М. 1947.

Библиографический словарь. Художники народов СССР. М. 1980. Том IV. С. 1917.

СОРОКИН ЕВГРАФ СЕМЕНОВИЧ (1821-1892)

Имея в виду настенную роспись церкви Пресвятой Богородицы, автор «Описания Больших Солей» Е.Лаговской в 1860 году писал: «Нельзя смотреть без наслажденья на произведение двух художников, Евграфа Сорокина и Иосифа Швырева, убравших живописью храм».

Евграф Семенович Сорокин, как и его брат Павел Семенович, уроженцы Больших Солей Костромской губернии, учились искусству живописи у ярославского иконописца и подрядчика Ф.И.Телегина. 19-летний Евграф расписывал в составе артели церковь Вознесения в Ярославле, а в свободное время работал над жанровыми картинами.

Посетив в 1841 году Ярославль, император Николай Павлович заметил картину Е.Сорокина «Петр Великий за обедней в соборе рисующего с него портрет А.Матвеева и предугадывает в нем талантливо живописца».

Следуя примеру достославного предка, император вызывает Евграфа Сорокина в столицу для обучения в Академии художеств и назначает его пансионером кабинета Его Императорского Величества. Художник не посрамил высокого покровителя. Он успешно учился у профессора А.Т.Маркова с 1841 по 1849 год, регулярно получая академические награды: в 1843 – 2-ю серебряную медаль, в 1844 – 2-ю серебряную, в 1845 – 2-ю и 1-ю серебряные медали, в 1847 – 2-ю золотую за программу «Даниил во рву львином», в 1849 – 1-ю золотую за программу «Ян Усмович удерживает быка». Эскиз к последней картине хранится в Костромском художественном музее.

Работы художника регулярно появлялись на академических выставках 1842, 1846, 1849 гг. На каникулы художник уезжал в Большие Соли, где в 1846 году расписал купол Спасского храма.

Блестяще окончив Академию Художеств, Евграф Сорокин был командирован для усовершенствования пансионером в Германию, Францию и Италию (1850-1859 гг.).

И в чужих землях остались следы его художественной деятельности: он осуществил росписи стен и икон в русских церквях Парижа и Цюриха. В 1861 году художник получает звание академика, а спустя семь лет, звание профессора живописи исторической за росписи Московского храма Христа Спасителя, причем после заграничной поездки, т.е. с 1859 г., преподает в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Однако возраст дает себя знать. И когда в 1879 году в Больших Солях возникает ремесленная школа с классом рисования, то Евграф Семенович, по настоятельному приглашению, возвращается на родину и становится ее преподавателем. Художник умер в 1892 году.

В Кострому попало несколько десятков графических подписанных работ художника через ярославца И.А.Тихомирова в 1908 году, среди которых «Плач ангелов над Христом, снятым с крес-

та», «Гостосмысл», набросок автопортрета. Творчество Сорокина любопытно как одна из страниц истории русского искусства, хотя современники порой называли его ложным классиком, закрывающим глаза на действительность.

Литература: Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. М.-Л. 1959. С. 220, 315, 2, 341.

Демидов. Очерк по истории, архитектуре и резьбе в посаде Большие Соли.

ГАКО. Ф. 838. Оп. 1. Д. 58.

АНТИПОВА ПРАСКОВЬЯ ДМИТРИЕВНА (1848 – ПОСЛЕ 1917)

Художница – акварелистка, обучалась в Петербургской школе Общества поощрения художников. Выставляла работы на XVIII выставке «Общества русских акварелистов», в частности «Улица в с. Маргарите» и «Уголок старого Крейцнаха».

В Костромском художественном музее, в реконструированной галерее дворянского собрания, представлен большеформатный масляный портрет С.Ф.Купреянова кисти П.Д.Антиповой.

Сергей Федорович Купреянов, многолетний костромской губернский предводитель дворянства (в 1815-1818 и 1830-1845 гг.), приходился родным дедом Прасковье Дмитриевне, урожденной Купреяновой, появившейся на свет в ро-

довой усадьбе Григорьевцево Солигаличского уезда, принадлежавшей ее отцу штабротмистру Дмитрию Сергеевичу Купреянову.

Фамилню Антипова она получила от мужа – выдающегося ученого-геолога и высокопоставленного чиновника Горного департамента Алексея Ивановича Антипова, приходившегося по матери двоюродным братом Петру Ильичу Чайковскому. В 1884 году его портрет написал И.Е.Репин, а его супругу в 1890 году изобразил В.А.Серов. Бездетная чета проживала в Петербурге с удочеренными племянницами-сиротами, но в 1888 году по отставке от службы А.И.Антипова все вместе переехали на родину Прасковьи Дмитриевны, взяв с собою для компании художницу Е.Д.Поленову. Они жили в Костроме в новокупленном доме на пересечении Никольской и Покровской улиц, а лето проводили на даче в с. Вожеговке, Нельжевке тож (ныне Межевской район). Художницы много работали.

Из этюдов Антиповой почти ничего не сохранилось. Возможно, они находятся в костромских музеях в числе неатрибутированных.

В 1905 году Антиповы переехали в Ярославль. Там в 1913 году умирает Алексей Иванович, а вскоре после революции и Прасковья Дмитриевна. Ее коллекция художественных произведений поступила в Ярославский художественный музей.

Литература: Собко Н.П. Словарь русских художников (XI-XIX вв.). Том 1. СПб. 1893. С. 350.

НОВОСЕЛЬСКИЙ ГРИГОРИЙ НАУМОВИЧ (1814-1879)

Его кисти принадлежат два портрета из собрания Костромского художественного музея, изображающие Дмитрия Николаевича Кожина (1853) и Александра Александровича Вяземского (1840).

Если сбор сведений о моделях, хотя и с трудом, и в небольшом объеме, все же осуществился, то о художнике долгое время все сводилось лишь к имени.

Изображенный на одном из холстов в 1853 году Дмитрий Николаевич Кожин оказался костромским дворянином, ротмистром кавалергардского полка, а с 1829 года отставным полковником. Его родная сестра – Варвара Николаевна Кожина – была женой художника. Следовательно, Новосельский писал портрет своего шурина Дмитрия Николаевича Кожина.

Вторая модель художника – А.А.Вяземский, военный офицер в чине поручика – также был костромичом. На ул. Русиной (Советской) до сих пор стоит его дом, где А.А.Вяземский проживал со своей семьей: женой Варварой Ивановой и детьми Александрой, Леонидом и Владимиром.

Однако Г.Н.Новосельский увековечил свою модель не в Костроме, о чем свидетельствует надпись на обороте полотна: «Писан в 1840-м году 6 октября в Москве».

Если бы не высокое качество живописи, то выбор Новосельским моделей из родственно-дружеского окружения навел бы на мысль о не профессиональном, а скорее, любительском статусе художника. Кем же все-таки был Г.Н.Новосельский?

Исчерпывающий ответ на вопрос дал редкий печатный источник – журнал «Театральная библиотека» за 1879 год, и эти сведения подтвердили нашу догадку.

Оказывается, Григорий Наумович Новосельский по профессии был врачом, он окончил Московское отделение Медико-хирургической академии, но, кроме этого, проявил себя как драматург и композитор. Он, между прочим, написал оперу «Женитьба поневоле» (ему принадлежат и музыка, и либретто). Она с успехом шла на сцене народного театра в Москве в 1875 году. Его перу также принадлежат драматические произведения «Две матери», «Сколько веревку не вить, а концу быть», «Одип в Коломне» и другие.

В некрологе говорилось: «Живя в деревне по летам, он не переставал изучать искусства, в особенности живопись, в которой в короткое время сделал такие успехи, что мог состязаться даже с хорошими художника-

ми, а портреты его работы решительно поражали всех сходством и жизненностью». Можно добавить, что в этом процессе художнику помогали его костромские друзья и родственники.

Григорий Наумович умер 27 марта 1879 года и был похоронен в Новодевичьем монастыре. Его супруга Варвара Николаевна, урожденная Кожина, пережила мужа. Она скончалась 1 марта 1903 года и погребена рядом с художником.

Литература: Журнал «Театральная библиотека» № 1. 1879. Московский некрополь. Том II. СПб. 1908.

ПОЛЕНОВА ЕЛЕНА ДМИТРИЕВНА (1850- 1898)

Живописец, жанрист и иллюстратор русских сказок, родная сестра художника Василия Дмитриевича Поленова – автора полотна «Московский дворик». Окончила школу Общества поощрения художников, где познакомилась и подружилась с Прасковьей Дмитриевной Антиповой.

Елена Дмитриевна сопровождала супругов Антиповых при их переезде из Петербурга в Кострому

по отставке Алексея Ивановича и гостила у них осенью 1888 года. Домой она привезла множество этюдов, один из которых «Улица в Костроме» был написан из окна антиповского дома (Свердлова, 58, ныне снесен). Работа находится в собрании дома-музея В.Д.Поленова.

В мае 1889 г. художница, по приглашению подруги, вновь приезжает в Кострому. Они планируют поездку в имение Антиповых Вожеговку (Нельшевку тож) Костромского уезда (ныне Межевского Костромской губернии) для сбора предметов прикладного искусства, фольклора и для занятий живописью на пленере. И действительно, Поленова много работает в деревне. Ею там написана картина «За чтение», изображающая семейство Антиповых на даче в один из летних вечеров. За круглым столом при уютном свете настольной лампы обитатели Нельшевки расположились в следующем порядке: справа, за рукоделием, Прасковья Дмитриевна, напротив ее – читающая Ольга Юрьевна Каменская, родственница и домашний врач Антиповых, рядом с ними две племянницы – Наталья и Александра, и, наконец, в глубине комнаты, спиной к зрителю, за отдельным столом, занятый своими «поделками» Алексей Иванович Антипов. Незримо чувствуется присутствие еще одного персонажа этой семейной идиллии – самой художницы, стоящей невдалеке от стола, за высоким мольбертом. (Это полотно экспонируется в Ярославском художественном музее).

В Вожеговке Поленова сделала ряд этюдов, которые, впоследствии использовала для иллюстраций к сказкам «Война грибов» и «Сынко Филиппо».

Собрав богатый материал, художница покидает Кострому.

Через девять лет Антиповы узнают о ее преждевременной кончине: она умирает от травмы, полученной в дорожной аварии.

Костромской художественный музей располагает тремя этюдами Поленовой: «Зимний день», «Опушка леса», «Пейзаж с фигурой крестьянского мальчика». Последний написан во время ее пребывания на костромской земле.

Литература: Г.Панина. Этюды Е.Д. Поленовой // Северная правда. 25 июля 1984.

В.Бочков. Старая Кострома. Кострома. 1997. С. 201.

В.Бочков, Е.Сапрыгина. Антиповская коллекция. Костромская старина № 3, 1992.

КОЛЕСОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ (1869-1928)

Реконструированная портретная галерея Костромского дворянского собрания, экспонируемая в од-

ном из зданий художественного музея, имеет в своем составе портрет предпринимателя и мецената Ф.В.Чижова кисти художника В.А.Колесова. Им же написаны несохранившиеся или невыявленные портреты Г.Н.Макарова и А.А.Лопухина из той же галереи.

Художник приехал в Кострому в начале 1890-х годов вместе с молодой женой Еленой Николаевной Колесовой. Он происходил из московской семьи профессионального художника Алексея Михайловича Колесова, работы которого представлены в престижном собрании Третьяковской галереи. Сам Владимир Алексеевич в 1890 году окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества и по приезде в Кострому преподавал рисование и черчение в местных училищах – Чижовском (с 1903 по 1907) и Епархиальном (с 1907 по 1916), недолгое время после революции преподавал черчение в школе печатников.

В конце 1903 года он открыл в Костроме частную художественную школу (в доме Репковой, на-

против губернской больницы), которая просуществовала до 1915 года.

После смерти жены (она умерла в 1910 году) Владимир Алексеевич женился вторично. У него было трое детей – сын и две дочери. И жен, и детей он увековечил в портретах.

Один детский портрет – «Девочка в голубом платье» – имеется в собрании Костромского художественного музея.

В.А.Колесов как художник-станковист участвовал в выставке КОАХРа в 1922 году. Но он был художником широкого профиля. Вместе с другом Борисом Царнаком Колесов расписывал кинотеатр «Пале», оформлял социалистический рабочий клуб, писал декорации к спектаклям.

Умер он в Костроме осенью 1928 года.

Литература: Колесов Владимир Алексеевич. Каталог выставки. Кострома. 1991.

*Подготовила Елена
САПРЫГИНА*

АРХИВАРИУС

Конечно, Кострома нашла свое отображение и в творчестве других, более известных художников, о которых в «Губернском доме» уже писалось. Это Б.М.Кустодиев, А.Н.Бенуа, братья Никонор и Григорий Чернецовы... А так гравюры и акварели с видами Костромы стали появляться еще в начале XIX века. Среди графических работ особое место занимает «Панорама Костромы» Таратоева, которая дает представление о церквах и памятниках города. Заметны рисунки П.П.Свиньина и Е.М.Коренева. В середине XIX века памятным местам Костромы посвятил серию акварелей и рисунков А.П.Боголюбов. В конце века виды Костромы, особенно ее фабричного района, создает Н.Н.Гриценко. В начале XX века городские сюжеты находят место в картинах Р.Р.Фалька и П.И.Петровичева. Первый пишет базары, пристани, лавки, второй – Сусанинскую площадь и ярмарку. В 20-30-е годы кост-

Г.Г.Шмидт. Успенский собор в Костроме. 1900 г.

ромские художники Н.П.Шленн, Б.Н.Царнах, А.А.Шепелев, Н.А.-Соболев, А.А.Лихачев запечатлели на своих полотнах облик старой Костромы – тихие улочки и дворники, Ипатьевский монастырь, торговые ряды. Эту же тему продолжают и развивают в своем творчестве современные костромские художники М.С.Колесов, С.С.Румян-

цев, В.И.Рассыпнов, А.П.Мухин и многие другие. К знакомым сюжетам прибавляются новые, из исторического прошлого Костромы в работах А.П.Белыха, В.П.Карпова, В.А.Кутилина, М.Л.Сергеева, М.А.Салмова... Замечательны гобелены с видами Костромы – авторы Е.В.Радченко и Е.В.Семенова, офорты А.А.Маријева.

Живописные произведения, запечатлевшие облик древнего волжского города, хранятся в музеях разных городов и стран. В том числе в Государственном русском и Государственном историческом, Государственной Третьяковской галерее. Небольшая часть из них находится в фондах Костромского художественного музея, который с 60-х годов прошлого века был центром художественно-выставочной жизни города. Шесть лет тому назад в Костроме открылась муниципальная художественная галерея.

О РАСШИРЕНИИ ПРОСТРАНСТВА

Муниципальная художественная галерея недавно отметила свое круглое пятилетие плюс некруглый год. Юбилей, конечно, скромный по сравнению с древним городом, который она представляет. Однако для города, как и человека, уставшего от серости и монотонности, появление любого нового культурного пространства – событие и даже праздник.

Когда-то в начале 20-х годов, в годы НЭПа, колбасники тоже жили лучше, чем художники, но, надо сказать, не гнушались тогда прекрасным. Побольше было и меценатов из среды деловых людей. Увы, сегодня в нашем искривленном пространстве вынуждены мы все время поправляться: «так называемые деловые люди», «так называемые новые русские»... Кто знает, когда народятся в России новые Третьяковы, Мамонтовы, Чижовы... Но ждать их нужно, иначе они не придут никогда.

Что думают об этом сами участники «процесса», популяризаторы искусства, хранители и собиратели живописи? Наш разговор с директором муниципальной галереи Верой Павловной Прямиковой о той роли, которую могло бы сыграть это учреждение в культурной жизни города.

– Когда-то в 20-х годах у нас в Костроме был музей живописной культуры – явление уникальное не только для нашей Костромы, но вообще для России. Музей нового типа, который собирал произведения совершенно по другому принципу: не по хронологическому, а по интересу к новому материалу, новым идеям, новым концепциям искусства. Это была идея Кандинского. И вскоре она нашла развитие в сети небольших

музеев в провинции. В частности в Костроме это дело возглавил Николай Николаевич Куприянов. Так в Костроме появилось около 40 превосходных работ русского авангарда. Занимаясь творчеством Куприянова, работая в архивах, изучая документы, я почему-то увидела тесную связь с этой идеей развития живописной культуры, с тем, какое место в городе может занять галерея современного искусства, которая впоследствии может перерасти в музей современного искусства.

Наша галерея оказывает предпочтение работе с художниками-новаторами, с художниками, которые предлагают новые идеи в искусстве, культуре, хотя мы отдаем дань и художникам-традиционалистам.

К сожалению, дефицит материальных средств, а значит, и возможностей, затрудняет осуществление больших и сложных

проектов. А сейчас очень интересно соединять художественные явления, которые происходят в целом ряде районов, областей нашей страны, не замыкаясь в узких рамках одного города, смотреть, как эти художественные явления развиваются... Нужны поездки, изучение художественного процесса, возможность привезти выставки, хороший экспозиционный инвентарь, чтобы показать действительно оригинальные вещи интересно и нетрадиционно.

Что касается общей идеи организации музея современного искусства, то главное здесь – собирание оригинальной коллекции работ художников, и не только костромичей, но всех, кто интересно, ярко мыслит в искусстве, чтобы создать коллекцию, которая будет интересна для многих по своему содержанию, эстетическим принципам, чтобы иметь возможность

Немецкий фотохудожник Грегор Шмит и В.П.Прямикова на открытии выставки в галерее. Фото 2002 г.

не только показывать зрителю, что происходит в современном искусстве, но и вовлекать его в сферу культурной коммуникации.

Время, которое мы отобрали, – это последняя треть XX века с устремленностью в XXI век. Так уж сложилось, что первые вещи в коллекции относятся к этому периоду.

Второе направление, без которого трудно представить себе галерею, – это издательская деятельность. Она дает возможность снабжать выставки буклетами, авторскими текстами и имеет цель знакомить наших читателей с тем, что происходит в культуре и искусстве. Не случайно появилась газета «Галерея», истоки ее тоже можно увидеть в истории – в тех же 20-х годах выходили в Костроме интересные альманахи: «Искусство в провинции», «Искусство в Костроме», которые даже в то очень сложное и жесткое время говорили о проблемах искусства и культуры. И как мне представляется, такое издание в городе крайне необходимо. Главное, здесь можно говорить на профессиональном языке искусства и обсуждать довольно сложные проблемы.

- Скажите, у галереи сложился свой круг друзей?

- Из Ярославского центра современного искусства АРС-Форум есть отклики, и надеемся, это будет интересно тем, кто занимается в городе культурой. Конечно, в планы входят связи с центрами современного искусства, которые существуют и в Москве, и в Калининграде, с другими новыми музеями и галереями, которые занимают сходными проблемами, – все любопытны процессы, происходящие сегодня в искусстве. Речь идет об обменных выставках, о других совместных проектах. Кроме того, очень хотелось бы познакомиться костромичей с ис-

кусством и культурой наших восьми городов-побратимов. Интересно показать то, что происходит в наше время в других странах. Хотелось бы проводить и конкурсы, и семинары, и конференции – все то, чем живет искусство и культура – это и есть создание среды общения. И, конечно, крайне необходима для исследовательской работы библиотека, научный архив наш уже появился. Хотелось бы создать свой издательский центр, издавать и книги, и каталоги, а может быть, и журнал по проблемам искусства и культуры (ежегодный альманах).

- Из всех идей какие галереи удались?

- Во-первых, появилась лекция живописи и графики, которую можно показывать зрителю, что и было сделано в день 5-летия галереи, получилась коллекция, на мой взгляд, довольно интересная.

Начало издательского центра положено изданием газеты «Галерея». Каждая выставка сопровождается по крайней мере буклетом, афишей, приглашительным билетом, и это все делается силами наших сотрудников.

- Какие контакты с попечителями, деловыми людьми есть у галереи?

- Есть, конечно, у галереи партнеры для сотрудничества. Надеемся, что найдутся точки пересечения с ними и в издательской деятельности, и в формировании коллекции. Такие контакты полезны: надо назвать тех, кто помог нам собрать коллекцию, – это первые ласточки, те, кто помогает сохранять художественную культуру. Если в крупных городах процесс этот идет довольно активно, то у нас все еще только начинается. Фонд содействия развитию города Костромы, ОАО «Фанплит», ООО «Костромарегионгаз», агентство недвижимости «Контин-

ент» г. Костромы и некоторые другие организации, с которых начал формироваться наш круг друзей.

- А есть у вас проект-фэнтези?

- Галерея впоследствии могла бы расшириться до культурного центра. Я имею в виду музыкальную и культурную деятельность, занятия с детьми творчеством. То есть речь идет о расширении культурного пространства в разных отношениях. Зрители спрашивают: «У вас есть коллекция, где бы ее можно было посмотреть?» То есть рано или поздно зайдет речь и о расширении экспозиционных площадей, фондовых помещений. А если расширяться до культурного центра, то это и поиск новых помещений для детского творчества, концертной деятельности. Парковая зона, которая находится перед нами, может перерасти в парк культуры: практика такая есть в Ярославле. Идеи все не новы: парк при музее, но это большой труд, нужны большие материальные и творческие вклады.

- И такие творческие вклады тоже бывают?

- А как же. Вот недавно художник Владимир Муравьев подарил галереи 39 своих картин. В связи с этим обдумывается большой проект ретроспективной выставки из истории русского авангарда, где такие известные имена, как Николай Шувалов, Владимир Муравьев, Алексей Козлов, будут широко представлены. Сейчас готовится выставка творчества Алексея Козлова, собирается материал, еще неизвестный зрителю, любезно предоставленный нам другом Алексея Козлова художником Георгием Вopilовым.

*Беседовала
Татьяна ГОНЧАРОВА*

«ПРЕДАМСЯ ЧУВСТВУ И ПРИРОДЕ...»

Из писем Алексея Козлова Георгию Вопилову

Привет, Гера! Дорогой мой, как поживаешь? Сегодня получил от тебя письмо. Очень рад. Завидую тебе, что ты работаешь вместе с Иваном Александровичем. Многому на деле можно научиться у него. Сегодня у нас идет дождь, пасмурно. Часа два назад ходил к соседям – написал, почти закончил в один сеанс старушку – мать моего брата. Кажется, привыкаю писать быстрее. Работать много не приходится. Видимо, в это лето сумею подготовить материал к композиции... Написал 6 солнечных этюдов. Кажется, в основном все детали написаны с натуры, более или менее со стараньем. Еще нужен этюд отдельный неба и панорамы лесов, и тогда можно осенью приступить.

Пишу здесь не торопясь, без всяких посторонних придурков и прочих ослов, без всякого философствования и словоизлияния, посему и чувствую себя хорошо. За весь сезон напишу, видимо, 10-12 работ...

Приезжай ко мне. Я жду тебя. Расходов на дороги нужно примерно 200 р. Приезжай, посмотришь здешние края. Жаль, что уже нет малины...

Даю тебе маршрут: билет берешь до ст. Шарья, потом выходишь с вокзала, около него всегда стоят машины. Ждут пассажиров до Пыщуга, а также павинские машины тоже идут через Пыщуг. А в Пыщуге иди на почту, ее укажут – там работают у меня две сестры, а дальше они все скажут.

Вечером мы жжем костры возле леса и печем картошку, есть гармонь. У меня есть книги – Левитан и родная книга «История искусств» с очень хорошими цветными репродукциями.

Скуки не будет – да и будем писать... Здесь много грибов и пр. Мы бы пошлялись по лесу. Красок у меня на лето, видимо, хватит... Разбрасываться и писать что угодно нет интереса.

Вчера читал М.Горького «Человек». Если бы ты знал, что это за штука! Как я до сих пор не видел этого рассказа.

Пиши сразу. Жду. Приезжай раньше.

Итак, брат, до скорого свидания. Искренне твой Алексей.

1 августа 1948 г. Пыщуг.

* * *

Здравствуй, Гера!

С приветом Алексей. Во-первых, извини меня, что так долго не смог написать. Если бы ты знал, что здесь творилось, ужас. По приезде от тебя я работал. 27-го был предварительный

просмотр. Мои холсты всем очень понравились. Даже мои закоренелые враги смирились, а о близких и говорить не приходится. Шлеину очень понравилось: повторил раз десять «интересно», «хорошо», «необычно», «живо» и в конце: «Вот как писать надо». Недостатки обычные: рисунок, обработка. В училище были два холста мои и Муравьева очень хороший. 28-го был второй просмотр. Пришли все эти тупицы из обкома, из отдела искусств. Муравьева холст «не понят», посоветовали 50-е место. Наш курс целиком признали слабее 3-го, болваны и хамы. Муравьев сорвал свой большой холст, содрал подрамник, поковеркал и бросил – ужас что творилось! Все «просмотренные» были возмущены. А эти тупицы потом пошли пить со Шлеиным. Ну и шум был.

А.Козлов (слева) и Г.Вопилов. В общежитии Костромского художественного училища. Фото 1949 г.

Вчера был педсовет. Все же правда частично снова восторжествовала. У меня годовая оценка по живописи – 5, композиция – 5, рисунок – 3. (...)

Будь здоров, пиши. Крепко обнимаю, твой Алексей Козлов.
2 июня 1949 г. Кострома.

* * *

Привет, Гера. Здравствуй, друг. Да, как давно не писали мы, ни ты, ни я. Ну, ладно. Я завтра думаю уехать домой, отпустили до 15-го февраля, а там мое дело, если все в порядке, то проживу месяца два. Мы, 5-й курс, ездили экскурсией в Москву, жили целую неделю, закупил красок, масло и вообще все. Новый год ... здорово, Руфа тебе все расскажет. В общегитии все то же. Был у Козлова, он меня завел сам и дал телогрейку. Шлеин болеет. Завуч тот же. Ну, а ты как? Что нового, что делаешь, как себя чувствуешь? Как родные и ...

Пиши мне на дом. Адрес, думаю, тебе известен. А пока и до свидания. Очень хотелось увидеться и обо всем переговорить.

Видно, теперь до весны. Будь здоров.

Искренне твой А.Козлов.
4 января 1950 г.

* * *

Здравствуй, Гера!

Пишу тебе прискорбную весть: с 1 октября я – учитель в средней школе с. Павино. Представляешь, какой я учитель. Боже мой! Если не уйду или не выгонят, то год думаю проработать.

Писать ничего не пишу: нет красок. Настроение, понимаешь сам, – кошмар. (Да, взял костюм в прокат). Ну, а как ты, что делаешь? Приезжай весной. Привет матери, сестре и Феде.

Пиши, все пиши, жду. Искренне обнимаю. Твой друг Алексей Козлов.

25 сентября 1950 г. Павино.

* * *

Здравствуй, Гера! Получил твое письмо. Очень рад. Что сказать о себе – мало радости. Неделю, брат, я проработал. Вот где отрезвилочка-то. Прихо-

дится сидеть ночи, учить, ведь 7-10 кл., да и привычки еще нет. Рисование в 3-х пятых и 4-х шестых. Учеников я очень заинтересовал, в худ. кружок записалось человек 80. Что же делать, чем быть нанизу, лучше быть наверху при сложившихся обстоятельствах. Писать и рисовать для себя совсем не приходится: нет красок и уроки. Сейчас думаю о прошедшем, переиспытываю, кое-что приходится пересматривать, и в общем период отставания, обдумывания. Жить, брат, здесь скучно. Тишина, даже болит в висках, никого нет, говорить не с кем, а главное, нет красок, можно бы писать этюды. Халтура будет, вероятно, но не сразу. Радио есть, но только утром и вечером. Электричества нет совсем. Лампа.

Живу вместе с сестрой. Молодежь здешняя не интересует меня, все пусто, дико, понимаешь сам, где я и с кем, и в какой обстановке приходится быть с моей душой. Настроение очень подавленное, даже аппетит совсем пропал, так, какая-то пустота. Нет интереса к жизни художника... Все, как кажется, пустота, и особенно современные художники, продажные эгоисты, самолюбцы, работающие не в силу внутренней потребности, а в корыстных целях. Никуда, ни в какую Москву – нет охоты и желания. Вообще все отравлено. Разве могут быть законы в искусстве; кто скажет, что лучше и нужнее: Ван Гог и Врубель или Репин и Серов. Диктатуры быть не должно. Слава журнальная и газетная шумиха – все чепуха и вздор. Слава раздувается продажными критиками. Надо быть самим собой, несмотря ни на что. Если удастся выписать красок месяца через два, то буду зимой писать для себя, не для училища, как раньше думал: напишу, привезу и покажу дома. Нет, все показы к черту. Толь-

А.Козлов, Н.Шувалов, В.Муравьев. Дача Воиловых в Красном-на-Волге.
Фото 1955 г.

ко для себя, то, что меня интересует и чего просит душа без всяких но. Забуду всех художников, предамся чувству и природе и все. Скажу еще раз – искусство должно быть свободно.

Ладно. Так тяжело, просто жуть. Сижу сейчас один. Тоска, скука. Никому не рад я, ничему. Не знаю, как все это выдерживать. Не знаю. Ну, брат, живи, рисуй и мне пиши. Жду. Пиши чаще, хоть ты подбадривай меня, чаще пиши, а то сдохну со скуки.

Будь все...

Крепко обнимаю. Будь здоров, пиши, жду. Обнимаю.

1951 г. Павино.

* * *

Дорогой друг!

Письмо твое получил. Оно во мне вызвало много дум. Настроение сейчас самое скверное. Сегодня увидел в «Северной правде» некролог – умер И.П.Шлеин. Несмотря ни на что, так стало жалко этого старика, в своем роде неудачника, ведь 3 года были у него, учеба, семья – бурные годы: живые, разнообразные, острые – забыть этого нельзя. Сейчас живу один, вдалеке от всех, один, один.

Семью жду. Красок все еще нет. Да столько раздумий...

Здесь плохо, но и в Москве не лучше, а то и хуже. Знаешь сам, как скитались – своего рода тупик.

Про себя: учиться не поеду, еще год буду здесь, а там будет видно. Сильно хочется писать. Только бы скорее краски.

Ну что бы ехать – ведь с нашим безволием, бросаниями – не сдать экзамены. Нужно большое спокойствие и уменье. А мы не доводим ничего до конца. В этом наша трагедия, в частности твоя. Говорю прямо, не обижайся: ну, поедешь, станешь сдавать, посдаешь до половины,

А.Козлов. Рождение замысла. Красное-на-Волге. Фото 1962 г.

занервничаешь и бросишь – вот и вся история.

Надо идти начатым путем: воля, вера в себя, упорство – вот что надо вырабатывать нам, не искать помощи от кого-то по сторонам. Безверие, безволие, нервы – вот что губит нас. Выработать свои мысли и идти своим путем упорно. А то что же? В себя не верим, апатия, тоска, хандра... конечно, это тупик. Но нет! Знай: у тебя были хорошие этюды – пейзажи, эскизы неплохие и вообще, ну, и надо работать, полюбить надо дело истинно, нутром, ради самого дела, то есть не ради внешнего успеха, почитания... Вот подумай об этом. Что же институт – с нашими противоречиями, исканиями? Едва ли удовлетворит он их и разрешит... Работать надо, вот что! Обдумай это. И еще: закупай больше красок, да ко мне на 3-4 месяца, да упорно с утра до вечера поработай. И увидим осенью свой результат. Хорошо поработаешь – можно в товарищество обратиться, я думаю, тебе с

удовольствием помогут во всем... Колесов, например...

Пиши свои изображения.

Крепко жму руку.

11.06.1952 г.

Павинский р-н,
колхоз «Борец».

* * *

Здравствуй, Гера!

Получил твое письмо – очень рад. Да, жаль, что будете переселяться; ломка, хлопоты, да и прижились тут. Очень, брат, я соскучился по тебе, встретиться бы; выпить как следует, поговорить обо всем, отвести душу – вот уже 2 года. Живу один, скука, нет никого, с кем бы можно говорить, абсолютно никого. Пишу автопортреты уже сеансов 13; пишу, скоблю, переписываю, снова пишу, и, кажется, должно получиться: много искал и переписывал. Жаль, что переезд; а то приезжай ко мне, поживем, а потом в июле к тебе и в Москву, приезжай, а? Походили бы с ружьем и все прочее, пописали бы – очень было бы неплохо. Краски у меня есть, но бе-

А.Козлов и писатель Ю.Куранов. Москва. Фото 1960 г.

лил почти нет – вот скверно, хочется писать, а без белил никуда.

Скажу о своих планах – только тебе одному: много страданий и мук вызывают они: думаю, что ты не будешь смеяться и все прочее.

В июле еду в Москву, иду в театральный институт на пробу, если пройду, буду сдавать, если нет – в киноинститут на художеств. отделение. Любовь к театру, к сцене у меня давно, но в последние 2 года она превратилась в страсть. Нынче очень много работаю в этом направлении. Предупреждаю – об этом НИКОМУ ни слова.

Крепко обнимаю. Приезжай. Коплю деньги. Май не гулял, ходил на охоту – убил здорового тетерева, ха, ха, брат!

Будь здоров. До скорого свидания. А.Козлов.

4 апреля 1953 г.

* * *

Дорогой Гера, здравствуй! Хочется черкнуть несколько строк. <...> Я снова в угаре, хочется работать, да и интерес-

но пробовать свои силы в новом для себя. Что делать – борьба за жизнь... Сейчас готовлю эскизы плакатов – дали тему «Сельская самодеятельность». Вот так, брат, сейчас переживаю плакатный период. <...> Здесь я должен продержаться до лета, и если нигде постоянно не устроюсь на работу, то уеду. Но еще может предстоит борьба и всякие хождения ради работы, теперь я свободен.

Ну, пиши свои соображения. Пиши обо всем. Крепко обнимаю. Алексей.

26 января 1954 г. Москва.

Добрый день! Здравствуй, Гера. С приветом Алексей. Я в Пыщуге. Приехал быстро; на другой же день по отъезде из Красного был дома. Поезд идет прямо до Кирова без пересадок до Шарьи – всего 13 часов, от Шарьи – на самолете 25 минут, очень интересно – пейзажи сильные, здорово. Чувствую себя неплохо. Природа здесь чудо, воспринимаю свежо, как будто вижу первый раз. Ходил на могилу отца. Ходил на реку, немало мазал. Начал 2 картона, нынче, вероятно, снова вернусь

к панорамам – картон. К этюдам куском тяга сейчас спала.

Вчера на реке Пыщуге было гулянье, крепко дрызнулись с Худяковым, тебе от него большой привет. Сегодня пошел дождь, болит голова с похмелья, утром писал часа 3. В деревне еще не был. Потом схожу. Да, в Костроме видел Бориса, вместе обедали. Был у ребят, но никого не застал, Николай уехал на пленер, у Владимира было закрыто. Вот так. В общих чертах мои последние новости. Привет всем вашим. Ну, будь здоров, пиши больше, не унывай, работай больше.

А пока и до свидания. Пиши. Жду. С приветом, А.Козлов.

1960 г.

* * *

Дорогой Георгий. Здравствуй, брат. Можешь поздравить нас. В нашу избу пришел новый человек, зовут его Святослав Алексеевич Козлов. Он принес много радости и забот. Все это ты прекрасно знаешь. Приходится менять строй жизни. Вставать ночью несколько раз. Я все лето прожил здесь, в Трошине, никуда не ездил. Много работал и много сделал. Где ты, как ты, что делаешь, как твои успехи. Пиши мне подробнее, хочется знать все. Я ждал тебя, но теперь, видимо, уже не приедешь. Как Лида, дочь? Как в Красном, что нового, как чувствует себя Борис, где Сорокин? Как Вадим? Сейчас здесь осень, идут дожди, серая хмара давит, лес голый, хутор стоит одиноко. Мы думаем прожить здесь до конца ноября, пока окрепнет мальчик. Да, вот так, брат. Стали мы отцами. Проходим все стадии жизни.

Страшно хочется увидиться с тобой. Пиши, крепко обнимаю. Целую. Твой А.Козлов.

1963 г.

ОБРАЗ НЕВИДИМОГО ГРАДА

Город, чудным образом спасшийся от разрушения, вековечный, как лес, где не ступала нога человека, – вот что брезжит на том берегу... В размытых бликах акварельного лилового тумана едва видны купола церквей. Среди чистоты и белизны первого снега, укутавшего город, его улицы, деревянные домики с мезонинами и уютными крылечками, старинными фонарями, стоит задумчивая, печальная тишина. И даже колокол недвижим под тяжелой снежной ношей.

Древнерусские утопические легенды о «сокровенных» городах, где можно спастись от зла, приходят на ум, когда рассматриваешь акварели городских пейзажей костромского художника Алексея Мухина. Реальной, современной Костроме, все мы видим, до мифического Китеж града далеко. Облик былой гармонии и красоты архитектурных жемчужин, теплоты деревянных узоров, увы, потускнел. И когда архитекторы, реставраторы и вот – художники пытаются запечатлеть, а значит, сохранить в памяти городского общества очертания этого прекрасного лица старой Костромы, – они делают святое дело. Может быть, когда-нибудь снова взыскует городская душа «града невидимого», устав от уличного и житейского сора? А сегодня художник, поэт, открывающий нам этот параллельный мир красоты, тишины, осмысленной гармонии жизни и быта, делает средю человека человечней, хотя бы на картинке. «Сокровенный» град укрыли, закутали, запеленали белые снега: кажется, зимний городской пейзаж – это любимый мотив Алексея Мухина еще и потому, что живет в этом времени года некое непос-

А.Мухин. Кострома. Церковь Спаса. «Памятники архитектуры». 1989 г.

тоянство и мимолетное очарование первого снега.

Старая городская площадь, церковь Спаса в рядах, другие узнаваемые уголки Костромы – везде изысканная и хрупкая красота мимолетного мотива зимы. И в то же время художник умеет создать целостный образ провинциального пейзажа. Здесь и сам мотив, и светлая гармония цвета, и световоздушная среда акварели – все как бы сливается в единый поэтический образ города. Белые вертикали стен и колонн, шары подстриженных деревьев, одетых в снега, – ритм лаконичных силуэтов делает художественное пространство листа метафоричным. Да, это узнаваемый городской пейзаж, но психологическое действие цвета и тона таково, что и колокольня над церковной оградой, и знакомый костромской дворик воспринимаются как

символ, образ чего-то надвременного, может быть, того, что и зовется Родиной. О ее «белых одеждах» пытается нам напомнить автор этих городских пейзажей.

В Костроме знают Алексея Мухина как художника скромного, камерного, который не любит преувеличений и помпезности. Не так уж часто он выставляется, хотя очень много и быстро работает. Его особый дар лирического пейзажиста давно оценили костромичи. Две главные пейзажные серии его работ: «Кострома. Памятники архитектуры» и «Кострома. Старый город», написанные в конце 80-х и в 90-е годы, – почти полностью разошлись по частным коллекциям. А после участия Алексея Мухина в 1980 г. в республиканской выставке с акварелью «Весна. Романовский музей» несколько его работ были

закуплены костромским художественным музеем. Есть его работы в коллекции муниципальной художественной галереи, много сделавшей для того, чтобы имя его стало известно костромскому зрителю.

Акварели Мухина: «Первый снег», «В Ипатьевской слободе», «Старый дом», «На Молочной горе», написанные с натуры, — еще раз свидетельствуют о том, что жанр пейзажа несет в себе внутреннюю связь не только с национальными, но и с местными чертами.

В этом смысле Алексея Мухина можно назвать художником провинции. Он и родился в Костроме, и учился на нашем художественном институте, его преподавателем был Николай Коротков. Но первые

уроки одухотворения провинциального пейзажа Мухин получил еще школьником, когда летом отдыхал в деревне Марфино, где и познакомился с художником Ярославом Штыковым. А в члены Союза художников его рекомендовал известный график, владимирский художник Борис Французов, увидевший его работы на одной из республиканских выставок и высоко их оценивший.

С тех пор много воды утекло, во многом изменился и сам художник. Надо сказать, Алексей Мухин любит меняться. Неизменной осталась, пожалуй, потребность в эксперименте с фактурой акварельного листа, поиске новых цветовых отношений. В самой «све-

жей» серии работ Мухина «Времена года» пейзаж прозрачен и почти теряет реальные очертания, мерцание цвета, пронизанность его солнечным светом дарят зрителю ощущение радости жизни и слитности с дыханием самой природы.

Акварельные этюды Алексея Мухина чаще строятся на стыке земли и неба, первого и второго плана изображения — здесь находится главный лейтмотив. В других акварелях тщательно, до мелочей, проработан как раз первый план, а второй дается без проработки деталей, как образ или символ. У Мухина цвет, как правило, подчинен единому тону, любимая колористическая гамма: фиолетовый,

А.Мухин. Кострома. Романовский музей. Серия «Памятники архитектуры».

киршично-желтый, желто-болотный тона.

Вертикальные ритмы в серии «Времена года», диагонали дальнего размытого плана дают совершенно удивительную пространственную перспективу: ощущение глубины и воздуха в пейзаже передается тонкими, изящными градациями цвета. Алексей Мухин мастерски сближает цвета и объединяет их любимой фиолетовой аурой. Атмосфера акварельного листа кажется насыщенной влагой приречного леса, луга, силуэты деревьев словно разрыхляются, они как бы тают в воздухе, растворяясь в фиолете космоса. Обширное воздушное пространство акварели придает всему виду легкость и простор.

Острое чувствование красоты, открываемой в любом моменте бытия, – вот дар, который, благодаря автору этих работ, обогащает и зрителя. Своим творчеством художник еще раз напоминает о вечном: о надежности, поэтичности, возвы-

А.Мухин. Городской мотив. 1988 г.

шенности такого, казалось бы, приземленного понятия, как дом. Надбытность дома, словно рифма душевному миру художника: рядом с домом всегда некое древо с крылатой кроной до небес и мощным стволом, уходящим

корнями в глубины материального, земного. Мотив, цвет, освещение служат в лучших акварелях Алексея Мухина этому поэтическому образу единства природы в ее материальном и духовном проявлениях.

Татьяна ГОНЧАРОВА

А.Мухин. Ипатьевская слобода. 1999 г.

Художник Е.В.Радченко. (Портрет работы М.Салмова).
Рождается гобелен.

Искусствовед А.И.Бузин. Разговор о живописи.

Фото Юрия Чеботарева.

МУЗЕЙ ЖИВОПИСНОЙ КУЛЬТУРЫ

Музей живописной культуры был организован в Костроме, как и в ряде других провинциальных городов, по решению отдела ИЗО Наркомпроса. Цель создания подобных музеев – «представить этапы чисто живописных достижений, живописных методов и средств во всем объеме, насколько они выразились в живописи всех времен и народов» (В.В.Кандинский. Музей живописной культуры).

Из государственного художественного фонда отдела ИЗО в Кострому было передано более 40 произведений живописи и графики, среди которых были работы таких художников, как: Н.С.Гончаров, О.В.Розанова, И.И.Машков, А.М.Родченко, В.Е.Татлин, В.В.Кандинский, Р.Р.Фальк и др., а также несколько работ из музея местного края, работы Н.Н.Купреянова, Н.С.Изнар и других костромских художников.

Музей открылся 22.08.1920г. Был закрыт в 1921 г. Часть работ поступила в музей местного края.

Людмила ЖУКОВА

Р.Р.Фальк. «Базар в Костроме». 1909 г.

ОТ ВОЛКОВА ДО РОЗОВА

По литературным местам Костромы

Костроме повезло во многих отношениях: город расположен на большой реке, климат достаточно мягок, нравы жителей не отличаются суровостью. Кроме того, здесь родились, жили, творили, сюда приезжали за впечатлениями многие люди культуры, особенно писатели. Сохранилось много зданий, которые имеют отношение к литературе. Это дает возможность совершить прогулку по литературным местам города с пользой и не без приятных впечатлений.

Если встать на Сусанинской площади лицом к Каланче, то взгляд невольно соскользнет с классически-пiazza Каланчи в перспективу улицы Симановского. Движение по этой улице не отличается интенсивностью. Первый ее квартал прекрасно просматривается и, надо сказать, радует взгляд. Улица застроена небольшими стройными пропорций особняками второй половины XVIII – начала XX веков. Недалеко от Сусанинской площади на правой стороне улицы стоит несколько необычное двухэтажное здание. Первый этаж как бы врос в землю. Костромичам дом хорошо известен как “ямка”. Сегодня там находится хлебный магазин. Что-то очаровательное есть в этом доме. Здесь в 1729 году родился Федор Волков, основатель

русского национального театра. Отец Волкова, костромской купец, рано умер. Мать с братьями переехала в Ярославль. Там в 1750 году Волков учредил первый в России общедоступный театр. Волков входил в крайне узкий круг личных друзей великой княгини Екатерины Алексеевны. После драматических событий августа 1762 года в числе сорока особо отличившихся участников дворцового переворота возведен в дворянство. Ему было пожаловано также 700 крестьян. Огромное богатство. Про Волкова можно сказать, что он трагически погиб. Близость ко двору сыграла свою роль. Он оказался устроителем грандиозного театрального действия “Торжествующая Минерва”. Торжествовала, конечно, Екатерина II. Действо проходило зимой 1763 года в Москве. Оно завершало череду коронационных мероприятий. В угаре театральных дел Волков опасно простудился, слег. Вскоре его не стало. Волкову не исполнилось и 35 лет...

Поскольку Волков основал театр в Ярославле, все театральные лавры достаются нашему соседу. Правда, Костроме в этом отношении жаловаться не приходится. Лучший русский драматург XIX века А.Н.Островский прочно ассоциируется у всякого, знакомого с

основными фактами его биографии, с Костромой. Наш город невелик. От дома Федора Волкова до здания, к которому имел отношение Островский, идти всего одну минуту. Фасадом на Сусанинскую площадь выходит солидное трехэтажное сооружение, известное как дом Ботникова-Рогаткина. В апреле 1848 года здесь несколько дней жил молодой Александр Островский. Он еще ничего не написал, копил жизненные впечатления. Приехал в Кострому не в лучшее время. За полгода до того город почти полностью сгорел. Выглядел ужасно. Работала одна гостиница. Точней, это был постоялый двор. Пользовался не лучшей славой. М.П.Погодин, известный историк и писатель, за семь лет до Островского пытался провести там ночь. Не смог. Заели клопы. Спасался в тарантасе. Мы ничего не знаем об условиях жизни Островского на постоялом дворе Лопухина. Будущего драматурга заморозил сам город. Дневник Островского полон восхищенных записей об улицах Костромы, о небе над городом, о даях...

Спустя годы те, первые, самые сильные впечатления растворятся в драматургических текстах. В «Грозе», «Бесприданнице», лучших пьесах Островского узнается так восхитившая драматурга Кострома.

Город, глядя на который, Островский не мог сдержать сладких слез...

Почти одновременно с ним на постоялом дворе Лопухина останавливался М.Е.Салтыков-Щедрин. В Костроме оказался не по своей воле. Сопровождаемый жандармом ехал в ссылку, в Вятку. Жалкое зрелище городского пепелища по-своему впечатлило желчного Щедрина. Двадцать лет спустя он едко высмеет беспомощность городских властей при описании пожара в Глупове в «Истории одного города».

Стоит перевести взгляд с постоянного двора чуть вправо, как возникнет ощущение, сходное с тем, что появляется при любовании каланчой. Перед нами массивный особняк с внушительной колоннадой. Самое солидное частное владение за всю городскую историю. Дом сенатора Борщова. Старый сенатор прожил 83 года. Любил жить широко, денег на особняк не жалел. Роскошным обликом, шикарным убранством интерьера здание производило большое впечатление на костромичей.

Здание сильно пострадало во время известного пожара 1847 года. Сыну сенатора тратиться на восстановление особняка не хотелось. Он занимал высокий пост при дворе в Петербурге. На роди-

не бывал наездами, неохотно. Он продал в 1849 году семейную собственность купцу Первушину. Тот подошел к делу с размахом. Вложил большие деньги и открыл фешенебельную гостиницу «Лондон». Летом 1858 года в одном из номеров с окнами на площадь поселился Н.А.Некрасов. Немалой удачей для русской литературы стало то обстоятельство, что окна выходили именно на площадь. Однажды из окна своего номера увидел Некрасов статного мужика с охотничьим ружьем. Тот был с ног до головы обвешен битой птицей. Некрасов охотиться любил. За тем и в Кострому приехал. Послал лакея за мужиком. Тот пришел. Познакомились. Некрасов не чулся простых людей. Сели выпить по случаю знакомства. Застолье продолжалось едва ли не до утра, охотник так и остался ночевать в номере. Утром на тройках отправились на охоту. Не один год Гаврила Захаров, умный костромской крестьянин, опытный охотник и превосходный рассказчик, составлял компанию Некрасову в его блужданиях по костромским лесам. Гаврила стал не просто компаньоном. Другом. В справедливости его охотничьих советов поэт убеждался много раз. Рассказы использовал как источник для создания стихов. Знаменитая поэма «Коро-

бейники» оказалась поэтическим пересказом одной из историй, рассказанных Гаврилой. Стоит несколько слов сказать о личности поэта. Некрасов любил женщин, деньги, красивую жизнь. Добился внимания первых, обилия вторых и роскоши третьей с великим трудом. В тридцать лет из вождя еще ничего не имел. В отчаянии написал:

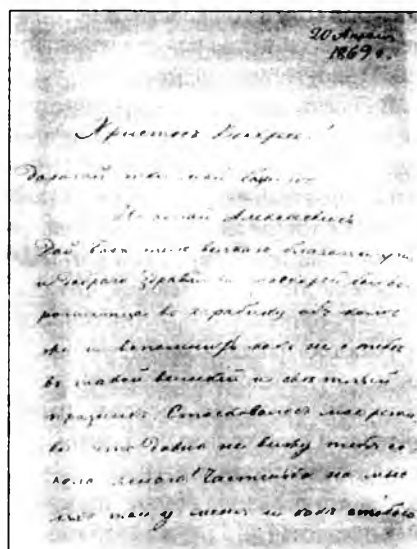
*Я за то презираю себя...
Что дожив кое-как до
тридцатой весны,
Не скотил я себе хоть
богатой казны,
Чтоб глупцы у моих
пресмыкалися ног,
Да и умтик порою
позавидовать мог.*

Не решился опубликовать от своего имени, приписал стихотворение Ларре, испанскому поэту начала XIX века. Перед смертью, когда таить и таиться не имеет смысла, сделал пометку на странице сборника с текстом стихотворения: «Приписано Ларре по странности содержания. Искренне».

Некрасов не был первым по этом, жившим в доме Борщова. Еще при старом сенаторе, в 1837 году, здесь ночевал В.А.Жуковский. Он был воспитателем великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра II. Показывал ему Россию, достой-

Дом Борщова (гостиница «Лондон», окружной суд). Фото начала XX в.

Первая страница письма Г.Я.Захарова Н.А.Некрасову, писанного под диктовку сельского грамотея.

ную быть узанной. Кострома входила в маршрут. Любопытная подробность относительно царского наставника. В молодости Жуковский сильно пил. П.А. Вяземский, кстати, человек не чужой в Костроме, всерьез опасался за его творческую и поэтическую судьбу. К счастью, все обошлось.

В 1864 году в России прошла реформа судопроизводства. Появился суд присяжных. Подходящее в Костроме здание для окружного суда было одно: дом Боршова. Костромичи собрали деньги и и выкупили его. Суд, порядки и нравы нового учреждения описаны в повести А.М.Ремизова «Неуемный бубен». Писатель не один раз бывал в Костроме, хорошо знал нравы и обычаи горожан. Прообразом главного персонажа повести Ивана Стратилатова оказался мелкий чиновник костромского суда Полетаев.

Мы оставляем дом Боршова и движемся по Сусанинской площади дальше. Торцом на нее выходит здание костромской мэрии. Ему почти 200 лет. Пожалуй, это единственное в Костроме сооружение, которое с момента появления по настоящий день используется по прямому назначению: административному. Поколение за поколением костромских чиновников вершили здесь губернские и городские дела. Так было до революции 1917 года, так продолжалось при советской власти. В исторической литературе здание известно как Присутственные места.

В России XIX века чиновничество оказалось главным потребителем художественной литературы. Простой народ был неграмотным, духовному сословию не полагалось светское чтение, аристократия и военные развлекались или воевали, читали мало. Российский чиновник больше других оказывался заинтересованным в судьбе отечественной словесности. Обладал досугом, имел интерес и необходимый уровень эстетического развития. Из среды чиновничества вышло немало прекрасных писателей. С 1846 по 1853 год на службу в Присутственные места ходил чиновник особых поручений при губернаторе А.Ф.Писемский.

Молодой человек только что закончил Московский университет. Неожиданный для его последующей биографии математический факультет. Писемский тяготился служебными обязанностями, мечтал о литературной карьере. К счастью, служба забирала не все время. Он снимал квартиру в доме мещанина Третьякова. Здание сохранилось, располагается на стыке современных улиц: Ивановской и Горной. Здесь Писемский вечерами занимался литературным трудом. Успех принесла повесть «Тюфяк»; роман «Тысяча душ» сделал имя Писемского известным всей стране. В отличие от Островского Писемский любил столичную жизнь и при первой возможности покинул Кострому ради соблазнов обеих русских столиц. Тем не менее до конца своих дней оставался человеком провинции. Так и не сумел или сознательно не захотел обзавестись лоском, напористостью, изворотливостью петербуржца или москвича. В Кострому больше не приезжал. Но город не отпущал. Почти в каждом из восьми его романов Кострома присутствует как фон, городская кулиса романного действия. Особенно это касается самой «костромской» книги писателя «Люди сороковых годов». Еще чаще он заимство-

вал для своих персонажей узнаваемые костромские типажи. О костромских прототипах в творчестве Писемского историками литературы и краеведами написано немало. Кострома Писемского помнит. В 1996 году у дома, где он жил, был установлен бюст писателя работы костромского скульптора В.Зайцева.

Личность Писемского довольно любопытна. В детстве он страдал лунатизмом. Его несколько раз ночью отлавливали входящим на чердак. Был крайне мнительным, боязливым. Постоянно ждал со всех сторон несчастья. Боялся ездить на поездах: слишком большие скорости; боялся пароходов: пучины морские безмерны, страшны... Он существовал на этом свете благодаря жене Екатерине Павловне. Тургенев, чья судьба была украшена присутствием неповторимой Полины Виардо, едва ли не завидовал Писемскому: «...вы выиграли главный куш в жизненной лотерее...» Тургенев знал, о чем говорил. А женился Писемский на дочери известного в свое время писателя и журналиста П.П.Свиньина, также урожденного костромича.

Ровно на полпути от костромской квартиры Писемского до Присутственных мест, где он работал, находится гостиница «Старый двор». В 1930-е годы она была

Памятник А.Ф.Писемскому в Костроме возле дома, где он жил.
Открыт в 1996 г.

единственной в городе. В ней дважды в 1935-м и один раз в 1936 году останавливался А.С. Новиков-Прибой. В Костроме он встречался с участниками Цусимского сражения. В частности, с бывшим рулевым крейсера «Олег» А.В. Магдалинским. Старый моряк работал заместителем начальника костромской пристани. Новикову-Прибою пришлось много выступать в различных аудиториях. Принимали тепло. Он расчувствовался. Передал для «Северной правды» нигде не публиковавшийся фрагмент знаменитой «Цусимы». Кто знаком с психологией писателя, понимает, как необычен этот жест. Писатель не любит дробить им созданное. Тем более публиковать фрагменты крупных работ в провинциальных изданиях. Новиков-Прибой решил на публикацию от хорошего приема, искреннего интереса к делу его жизни.

Здание гостиницы «Старый двор» находится на углу улиц Советской и Чайковского. Улица Чайковского необыкновенно красива. Начинаясь в средоточии городской жизни, плавно спускается к тихому волжскому берегу. Милые взору особнячки, в основном XIX столетия, делают улицу уютной, домашней. Здесь легко дышится. В одном из особняков (№ 11) жила А.И.Готовцева-Корнилова. Жена крупного костромского чиновника, она превратила семейный особняк в культурный центр. Была хозяйкой самого известного в Костроме литературного салона. Там с ней познакомился П.А.Вяземский. Он оценил обаяние и красоту Анны Ивановны. Написал Пушкину: «... Милая девица телом и душой». Хорошее впечатление оставили ее стихи. Готовцева оказалась женщиной неробкого десятка. Не боялась бросить упрек в мужском шовинизме Пушкину. Поэт несколько неаккуратно высказался в печати по поводу способности женщин полноценно воспринимать поэзию. Анна Ивановна написала темпераментную поэтическую отповедь «О Пушкин, слава наших дней...». Вяземскому понравилось. Показал стихотворение Пушкину. Тот написал «Ответ А.И.Готовце-

вой». Однако Пушкин, несмотря на весь свой гений, кажется, так и не понял, что возмутило эту стихотворствующую провинциалку. Он разделял распространеннейшее среди мужчин убеждение. Согласно ему, женщина естественна на кухне, в детской, гостиной, будуаре, а поэзия... Ею пусть занимается сильный пол. Пушкин был и остается не одинок в своем мнении.

Кострома - город небольшой. Здесь пересекаются, чудесным образом сходятся друг с другом улицы, люди, судьбы. В нескольких шагах от особняка Готовцевой, в доме на улице Кооперации, сто лет спустя жил В.С.Розов. Кострома дважды входила в его жизнь. Здесь прошли его детство и театральная юность. Сюда Розов приехал в военном 1942 году после тяжелого ранения в ногу. Ради литературного упражнения, «от нечего делать» написал пьесу. В 1956 году спектаклем «Вечно живые» по этой пьесе открылся московский театр «Современник». Три года спустя о Розове узнал весь мир: фильм «Летят журавли» по его сценарию был удостоен Золотой Пальмовой ветви знаменитого кинофестиваля в Каннах. Первый шаг к всемирной славе был сделан в скромном доме на тихой улице...

Если пройти по улице Кооперации чуть дальше и подняться на улицу Дзержинского, окажешься в одном из лучших мест города. Отсюда открывается прелестный живописности вид на Волгу, заволжские дали. Вдруг приходит понимание крепчайшей связи большой реки и старого города. В дальнем от центра города конце улицы расположено внушительное здание. Сегодня его занимает технологический университет. Когда-то в нем жили костромские губернаторы. Неожиданно для всех император Николай I выселил губернаторов из их апартаментов. В Костроме в 1834 году царь посетил гимназию. Она была на той же улице, называвшейся тогда Всехсвятской, но занимала гораздо более скромное здание. В гимназии Николаю показали крепостного математика-вундеркинда одиннадцатилетнего Ванюшу Рогозина. Ваня

покорил своими талантами сурового царя. Император распорядился: гимназию перевести в губернаторский особняк, губернаторам вселился в гимназию. Так Первая Костромская мужская гимназия оказалась в величественном сооружении, строившемся вовсе не для нужд народного образования.

Гимназию в Костроме закончили или учились в ней многие известные писатели. Это прежде всего знакомый нам А.Ф.Писемский. Чуть поздней ее выпускником оказался Н.А.Чаев, автор популярных в свое время исторических драм. Костромскими гимназистами были драматург А.А.Потехин и С.В.Максимов, крупнейший отечественный этнограф, почетный академик, автор многочисленных исследований и описаний по истории жизни и быта русского народа. В одном классе учились Н.К.Михайловский и В.А.Зайцев, два крупных русских критика второй половины XIX столетия. Два года проучился в гимназии В.В.Розанов. Имя Розанова для русской литературы имеет особое значение. Кто он? Философ? Критик? Публицист? Верно и первое, и второе, и третье, но... Розанов создал особое словесное пространство, ни на чье не похожее, вне жанровых определений, и в то же время узнаваемое и близкое каждому русскому человеку. Свободная от всяких условностей мысль писателя коренилась в своих истоках в несурзацах и великолепии русского быта. Его Розанов знал, понимал значение быта для судеб страны. Русский быт он познал в Костроме. К городу у Розанова было сложное отношение. Кострому он не любил. Так получилось. Мать в нищете одна растила детей. Часто в доме был только печеный лук и одна (буквально!) копейка. Маленький Вася бежал в лавочку и покупал на копейку хлеба. Спустя сорок лет в памяти писателя Кострома осталась городом, где царят «страшная, неслыханная бедность... вражда ко всем людям... мерзость запустения». И все-таки... Жестокость жизни, которую узнал мальчик Розанов в Костроме, стала его «великим заворожением». Как ни больно это

говорить, но приходится признать: без страданий в детстве Розанов не приобрел бы того знания многомерности жизни, которое составило основу его мировоззренческого, литературного да и человеческого кредо. Дом, где жил в детстве Розанов, не сохранился. Он стоял у Боровкова пруда на Павловской площади (пл. Мира). Был снесен при строительстве цирка во второй половине 1970-х.

В 1905 году закончил Костромскую гимназию В.Н.Иванов, беллетрист, автор многочисленных исторических романов и повестей. Перу Иванова принадлежит, пожалуй, самое яркое художественное произведение о Костроме. В 1958 году в Хабаровске, где писатель провел последнюю треть жизни, был опубликован роман «На Нижней Дебре». Книга рассказывает о революционных событиях в Костроме начала XX века. Однако не революция как таковая оказалась в центре внимания писателя. Нравы горожан, своеобразный жизненный уклад Костромы под пером писателя сложились в настоящий апофеоз уюта, благословенной патриархальности русской провинции. Кажется, что Розанов и Иванов жили в разных городах. Настолько отличается «вечно дождливая» Кострома Розанова от жизнерадостной, устремленной в будущее Костромы в «Нижней Дебре». Такова цена счастливого детства. От стен Костромской гимназии мы вновь направимся в центр города. Пересечем Сусанинскую площадь и окажемся в пределах первого квартала проспекта Текстильщиков. В доме № 20 с кирпичным первым и деревянным вторым этажами жила костромская знаменитость, уникал, человек, знавший около 40 языков. Речь идет об И.А.Рязановском. Профессиональный юрист, он занимался искусствоведением, музееведением, архивным делом. В 1910-е годы руководил строительством Романовского музея, передал в музей свои богатые коллекции, а после его открытия в 1913 году стал первым директором. Рязановский дружил со многими писателями. К нему

запросто приезжали А.М.Ремизов и М.М.Пришвин. Он поддерживал близкие отношения с отцом Даниила Хармса И.П.Ювачевым. В детстве Хармс бывал в Костроме, останавливался с отцом в доме Рязановского. Иван Александрович хорошо знал автора «Степана Разина» и «Гулящих людей» А.П.Чапыгина, общался с А.Н.Толстым. Сохранилась переписка Рязановского с Александром Блоком.

Наша экскурсия завершается. Осталось сделать последний переход. От дома, где жил первый директор Романовского музея (впоследствии его коллекция составной частью вошла в фонды Костромского историко-архитектурного музея-заповедника), за пять минут мы доберемся до красивого особняка в стиле ампира. Мы стоим у бывшей гауптвахты. Она строилась одновременно с Каланчой в 1820-е годы. Автором проектов каланчи и гауптвахты был удивительно талантливым архитектором П.И.Фурсов. Современники относились к нему со странной смесью чувств: восхищения его творческим гением и брезгливостью к его личным качествам и даже внешности. Он был рыжий, длинноносый, довольно развязный. Барышни его сторонились. К тому же он страдал запоями. За что поплатился. Был уволен с поста губернского архитектора. Надо было как-то жить. Поехал строить усадьбные дома по губернии, где след его затерялся. Этот внешне непривлекательный человек сформировал, однако, узнаваемый, ни на чей не похожий облик Костромы. Каланча, гауптвахта, Московская застава, Молочные ряды внутри Красных рядов и сегодня восхищают легкостью, изяществом, естественностью своего присутствия. Кажется, сооружения Фурсова созданы не рукой и воображением человека, но возвращены самой природой, как деревья, камни, холмы и цветы.

Сегодня в здании бывшей гауптвахты разместил свои выставки и экспозиции Литературный музей. Он был открыт 25 мая 1996 года в Дни славянской письменности и культуры. В его залах находятся

экспонаты, которые отражают бытование книги, развитие книжного знания в Костроме и крае за пять веков, начиная с XVI столетия. Особый интерес вызывают предметные комплексы, посвященные писателям-костромичам, литераторам, каким-либо образом связанным с костромским краем. Это многие десятки имен. Экскурсию по «Литературной Костроме» с легкостью можно совершить, не выходя из музея. Увы, музей не в состоянии вместить обширнейшее лирическое пространство, созданное сотнями писателей, творивших в Костроме, с мыслями о Костроме, для Костромы. Только неспешная прогулка по городским улицам и площадям сможет приблизить нас к пониманию того, что хотели сказать литературно одаренные люди разных эпох, когда то с любовью, то с тревогой, то в глубоком раздумье выводили на страницах своих рукописей такое простое и такое древнее слово – Кострома.

Павел КОРНИЛОВ

Имеет сообщить

ПИСАТЕЛИ-ЮБИЛЯРЫ

Вместе с матушкой Костромой отмечают свои юбилеи в этом году костромские писатели Ольга Николаевна Гуссаковская и Василий Васильевич Травкин, а также прозаик Виктор Константинович Хохлов, ныне москвич, но жизнью и творчеством крепко связанный с Костромой.

Поздравляем! Желаем долгих творческих лет, новых интересных книг, благодарных читателей!

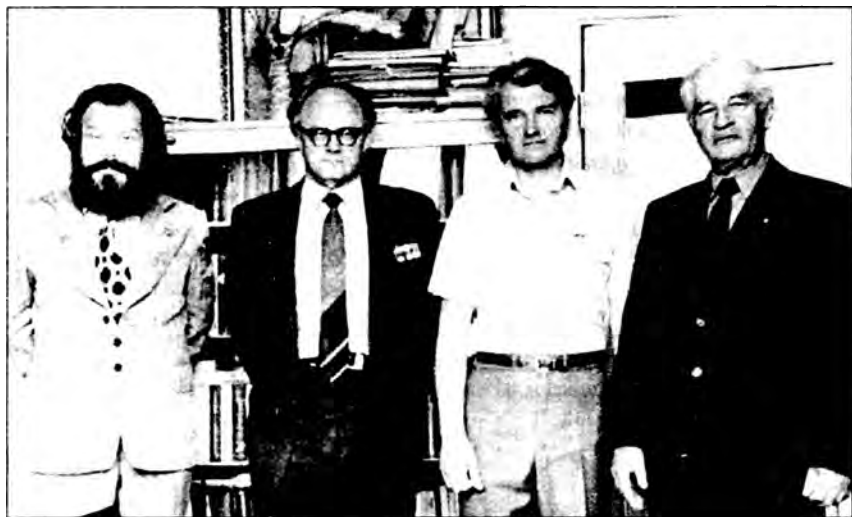

Увлекательны, полезны и поучительны прогулки по улицам Костромы, равно как и по залам литературного музея. Из писателей последнего времени нужно вспомнить выдающегося литературного критика Игоря Дедкова (в костромском доме его на проспекте Мира семь лет тому назад была открыта памятная доска). А также известного прозаика и библиофила Евгения Осетрова (улица в Ипа-

тьевской слободе, где он родился и провел юные годы, названа теперь его именем). А новеллист Василий Бочарников, многолетний автор главной газеты страны, жил как раз в том месте, где за век до него гулял гимназист Василий Розанов... В музее же через века глянут на нас многие российские мыслители и сочинители, связанные с Костромой жизнью или творчеством – от Александра Сумарокова и Федора Голубин-

ского до Николая Михайловского и Павла Флоренского.

Кострома – город литературный, это очевидно. Статьи, один из немногих областных центров, где есть своя городская писательская организация. Два года назад по инициативе Владимира Корнилова, лауреата Государственной премии и Почетного гражданина Костромы, несколько достойных писателей вышли из состава областной организации и образовали свою, городскую. Руководителем новой организации избрали Татьяну Иноземцеву. За два года городская писательская организация сделала немало. Провела совещание-семинар молодых авторов, организовала литературную студию, издала более десятка книг, половина из них – к 850-летию Костромы. Приняла в Союз писателей России несколько человек, пишущих давно и костромской читательской публике известных: прозаика Владимира Шпанченко, поэта Александра Бугрова, сказочника Сергея Савина... Сейчас в городской писательской организации 14 человек. Знакомим читателей с творчеством некоторых из них.

В областной писательской организации. Б.Н.Негорюхин, В.Г.Корнилов, И.А.Дедков, К.И.Абатуров. 1980-е гг.

Александр БУГРОВ

ДОРОГА

В Бога верю, потому что он жил и будет жить всегда. Конечно, я маленькая была, я не верила Богу. До тех пор не верила, пока сама не увидела. Девчонка я еще была, мы с мамой ездили на май к родным в Раслово. Пароход был «Крестьянка», она долго по Волге плыла до нашей пристани, и мы слезли в двенадцать часов ночи с ней, с мамой, а итти нам до нашей деревни девять километров. Теперь вон все кругом автобусы, какое хоросьво сделано! И говорит мама: «Вот главно-то нам до Пазухина дойти, и нам бы хоть како-

го-никакого попутчика до Пазухина, и там бы и переночевали у бабки Гани». Только она так сказала – откуда ни возьмись старичок выходит, выходит и спрашивает: «Куда идете, бабоньки?» Услыхал, видно, про Пазухино и с нами решил идти. Сам в костюмчике городском, веревочкой подпоясан, на ногах баретки и голова непокрытая, волос длинный, так и вьется. Ну, пошли мы. В пазухинском лесу темно, старичок идет чуть повпереди, палочкой о землю постукивает, ничего не говорит, а мы сзади и дышать боимся, я за маму держусь, не отпускаю. Стали к Пазу-

хину подходить, кусты раздвигаться начали, а старичок идет, палочкой постукивает, стукнул последний раз и пропал. А мы уже и в Пазухине. Пришли к бабке Тане, рассказали ей все, она нам и говорит: «Шел с вами Николай угодник». И вот с тех пор я поверила Богу и молиться стала.

БЕССОННИЦА

Этажом выше жила простуженная скрипка. Каждым вечером, особенно в дождь, она плакала или вздыхала. Иногда ночью, наверно, во сне, она постанывала. Я настолько привык к ней, что совсем не обращал

внимания на ее вздохи, забывая о ней, но почему-то не мог заснуть тем летом. Я ворочался, вставал, ходил по комнате, пил воду из графина и в начале пятого видел в окне пухлую зарю, нависшую над городом, как кассирша из магазина напротив над счетами.

Совсем как кассирша.

Только в несколько увеличенном масштабе.

ПОСЕЩЕНИЕ МУЗЕЯ

Мне очень понравилось в музее. Потому что я увидела всех, кто умерли. Они были как живые, очень четко на них изобразили вены на руках, глаза, морщины. Одну семью расстреляли ни за что. Мне понравилась последняя комната. В ней были все знакомые – Ельцин, Хрущев, Сталин, Горбачев и т.д.

* * *

*Оставь гитару, не настраивай,
а то всю душу надорвет...*

*Давай сойдем на Подлипаевой:
на Подлипаевой народ.*

*Пойдем без песни или с песней,
по двести грамм приняв на грудь,*

*Советской улицею тесною,
проезжей частью, как-нибудь.*

*В день города очнуться хочется.
забыть о доме и судьбе,
сухим шампанским одиночества
упиться в праздничной толпе.*

*В чаду на площади Сусанинской
притворно меркнут голоса.
Коктейль хип-хопа и
камаринской
сбивается за полчаса.*

*Громам небесным безработица
грозит от музыки такой...
Ночь города настать
торопится,
Но и в потемках – день-деньской.*

*А через миг – пригнутся здания
и в рокоте воскреснет тишь.
Мигнешь – и солнце несказанное
в огнях салюта разглядишь.*

* * *

*Под мостом Мирабо
тихо Сена течет...
Аполинер*

*Ночь приближается, как
прохожий,
и сумрачный ветер заносит листвою*

Владимир МАКСИМОВ

ПОД КОСТРОМСКИМ ГЕРБОМ

Кострома – это город-улыбка.
Демьян Бедный.

1

*Белоснежный,
Голубой,
И синий,
И зеленый город Кострома.
В нем,
Как на ладони,
Вся Россия,
В нем она –
История сама.
Древен он, а поглядите –
Молод,
Гостю доброму
По-русски рад!
Как улыбка, этот славный*

*Город –
Деревень окрестных
Стольный град.*

2

*Никуда не уйти из детства!
Как и в детстве,
В морской дали
Или где-нибудь по соседству
Паруса несут корабли.
Как и в детстве,
Мне снятся страны,
Что увидеть не суждено...
Может, думаете,
Устану? –
Не устану я все равно!
Мне и радостно!
Мне и яростно!
Собираюсь в дорогу я...
Не под этим ли белым парусом,
Под которым плывет ладья?*

*Мост Мирабо, так мало
похожий
на автодорожный мост
костромской.*

*Восемь мостов Мирабо в
Париже,
а в Костроме – полтора моста.
Можно, конечно, еще быть
ближе,
но это неважно в пределах сна.*

*Да и в других пределах неважно,
но,
насколько банален на Волгу вид.
Явь беззащитно приснится
дважды,
и ранка зажившая закроется.*

*Если попробовать жить
любовью,
устанешь оглядываться на
листву...
Но это во сне, а нам с тобою
приходится жить иногда наяву.*

*Может, сумею запечатлеть я
предгрозовую изнанку сна.
Листьями третьего
тысячелетья
вся Муравьевка занесена.*

ЖУРАВЛИНЫЕ ПЛЯСКИ

* * *

*Милая малая родина,
Мой незабываемый край,
Сколько по светлой пройдено –
И диво: повсюду рай!*

*Пройду я дорогой тряской
Туда, где чуть-чуть светлей,
Чтобы увидеть пляски
Вернувшихся журавлей.*

*Дороги у нас тут длинные,
А вот для меня – одна!
И родина журавлиная –
Это моя страна!*

* * *

*Годы старят, старят годы...
Пусть тоска сосет меня,
Волжской крепкой я породы,
Хоть корма уж не в коня.*

Пусть в морщиночках, и все же
Взглянь-ка, сладкая, в лицо:
Я еще такой пригожий!..
Приходи-ка на крыльцо.

* * *

Кусты и ты. Еще – дома.
Я медленно схожу с ума
От звезд и губ, от глаз и взгляда...
И вдруг – сияние во мгле,
Как будто в брызгах звездопада
Припали небеса к земле.

* * *

Случайно я забрел сюда,
В багряный шорох краснотала.
Где, по приметам, не ступала
Нога людская никогда.
Никем не тронута вода
Ручья, звенящего на гуслях...
Я к ней губами прикоснулся,
Случайно забредя сюда.

* * *

Соловей...
И небо раскололось.
Рассытая звезды надо мной.
И меня волнует этот голос,
Голос стороны моей родной.
Пахнет земляникой и грибами,
Пахнет недоступными губами,
Пахнет детством...
Радостью лесной...

Татьяна ИНОЗЕМЦЕВА

* * *

Живу, не претендуя на уют,
Кляня несовершенство
 мироздания
И охая: опять по сердцу бьют!
Но памятник не ставят за
 страдания.

Жизнь позади. Осталось дней –
 щепоть,
А душу жжет несказанное
 слово.
Продли мои страдания, Господь,
Еще я для молчанья не готова.

* * *

Вновь кто-то бесится на этом
 свете с жиру,
А кто-то горем неизбывным
 пьян,
И слезы все, невидимые миру,
Сливаются в огромный океан.

Безбрежная слеза звезду качает,
Из берегов выходит, восстает...
А рядом жизнь со смехом тех
 венчает,
Кто прожигать ее не устает.

* * *

Февраль заносит первый след
 ребенка
И санный след на кладбище. Ему
Не все ль равно, под ноги дуть
 кому?
Так времени суровая поземка
Жизнь поколений сводит к
 одному.

И все-таки, и все-таки, и все же
Мы вечно спорим, лезем вон из
 кожи,
Клянем непредсказуемость дорог
И в завтра прорастаем из
 тревог,
Из старых правил да из новых
 бед –
Все лишь затем, чтоб
 повторился след.

Приходит срок, и рвется там,
 где тонко...
Но вечно торжествует след
 ребенка!

* * *

Душа мурлычет и ликует,
А много ль надо для того?
Счастлива по тебе тоскуя,
Проснуться – только и всего.

Прижаться мысленно щекою
И обмирать в восторге: будь!
Так много света и покоя...
Попробуй этот день забудь!

* * *

Пусть посмеются надо мной...
Я и сама бы посмеялась,
Мне только это и осталось –
Иронизировать самой,
На все в сердцах махнуть рукой,
Купить билет туда, где росы,
Где скот пасут великороссы
И знойный царствует покой!..

* * *

Прочь от компьютерных работ –
Косить цветы, топтать поляны,
Ходить в заросшие деляны
И наслаждаться целый год
Сплошным отсутствием
 забот...

Когда твоею пыткой стану,
Не отведи рук от огня.
Не пощажу на сердце рану –
Мой милый, выдержи меня!

Мои шипы сочатся ядом,
Но не бросай, в сердцах кляня,
Молю на крик похожим взглядом –
Мой милый, выдержи меня!

С другой ноги я завтра встану,
Твое терпение ценя,
Жечь нежным зноем не устану –
Мой милый, выдержи меня...

* * *

Не все ль равно, какой сегодня
 век?
В любом столетии праведность
 не в моде.
Несовременен добрый человек
И все-таки неистребим в народе.

На службу недоходную спешит,
Не о себе заботясь, а о ближних.
Боится деформации души
Сильней, чем смерти. Потому и
 выжил.

ФАЗЕНДА

Записки дачника

Прожив до пятидесяти лет в городе, я купил дом в деревне. Препжний хозяин был горожанином, он коротко объяснил, где находится рычаг, отключающий энергию, и как оформить страховку в сельсовете, и отбыл. Меня привлекло пространство вокруг дома: в этом пространстве, кроме меня, никого не было. Очарование этого пространства трудно передать словами, но если одним, то – много воздуха. Вообразите несколько домов, отстоящих друг от друга на почтительном расстоянии, мой дом – крайний, дороги дальше нет, перед домом – река, позади лес и начинающееся неподалеку озеро. Глухомань, тишь; безлюдье, дикость... Это хутор. Когда-то в нем было восемнадцать дворов, осталось пять. Часть домов перевезли, часть порушилась. Мечта дачника! И живут в нем только дачники: крестьянину здесь трудно без магазина и транспорта.

Мне нужно было протопить печь, чтобы к вечеру кирпичи нагрелись и, таким образом, я мог бы переночевать. Я представил, как таскаю дрова, укладываю их на под, как открываю заслонку, круглый, совершенно от сажи блин, как горят дрова, и все это растягивается на полдня, включая битые кочергой по головешкам или шипение их в ведре, и – побежал к реке. Лучше накроюсь двумя пальтошками, уж не окоченею за ночь, хотя на воле было теплее, чем в избе.

Было Первое мая. Народ шагал с флагами и транспарантами, толпился, кучился в городах, а я стоял на берегу реки и смотрел в воду. Плыли запоздалые льдины и бревна, вода стремительно скользила куда-то вбок, булькала и тихо стояла. Мое внимание привлекло огромное бревно: оно силилось уплыть, но, прихваченное береговыми кустами, не могло оторваться от них. Видимо, по этой реке

пускали сплав; когда я ехал сюда, то заметил в соседней деревне груды распиленных прямо на берегу чурбаков и слышал сопровождающий их треск бензопилы – крестьяне пользовались тем, что им оставляла река. Бревно было такое полное и большое, такое красивое в своей бревнистости, что я не выдержал и сходил за двухручной пилой; во мне проснулся добытчик. Я был в резиновых сапогах, зашел прямо в воду и принялся отпиливать ровно столько, сколько мог унести; работа эта, такая необычная, мне страшно понравилась. Я занимался ею впервые в жизни. Пила мягко ходила в воде, опилки (это оказалась береза) уносились течением. С непривычки я быстро вспотел и выбросил на берег кепку, но остановиться не мог, настолько велико было искушение допилить до конца и посмотреть, что из этого получится. Чурбак получился гладким, срез великолепным, и на этом чурбаке я сидел летом в тени, когда выпадали минуты отдыха. Второго чурбака не получилось: береза, пока я относил первый, уплыла. Я помахал ей вслед: спасибо за необыкновенные минуты! Позже, когда вода спала, я обнаружил в заводях и бочагах с десяток двухметровых бревнышек и, так как они никому здесь не были нужны, перетаскал их поближе к дому и приспособил под изгородь.

Река не отпускала. Мягко, властно и сильно катила она под едва видимый уклон свои воды, они прибулькивали в водоворотах у береговой кромки, и на эту картину на первый взгляд бессмысленного, но в то же время вечного обновления можно было смотреть часами. Чувство суетливости, свойственное горожанину, и мне в том числе, развернуло меня вдоль реки и сообщило движение в том же направлении. Я двинулся против течения, недоумевая, почему та-

кую великолепную картину никто не видит, и, обдуваемый легким ветерком и пригреваемый сбоку неярким солнцем, прошел примерно сотню метров. Где-то в глубине души мне даже хотелось, чтобы я был здесь один, один и еще раз один. Из чувства мести, что прежде меня родное правительство не подпускало на пушечный выстрел к деревне, а сейчас, пожалуйста, дает возможность купить развалюху и жить. Из этого запрета ничего, кроме бедности, не извлекли, деревня стала чахнуть, дома заколачиваться, горожанин ударился в пьянство. Новое правительство исправило ошибку, оно, как и всякое правительство, наделает своих ошибок, но пока я радуюсь тому, что есть: стою один посреди леса, неба и воды, я этого хотел, мне повезло.

* * *

Мои робинзоновские мысли вскоре были нарушены, и я даже обрадовался, что здесь не один. Вдоль нижней кромки берега, у самой воды, бегал человек в фуфайке и резиновых до колен (болотных) сапогах. Он наклонялся к воде и на короткий момент застывал, вытянув вперед руку, после чего быстро перебирал, как я понял, леску. Он ловил рыбу. Я спустился к нему. Мы познакомились.

- Новый дачник, - догадался он, назвавшись Виктором. На вид Виктору было лет сорок.

- Отец с матерью на огороде пластаются, - сообщил он, - а я его терпеть не могу, да и смотри, какой клев.

Клев был отменный. Виктор не успевал, хотя удочки, я насчитал девять, стояли на небольшом пятатке метров в двадцать. В целлофановом пакете, который висел у него на правом бедре и хлопал при движении, лежал большой лещ и много крупных сорожин. Удочки были донные, то есть со свинцовым грузилом на конце, одним-двумя

крючками, а вместо поплавок – белый ролик от электропроводки, хорошо различимый на фоне желтоватой воды и тяжелой ровно настолько, чтобы провисала леска. Эти ролики то и дело «кивали», но, поскольку Виктор не успевал, то рыба у него сходила, унося наживку. Я заметил ему, что меньшим количеством удочек он добьется больше, но он не ответил. У меня уже выработалась привычка схватить явление в его гармоническом единстве, и все, что не вписывается в гармонию, без сожаления отбрасывается, Виктору такая мысль, видимо, не приходила в голову, и он, похоже, обиделся. Я посидел еще для приличия, спросил, чем занимаются родители на огороде, и пошел к своей избе.

Пока я шел, мысль о приоритете гармонии буквально растаяла на моих глазах. Эта мысль годится для привыкшего очерчивать свой круг нишей, в которую он заползает на ночь, работой, в стенах которой проходит день, и т. д. В деревне люди проще понимают свою задачу: здесь командуют земля и вода, то, возле чего люди кормились и кормятся тысячи лет, короче, в цене производство простого продукта. Несомненно, встреченные мною дачники одеревенели, они не гуляют, не смотрят на небо, «не мыслят», как я, а работают. Земельный участок уже вскопан, старики сажают редиску, лук и морковь, готовят к посадке картофель, а сын, хотя и говорит, что огород не любит, свою долю в него вложил и теперь ловит рыбу, на хорошую уху выйдет. Я вошел в избу, вскрыл банку рыбных консервов и посмотрел на свой участок из раскрытого окна веранды. Он был довольно большой, но запущенный, забор местами повалился. Виднелись очертания нескольких грядок, в том числе с десятком кустиков клубники, многолетнего растения, остальное было, что называется, степь да ковыль. Забегая вперед, скажу, что в основном летом я занимался тем, что обкашивал свой участок, а траву отвозил молочнице, чему та была несказанно рада. Пришлось мне купить косу, отбить ее специальным молотком на бабке, наточить длинным узким бруском, ну, а ко-

сить я, слава богу, умел (должен же я хоть что-то уметь!). Жена недоумевала: зачем я этим занимаюсь? Но потом оценила мои усилия: контакт с молочницей окреп, летом мы купали молоко беспрепятственно, хотя желающих его купить, я видел, достаточно. Причем это не то молоко, что в городе, беленькая водичка, а прямо из-под коровы, поначалу даже невкусным показалось. Но выпьешь пол-литровую банку вприкуску с хлебом и сыт полдня.

Мои косцовские качества заметил и проезжавший на газике молодой председатель колхоза. Остановившись однажды, он спросил, не покошу ли я для фермы из расчета восемьдесят рублей за тонну, на что я с грустью отвечал, что годы мои уже не те, а лет двадцать назад это было б вполне возможно. Мы стояли с ним посреди моря травы, по канавам, бочагам, полянам ее росло чертова уйма, и вся она пропадала.

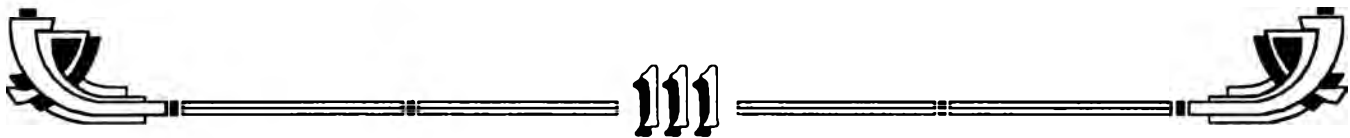
Поковыряв консервы и отпив глоток лимонада, я заметался по избе, роясь в рюкзаках, находя, к своей радости, крючки и моток лески. Мне захотелось сразу по крайней мере два дела сделать: поймать рыбу и вскопать огород. Начну, думаю, с рыбы, пусть земля пообсохнет. Я в течение часа изготовил пять донок, нашел у прежнего хозяина внизу, в мастерской, ролики для поплавков, накопал червей и отправился к реке. Она была прекрасна в своей могучей первозданной красоте. Словно играла могуществом, и не верилось, что в ее толще водились какие-то твари, именуемые рыбами. Но сорога шла на нерест, и, хотя клев ослаб, я поймал с десяток штук. Виктор все так же месил грязь, не желая расставаться ни с одной из своих удочек, а я в сторонке от него развернул две штуки (вполне хватило) и попросту учился ловить. В основном выдергивал пустой крючок. Поклевка у сороги разовая и быстрая, второй не жди, нужно тотчас подсекать. Пока я составил впечатление о повадках этой рыбы, время склонилось к вечеру. Доев консервы и допив лимонад и так и не протопив печки, я устроился на лежаке, накинув на себя все имеющиеся паль-

тушки. Было как-то стыло, сиро. Я не привык оставаться один, но в то же время чувство одиночества не возникало. Представил, как жена сейчас чистит зубы на ночь и моет ноги в тазу, а потом понуждает дочь к тому же, и улыбнулся. Здесь такой возможности нет. Надо разыскать рукомойник, где-то я его видел. И кусок мыла взять из машины. Постепенно я согрелся. Поплыло мимо меня бревно, то, утреннее, проскакал Виктор с мешком на бедре, запах рыбьей чешуи коснулся ноздрей, ноги, везде месившие грязь, перестали гудеть, я заснул коротким и крепким сном.

* * *

Утром я разыскал рукомойник, приспособил его во дворе, но умыться пошел на реку, потому что тащить этот мойдодыр туда и обратно не имело смысла. Твердо решил протопить печь, чтобы выгнать стылый воздух избы. И еще: вскопать хотя бы одну грядку, чтобы в следующий приезд посадить редиску. Но как только я увидел реку... Опять я ловил добрую половину дня, терял крючки и рвал леску, и к десяти первым рыбным прибавил десяток вторых. К Виктору не подходил, и он ко мне тоже, и встретивший мы с ним лишь глубокой осенью на озере. Будем ловить карасей на поплавочную удочку, он все так же будет жаден и неумен, две его собаки будут рычать на меня, а пришедшая за рыбой старушка мать вздрагивать при каждом движении моей удочки.

Когда я пообедал всухомятку, мне пришла мысль починить скворечник, он висел на одной из двух высоких берез. Прежний хозяин мимоходом заметил, что у него отвалилось дно. Скворцы уже прилетели, и я решил сделать скворцам подарок. Найдя в пристройке длинную лестницу, я взобрался на березу, полюбовался окрестным видом с высоты, но скворечник, едва я открутил проволоку, с помощью которой он был привязан к стволу, развалился на руках, до того он был ветх. Мысль о подарке заставила меня распылить полированную тумбочку, стоявшую под лестницей. Новый скворечник получился таким изящным, что его

впору было вешать в городской квартире. И входное овальное отверстие удалось выдолбить стамеской, и шесток приспособить под ним, но скворцы и не думали в нем поселиться: полированные бока их отпугивали. Об этой моей промашке мне сказал летом пастух, который гонял стадо мимо моей избы и иногда заходил попить. А еще я прибил сверху кусок цветастого линолеума, чтобы привадить птиц; оказывается, птицам ничего этого не нужно, я понапрасну испортил тумбочку. Им больше подойдет жилище в виде дупла, для этого надо сделать дуплянку: выдолбить сердцевину чурбака, дно и верх накрыть куском толя, и скворечник готов! Мой провисел без птиц все лето, осенью я решил его снять, но забыл.

* * *

Майский день хоть и велик, но не бесконечен, а мне хотелось доехать до города засветло. Во-первых, дорога, во-вторых, фары. Как только я включал фары, у меня садился аккумулятор. Или проводок где-то оголился и замыкал на массу, или реле-регулятор выводил аккумулятор из строя, перезаряжая его. «Запорожец» мой был из серии «с ушами»: крепкая, но допотопная машина. А что касается дороги, то это бывший асфальт: сто метров глади и двадцать – ям, не знаешь, какой режим езды выбирать: медленный, быстрый или рваный. Я с гордостью задирал голову вверх, любуясь полированным скворечником, выпотрошил рыб, чтоб по приезде сварить уху, и, лишь заведя мотор, понял, что не тем занимался. Нужно было в первый день прокопать дренажную канаву для отвода воды с участка, а во второй – договориться на ферме насчет навоза. Как это делается и какова форма расчета, я был наслышан. Главное здесь – земля. Пока не решишь вопросы с землей, другим заниматься невозможно, просто стыдно. С этой мыслью я уехал.

В городе трепетали на ветру кучмачовые стяги. Народ отпраздновал, напился, наелся и кучками собирался на автобусных остановках, молодежь нетерпеливо ловила

такси. Меня поразил женский каблук. Каблук, женская нога в капроновом чулке, мини платье... Для чего это? Как далеко ушли люди от земли, что соприкасаются с ней лишь каблуком... Да и то по асфальту. Искусственная жизнь с ее игрой в тщеславие совсем вытеснила натуральную. Желания изменились, много условностей, суеты, ложных правил. Каблук – одно из них. Но красивый каблук глаз против воли отмечает, красота, пусть искусственная, давала о себе знать. Перегруженный впечатлениями, я подъехал к дому, взял пакет с рыбой, и был встречен как победитель.

На бесчисленные вопросы жены и дочери (как там?) я почему-то отвечал кратко, словно боялся не много обронить из того богатства, которым обладал. Я готов был ответить, но не словами, а какими-то другими средствами, но какими? Слова были бессильны, а взгляд ничего не передавал, а лишь усиливал нетерпение поехать самим туда и все посмотреть. И вот свободных два дня, в том числе и девятая мая, две лопаты, семена редиски у жены в руках, дочь с котом уже устроились на заднем сидении, я включаю зажигание, мы трогаемся. Теперь все выходные, вплоть до летнего отпуска, мы будем уезжать из города, наши соседи по лестничной площадке в шутку будут называть нас «садистами» (имеющими сад). Жена была на хуторе глубокой осенью во время купчей, лежал снег, дом мы осмотрели бегло, хозяин оказался жадным, заломил большую сумму, и первым делом ей захотелось убедиться, а не много ли мы переплатили. Мы приехали, я выгружал снесь и таскал ее в дом, дочь увлеклась необычным поведением кота, который выследил мыш, а жена ходила вокруг и прищелкивала языком. «Тысячу рублей!» - наконец сообщила она.

Солнце набирало силу, дул легкий ветерок, в душе рождалось романтическое чувство любви к тому, что нас окружало, разговоры о деньгах не имеют ни конца, ни начала. Чтобы довести эти разговоры до конца, не хватит человеческой жизни, а если вести их по-

стоянно, то она укорачивается. Если я буду возражать жене, что мы заплатили недорого, или возьму компромиссную сторону, мол, перебьемся как-нибудь, долг с нас сразу не требуют (нам пришлось занять), то денежный вопрос заберет у нас один из двух дней. Заберет – ладно, отравит – вот что. Поэтому неприятное надо переживать сразу, вдвоем и быстрее. Да, мы лопухи, переплатили тысячу рублей за развалюху, но во время свершения купчей я взял жену с собой и очень хорошо сделал. Не возьми я ее – она бы сейчас меня пилила с большим удовольствием. Но сейчас досада от ошибки распределяется между нами поровну, осознание не критическое, а совещательное. Голос у жены спокойно-досадливый. Самое разумное – встать на ее сторону.

– Мы и за автомобиль переплатили тысячу, вспомни-ка? Своими глазами видел, как в коммиссионке кассир написала: в «госбюджет».

Действительно, был такой случай. Прежнему хозяину «Запорожца» государство выплатило старую сумму, а мне продало за новую, потому что перед этим оно повысило цены. Ладно бы повысило на новые машины, но на старые-то зачем. В итоге мы купили старую машину по цене новой.

– Потому что дураки, – констатирует жена.

– Вовсе нет, – парирую я, – это отношение государства к интеллигенции. Мы ему не нужны. Машины, садовые участки, продовольствие где оно прежде всего распределяет? Среди тех, кто ближе к рулю сидит, дальше – среди передовиков производства, инвалидов и т.д. Все попытки купить «Запорожец», вспомни, кончились ничем. Пришлось взять подержанный. Но государство здесь выступило жуликом, теперь частник жульничает, потому что то же государство двадцать лет не разрешало покупать дома. Все связано: одного без другого не бывает.

– Представляешь, сколько нам вкладывать еще в этот дом? – продолжает жена разговор.

– Сын поможет.

– Жди, ему учиться четыре года.

Я чувствую, жене, чтобы успокоиться, надо найти козла отпущения. Обычно в этой роли выступаю я. Государство для этого не годится, потому что мы столько молились на него и пели дифирамбы, что не можем об этом подумать. Сын отслужил в армии и продолжает учебу в консерватории, он далеко, а я рядом.

– Мы не дом купили, не дом, понимаешь?

– А что же?

– Место.

– Место?

– Место под солнцем, и на этом месте стоит дом.

– За две восемьсот. – уточняет жена.

– Далась тебе деньги; много ли нам осталось жить?

Разговор иссякает. Позже, где-то в середине лета, когда термометр в тени показывал 33 градуса, жена, стоя по грудь в воде и испытывая невероятное блаженство, призналась: «Хорошее здесь место». Я посмотрел на играющих на песочной косе детей, нырнул поглубже, чтобы охладить напекшую за день голову, а вынырнув, ответил: «Что я тебе говорю?».

* * *

Меня подмывало сбегать к реке и поставить донные удочки, но пришлось взять лопату и открыть огородную калитку. Чернели лишь две грядки: одна с клубникой, вторая – с морковью (перекапывая ее, я находил красные хвосты), остальное – белесое от прошлогодней травы поле.

Почему-то я сразу все вспомнил... Ведь у нас был огород, когда я был маленьким. Вспомнил истовое отношение к земле родителей, к тому кормящему клочку, который должен быть вскопан, ухожен, полит и обязательно в сроки, иначе душа спокойна не будет. Нам с братом, если мы не вписывались в русло этой истовой опеки над землей, доставались крики, подзатыльники, увещевания. И что же? Погрузив лопату в землю, я буду делать то, что делали когда-то мои родители, и буду делать это хорошо, по-другому не умею. Грядку я вскопал, попутно выбрасывая коreshки сорняков, пробороновал,

обстучал с боков тыльной стороной лопаты, а жена приготовила семена редиски. И тут мы задумались: так сажать или с навозом? Конечно, с навозом, Чувствуется, земля давно не удобрялась, но где его взять? На ферме, в двух километрах отсюда, мы проезжали мимо. Но если брать навоз, то сразу на весь огород.

Надо идти в контору колхоза, выписывать, платить... Но в воскресные дни контора не работает, значит... И тут я увидел на дороге тракторную тележку, полную того самого жизненного товара, которого мы так вдруг возжелали, выбежал, остановил и, перекрывая шум двигателя, объяснил... Сидевший там мужичок с бесовскими глазами крикнул: «Нет проблем!» – и знаками показал символическую форму расчета. Но это привез он на следующей неделе. Не доехав десяти метров до изгороди, трактор тогда забуксовал (низкое место), пришлось навоз сбросить на траву (но все равно радость была: мы это сделали!). А сейчас мы решили поступить так: с целлофановым мешком съездить на ферму. Для одной грядки хватит. Осторожно обошли всю ферму, я заглянул внутрь – ни души... Несколько коров лежало на полу. Даже спросить не у кого, можно ли взять. А навозу пропасть, вся ферма в навозе. И тогда, как это водится на Руси, мы быстренько напихали в мешок, короче, своровали.

Редиску посадили. Жена спрашивает: «На чем разогреть обед?» – «Откуда я знаю», – хочется ответить, но меня здесь принимают за главного, значит, надо действовать, а не отвечать. Без мужчины в деревне не обойтись. Придется стать мужчиной в прямом смысле этого слова. Прежний хозяин оставил баллон с газом, я подключаю его через редуктор (плита есть), и вот уже кастрюля с супом на плите, женщины мои радуются при виде синенького ободка пламени... Но проблемы возникают чуть ли не ежечасно. Где же взять воду? Питьевую – в соседней деревне. В чем? В ведре. Ведра мало. Нужен бак литров на сорок. Записать: бак. Что еще? Мыть посуду. Где?

В придорожной канаве, там довольно чистая вода. Выбрасывать остатки пищи куда? Надо вырыть яму за забором. Беру лопату, чтобы вырыть эту яму, но срочно нужна питьевая вода, значит – ехать в деревню за водой, заодно и с молочницей познакомиться. Молочница – важная фигура, при знакомстве нужно произвести приятное впечатление. Но это не городское приятное впечатление, которое создается хорошей одеждой, светским разговором и учтивыми манерами, а деревенское приятное впечатление, подкрепленное, скажем, мешком травы для буренки, которая с допайка и нам даст молочка. Ведь его, беленького, парного, в деревне раз, два и обчелся; всего две коровы, из них одна яловая. Значит, мне нужно не лопату брать, а косу. Я беру косу, и первая нежная травка пополам со старой, сухой, ложится рядками. Это не трава, а скорее символ, но он необходим.

Как мне потом говорили, молочницу я сразил. Никто и ни в какие времена из ее клиентов не доставлял ей травы. Женщина, довольно суровая, потерявшая на фронте мужа, пенсиснерка, держащая корову ради детей и внуков, живущих от нее за двенадцать километров, не знала, как откликнуться на этот, в сущности, пустяк, растерялась. Поначалу за молоко не хотела брать, а когда я настоял, вынесла для дочери несколько теплых пирожков с яично-луковой начинкой. Сам того не зная, я попал в самую точку. Но понял это много позже, когда увидел ее однажды, согбенную, идущую со стороны леса с корзиной, набитой травой, и торчащим из этой травы серпом. А сейчас мы стояли на высоком крыльце, сблизившиеся, остывающие от взаимных неприятных подарков.

– Так вы и косить умеете? – удивленно спросила она.

Я кивнул, но посетовал на десятый номер косы, слишком большой для огорода. Она пошарила в застрехе и вытащила тоненькую, узенькую литовку, шестой номер.

– Вот, – сказала она, – возьмите.

Так мы подружились с Ангелиной Павловной. В огороде и на скотном дворе был порядок: навоз лежал аккуратной горкой, за металлической сеткой пищали цыплята, ходили важные большие птицы, черные с красным (индюки), и еще я заметил несколько ульев в саду. Ангелина Павловна оказалась мастером на все руки в своем небольшом натуральном хозяйстве. Каждый раз, беря молоко, я с удовольствием осматривал ее усадьбу, где все делалось как бы само собой, и не удивлялся молодым глазам на немолодом лице.

Надо было что-то делать с остатками земель на огороде. Я решил ее вспахать плугом. Договорился с проезжавшим мимо трактористом, он пообещал через два дня, но с условием, что я разберу плетень ему въехать. В мое отсутствие тракторист побывал (плетень разбирать не потребовалось, и ниже станет ясно почему), но, кроме большой безобразной ямы, других следов не оставил. По следам я догадался, что он едва не погиб здесь: низкое место, гусеницы вязнут. Пришлось мне взяться за лопату. Но это было позже, а сейчас надо сжечь прошлогоднюю траву, решил я. С необычайной легкостью бросил я зажженную спичку: белый дымок, легкий треск – и густая, как шапка, трава занялась. Подул ветерок, огонь с нарастающей быстротой двинулся в глубь огорода. Через минуту он достиг середины, и только тут я понял, какую глупость совершил. Надо было зажигать с противоположной стороны, сейчас сгорит не только мой забор, но и сухой березовый колок, а потом – неизвестно что. Я заметался позади огненного вала, пытаюсь вызвать встречный огонь, но он был слаб: тогда я схватил ведро и стал поливать плетень, чтоб удерживать огонь в пределах огорода. Целый час я бегал с ведром, гася горящие головешки, с задачей справился, но плетень потерял. Жена с дочерью смотрели с изумлением. Я предстал с опаленными ресницами, грязным лицом и дымящимся ватником. «Что бы еще такое сделать?» – ляпнул я в наивысшей точке огненного сражения, и

был отправлен топить печку. Там огонь был заранее укрощен, а стало быть, неинтересен. Я подкладывал дрова и приходил в себя.

Утром по обыкновению я встал раньше всех, огород приятно чернел на большой площади, но я отправился ловить рыбу. С этого дня намечается некое установление порядка: час-два на реке, потом завтрак и огород. Потом обед и опять огород. Земля притягивает все сильнее, и от этого притяжения некуда деться. Уклониться можно, но деться некуда. Во второй день вскопали с женой несколько грядок, удобрили их, посадили морковь, репу, свеклу, лук. У меня были куплены две лейки – одна большая, вторая поменьше, я таскал воду из канавы, а жена с дочерью поливали грядки. Этот рядовой факт запомнился нам как некая трудовая идиллия. Впервые мы трудились вместе. В городе это не удается. Такое впечатление, что там трудится в основном жена. Я не имею в виду работу (мы преподаватели), а то, что после нее. Обычно жена идет на рынок или стоит в очереди в магазине, потом готовит нам, а мы, в лучшем случае, я – вымою посуду, а дочь – вынесет мусорное ведро. И все. А здесь... Для каждого есть точка приложения сил. Покидаем мы хутор с умиротворенным чувством: часть души как бы приросла к нему. На меня по-прежнему сыплются заказы (жена просит благоустроить туалет изнутри – он у нас стоит отдельно от дома и имеет неказистый вид, а дочь просит качели, турник или гамак, что-нибудь одно из трех, а лучше все сразу), а я думаю о двух ведрах картошки, которые куплю на рынке для посадки... Мысль простая: трактор вспашет целину, я разобью комки земли, пробороню и посажу. Приеду на неделе с картошкой и за день обернусь.

* * *

Приехал. Посредине котлован, где тракторист забуксовал. О посадке и думать нечего: огород фактически открыт, потому что плетень сгорел, а здесь гоняют стадо, могут забрести коровы, истоптать землю.

Прямо не знаю, за что взяться. Плетень придется оставить до сына: неразумно заниматься плетнем, не подняя землю. Беру лопату, надеваю рукавицы и вонзаю штык. Мне приходит счастливая мысль о двух картофельных грядках. Если я сейчас их разобью, то это составит половину огорода. Гряды получаются большие, но я буду занят, скажем, грядой № 1, а потом перейду на грядку № 2. Так я и поступаю. Земля довольно рыхлая, но сверху слой дерна, очень крепкий. Принимаю решение снять дерн, рассыпать слой навоза и перекопать. Лопата принимает горизонтальное положение. Отношу дернину к плетню, складываю: пусть перегниет, потом использую как полудобрение. Неожиданно обнаруживается слабость моей поясницы. В согнутом положении могу работать, а разогнуться не могу. Разгибаюсь медленно, поэтапно. В один из таких разгибов, когда не отвлекает хруст лопаты и сердце не колотится, я услышал странный, дошедший сверху звук. Будто кто-то дотронулся до слабо натянутой струны. Я уже привык, что из леса доносится пение, щебетание, чириканье, но этот мой слух уловил впервые. Постояв несколько минут неподвижно, я опять был награжден звуком струны и увидел быстро пролетевшую птицу с растопыренным хвостом. Видимо, звук издавался хвостом. Я запомнил эту птицу, а вскоре и привык к ней, потому что до половины июня, пока я возился с посадкой картошки, она летала надо мной и струнчала. Афанасий Сидорович, сосед, сказал мне, что это бекас, точнее, самец бекаса, так он привлекает самку.

Да, на этом хуторе живет наш добрый знакомый, здоровяк-пенсционер Афанасий Сидорович, который шефствует над нами. Это он посоветовал нам купить дом, а когда мы засомневались, хватил ли денег, дал займы. Когда-то мы были у него в гостях, место нам очень понравилось, и он-то наше состояние запомнил. Едва намечалась возможность купить, он тут же позвонил нам. Он не скрывал своих намерений: хутор маленький, и лучше, если в нем будут жить люди знакомые, чем незнакомые. И так,

мы попали в разряд симпатичных Афанасию Сидоровичу людей и по этой причине очутились здесь. Корни этой симпатии выявятся позже, а сейчас невозмутимый, крепкий, истовый огородник, Афанасий Сидорович пожаловал ко мне, потому что один из проезжающих трактористов сообщил обо мне нелестную информацию: мол, новый дачник посреди пашни смотрит в небо, и это все, что он умеет. Мы оба посмеялись тому, как я слушал бекаса, Афанасий Сидорович одобрил мои действия, но обратил внимание на короткий черенок у лопаты, благодаря которому и устает поясница. Напрасно я купил лопату с поперечной ручкой, сказал он мне, штык и черенок лучше купить раздельно, а потом насадить. И вот тут, в соответствии с моим ростом, мне необходим длинный черенок. Я спросил его, как мне лучше распланировать участок, он улыбнулся: «Как бог на душу положит». В июле он подарил мне сто кустов малины, подарок, который заставил нас с сыном два дня, не разгибая спины, сажать ее. Но именно малина, высаженная буквой «П» вдоль забора, и придала участку законченность и подобие огорода; появилось желание высадить смородину, крыжовник и черноплодную рябину, и место посадки наметилось само собой. Но это будет в конце августа, а сейчас я срезал дерн и отнесил к забору, и на это ушел день.

* * *

Едва я приехал на хутор, как у меня начинала болеть голова. Давала о себе знать смена воздуха. Я дышал реже и глубже. Но голову сдавливало обручем. Постепенно боль рассасывалась, уходила куда-то, наступало приятное облегчение. Просыпалось желание физической работы. А как только я подъезжал к городу, воздух все больше заменялся на технический, как бы бывший в употреблении. И хотя город наш не широко промышленный, но какая ощущалась разница! Не хотелось дышать этим воздухом, но приходилось. И тогда я дышал коротко и без всякого желания. Физически я уставал, что

понедельники превратились у меня в дни без эмоций, разговоров, не говоря о юморе. Я их тихо доживал до вечера, чтобы скорее кончиться головой подушки. Моя жена стала интересоваться продающейся на рынке рассадой. В пятницу вечером на балконе я стал замечать хвостики зелени, прикрытые мокрой тряпкой. По приезду землю, вскопанную мной под картошку, мои женщины стали захватывать под огурцы, помидоры, кабачки, тыквы. Я стал ворчать – мол, что при такой политике мы останемся без картошки: на что мне резонно заметили, что без огурцов остаться было бы еще хуже. У моей жены, блондинки, большие голубые глаза. Когда она что-то отстаивает и при этом раскрывает глаза на всю катушку, я – пас, отхожу в сторону, не споря, обдумывая другие варианты. Женщинам тяжелее на этом свете, чем мужчинам, и, бог с ними, лучше уступить. Боюсь потерять живое чудо, глаза, тем более и дочь с таким удовольствием сажает рассадку, удобряет, поливает ее. Жаль, что я здесь в качестве ломовой лошади, но надеяться больше не на кого: сын сдает экзамены, черт бы их побрал. На грядке № 2 срезать дерн некогда, я переворачиваю его, как Афанасий Сидорович говорит, мордой вниз. Мои женщины на эту гряду не претендуют, и тогда я иду за картошкой, которую давно приготовил для посадки. Но что это? Ужас... Ее съели мыши. Одна кожура валяется. А что наш Барсик? Для чего мы его сюда возим? Дочь говорит, что он ловит мышей, но не дома, а в поле. Вот так Барсик. Ловит каких-то не наших мышей. Наши мыши (потом оказалось – крысы), преспокойно грызут картошку, а Барсик их не замечает. В наказание сажаю Барсика в ведро с остатками картошки, пусть поразмыслит. Выручает чуткий Афанасий Сидорович. Он приносит переложенные стружкой клубни скороспелки, такие дивные, с такими мощными проросшими отростками, что мысль о природе поневоле приходит в голову: какая она богатая, какие произведения мо-

жет являть! Сажаю клубни с особым тщанием, как драгоценность и, конечно, на этой грядке урожай отменный. В конце июля картошка поспела, жена наварила ее, посыпала укропом, как обычно – приготовила салат, сын поймал леща, и вдруг кто-то из нас заметил, что на столе, кроме хлеба и подсолнечного масла, ничего покупного, все выращено нашими руками! Мы не выдержали и закричали «ура».

Мысль о пустующей земле не оставляла меня. Я обкашивал ее и отвозил траву молочнице. В одно из появлений в деревне я заметил колесник с однолемехным плугом, заинтересовался, оказалось, вспахивает пришкольный участок. Тракторист, молодой парень, без разговоров приехал ко мне и половину целины поднял, но застрял и вынужден был просить помощи. Его выдернули, и, таким образом, четверть огорода оказалась нетронутой, всего четверть. Была середина июня, а я все еще сажал картошку в облаке свирепо желящих слепней. Афанасий Сидорович чистых паров не признавал, и, по его совету, я засадил пары. Картошке не хватило времени для вегетации, в основном выросла мелочь (отдал молочнице), но были клубни вполне сносные. Главное было не это, а то, что я пустил землю в оборот...

ДАЧА

Рассказик на тему

– Как тебе моя дача? – спрашивает несун соседа.

– Мощная. Но почему одна половина из кирпича, вторая из железобетона. Второй этаж из древлиты, а крыша зеркальная?

– Так вначале-то я работал на кирпичном, потом на домостроительном, деревообрабатывающем комбинатах, а сейчас на зеркальной фабрике...

– А забор у тебя будет не из колючей проволоки?

– Не люблю грубых намеков, – обиделся несун и ушел в сарай из полированных досок.

Борис БЕЛОВ

НА ЛЫЖАХ. ЯНВАРЬ

Рука поднимется, и палка
Сама ударит, как боек, –
и Волга лопнет поперек,
и малых трещин перепалка,
как стая галочья, слышна.
Однако тот глубокий, влажный
разрыв глухой и вздох протяжный
все вспоминает тишина.

АПРЕЛЬ

Позвякивая и шуриша,
у потеплевших берегов
он разрушается, минуя
неразбериху ледохода.

Кристалл имеет вид ножа:
как будто тысячу клинков
вогнали в толщу ледяную.
Зачем? Соблюдена свобода.
Он таял исподволь, измором,
он сам в себе ослабевал –
я приходил к нему,
стоял
над разрушившимся простором.

ПОКЛОН КОСТРОМСКИМ СТАРУХАМ

Река – тогда она была рекой –
снесла меня, едва зашел по шейку,
но я спасен был бабой
костромской
и на плоту отплетан хорошенько.

...Все вижу: мутная вода желта,
а ноги тут же отянулись со страху,
на корточках на лаве баба та
полощет, пялит белую рубаху.

Нет голоса, пускаю пузыри...
Махну рукой... Меня на
стрежень тащит...
Янтарно-зеркальная изнутри...
Мальчишка тонет и глаза
тарачит:

весь берег солнечный, костры в
цепях,
плоты, платки – отчетливо
и колко –
телега с бочкой – мельком
второгах
и навсегда уже... Ой, Волга.
Волга!

Но ТОТ, Кто это сверху видеть
мог,
Тот бабу под локоть толкнул:
гляди-мол:
вон головенка будто поплавок,
то вниз ее, то вверх – и мимо,
мимо...

ОНА УВИДЕЛА – и в воду плюх!
В опорках, в юбке...
И сегодня в лица

я вглядываюсь костромских старух –
и каждой,
каждой
надо поклониться.

СТРАННИК

Не облаяла собака
и репейник не пристал.
Хлеб, да книга, да бумага,
да презрительный металл.

Высоко о полдень солнце.
Поклонились ячмени.
Слов немного остается:
Сохрани, Повремени...

Обогнула поле тропка.
Раздалась река Костромка.
Забелела из леска
монастырская тоска.

Службы целы, стены чисты...
Голоногие туристы
в деревянном терему,
непостижные уму.

Давит солнушко на темя,
налегает тяжело.
Время набрело на время –
слово на слово наило.

Юрий НАУМОВ

КОСТРОМСКАЯ СТАРИНА

* * *

Стоял погожий майский день.
Тепло. В аллеях парка – тень,
Любимая костромичами.
Под солнца яркими лучами,
Большому зеркалу под стать.
Внизу сверкает Волги гладь.
Напротив мило и удобно
И чем-то острову подобно
Расположилось над водой
Сплошной холмистою грядой
Заволжье, словно напоказ,
Как живописные работы,
Открыв нехитрые красоты
Садов и роц для щедрых глаз.

Над кручей дремлет храм ста-
ринный.
Легла дорога лентой длинной.
Суля заманчивый вояж.
Вон там – просторный старый
пляж...
Все так знакомо, так привычно,
Но вместе с тем и необычно.
Настолько, что находишь ты
Оттенок новый красоты
Во всем, что видишь
многократно.
И с каждым разом так приятно
Открыть, что прежде ускользало
От взоров, а теперь предстало
Пред ними теплым ясным днем
В очаровании своем

Неповторимо величаво.
Оборотившись, вижу справа
Родной истории момент:
По стилю – русский постамент,
Воздвигнутый во имя славы
И трехсотлетия державы.
Но сверху, что подъемный кран,
Торчит громоздкий истукан,
И словно на спину валится.
Не устояв на каблуках,
Стараясь тщетно ухватиться
Рукой за что-то в облаках.
Творцы шедевра постарались:
В нем идеально сочетались
И пролеткульта тонкий вкус,
И эстетический конфуз...

* * *

Я был во власти впечатлений
От мною виденных строений
Последних прошлых двух веков,
Купеческих особняков.
В них – миновавший катаклизм,
Не ослепляюще огромный,
И ненавязчивый, и скромный
Провинциальный классицизм.
Здесь соразмерность, простота
И неизменно красота.
Прямые крылья флигелей
В тени высоких тополей.
Дворов изящные ограды.
Внизу рустованы фасады.
Высоких окон стройный ряд
Имеет сандриков наряд.
За колоннадами едины
И бельэтаж, и мезонины,
Фронтоны портиков остры.
В таком три чеховских сестры
Скучали в домике прелестном,
Уютном и отнюдь не тесном,
Где неподвижна тишина.
Я помню зодчих имена.
Они известны нам доселе:
Захаров, Метлин, Алексеев,
И Воротиловы два брата
И сын прославлены когда-то.
А прежде Фурсов именитый
И по заслугам знаменитый
Своим талантом. На удачу
Он, как в сраженьях конетабль,
Решил сложнейшую задачу:
Блестяще завершил ансамбль
На главной площади. Она
Была не в пору декадентства,
Но идеала лишена
И далека от совершенства.
Он два устроил доплат
Недостающие звена.
Не мог же человек бездарный
Из нашей каланчи пожарной
Такое чудо сотворить.
О том нельзя не говорить,
Как зодчий сразу, очень смело
Внедрил искусство в прозу дела,
Основу сделав необычной.
Она по форме храм античный,
И портик классики отменной,
Не чуждый моде современной
Всегда изысканный наряд
Заполнил весь его фасад.
Проектировкой идеален,
На внешний вид монументален
Дом прежней гауптвахты. Он
С экседрой позади колонн,

Скульптурной лепкою снаружи
О славе русского оружия.
И обрамлением окон
Роскошным щедро наделен.
По верху ауттиком увенчен,
Красив, наряден, долговечен.
Отныне все преобразилось
И в ярких красках засветилось.
Борцова бывший дом – дворец,
Которого любой дворец
И для придирчивого взгляда
Мог службу выполнить фасада,
Чьей колоннады гордый вид
На сквер Сусанинский глядит,
Стоит от Пушкинских времен.
С высоким вкусом возведен
Другой шедевр градостроения –
Для дел солидных учрежденья,
Присутственных в ту пору мест.
В нем классицизма каждый

жест

С особым тщанием соблюден:
Высокий арочный фронтон,
Несомый парами колонн,
Поднятых на два пьедестала
На арках по бокам портала.
В верху которого – одно
Раскрытым веером окно
Рассечено на много долей;
Полуэтаж из антресолей
Еще ни разу не был пуст;
Замковый камень, сандрик, руст
Искусно в дело применены
По всем канонам красоты;
Сплошную тягой отделены
Этажи разной высоты...
И, примечательный момент,
Довольно прост антаблемент.
Возможно ли забыть тому,
Кто раз увидел Кострому,
Ансамбля красоты завидной
Вкруг центра формы лучевойной
И планировки идеальной,
Сугубо индивидуальной
Из всех губернских городов
Далеким памятных годов.
Все гости наши видеть рады
Когда-то модные фасады
Углами полукруглых форм
В деталях самых строгих норм,
Известных зодчим ордеров,
И зелень сочную дворов;
Террасы нашей Муравьевки
Весьма удачной планировки,
Где сквер был Фурсовым разбит,
Откуда превосходный вид
На Волгу тотчас открывался

Тому, кто в гору поднимался.
А купола четвериков,
Придя из глубины веков,
Всегда волнуют наши чувства
Бессмертием русского искусства...

* * *

Однако кончились дома,
И заблестела Кострома
Широкой водной полосой.
За ней массивною косою
Стремится в Волгу берег пра-
вильный.

Лесистый, зелено кудрявый.
Вокруг над всем царил покой.
Передо мною, за рекой,
Великолепнейший Ипатьев,
Пристаннице монашеских братий
В давно минувшие века,
Смотрелся в воду свысока.
И тихо плыли облака
Над ним далеко в небе ясном,
Таким же чистым и прекрасном,
Как много-много лет назад.
Не отвести мне было взгляд.
Невольно замер в восхищенье.
Как будто в странном сновиде-
нье

Предстало чудо передо мной.
За монастырскою стеной,
Казалось, свежесобеленной,
Густою сенью обрамленной
Дубов и лип тяжелых крон,
Одевших камень с трех сторон
В весенний праздничный убор,
Красавец Троицкий Собор,
Дождями теплыми омытый
И светом солнечным облитый,
Сиял. Лучи, играя бликом,
То янтарем, то сердоликом
Окрасят золотой покров
На пятиглавье куполов.
Дополнив красочный наряд,
Послушно выстроились в ряд
Лопатки, образуя нары.
Раскинув дуги, закомары,
Как часовые на посту,
Как будто фресок красоту,
Которых нет уже в помине,
Хранили ревностно и ныне.
Да жаль, не видно мне лица
Его роскошного крыльца
И недоступен глазу вид
Ни галереи, ни апсид.
Как пустотелье глазницы,
Темнеют грозные бойницы.
Застыли башины на углах,
Когда-то навлекая страх
На недругов Руси Великой,
Многострадальной, разноликой...

Наружу выведен фасад
 Архиреевых палат
 И служит частью составной
 Сплошной ограды крепостной.
 Посередине он украшен
 Одною из квадратных башен.
 На ней с орнаментами свод
 Резных из дерева ворот
 И барельефы: как живые,
 Хрисанф и Дария Святые,
 Казалось, смотрят на меня,
 Смиренно головы склоня.
 А словно головной убор,
 Граненый с куполом шатер
 Приумножает и хранит
 Ее величественный вид.
 По краю отдели аркады
 Прибрежной каменной ограды
 Тянулись чинно цепью длинной.
 Познав секрет молвы старинной,
 Не раз твердили знатоки,
 Что здесь, под самым дном реки,

Проделан был подземный ход,
 Который будто бы ведет
 Не на какой-нибудь пустырь –
 В Богоявленский монастырь,
 Ипатий с ним соединяя.
 Но в том была нужда какая,
 Никто из них сказать не мог.
 Про то, как видно, ведал Бог.
 Однако, как не быть печали,
 Сей ход сколь оолго ни искали,
 Повздорив с недрами земли,
 Сыскать доселе не смогли.
 Не знаю, долго ли трудились,
 Да, видно, уж угомонились...
 Далеко от размышлений грустных,
 Творенья мастеров искусных
 Глубокий смысл хочу понять,
 Не уставая повторять:
 Пусть время, часто столь
 беспечно,
 Бесстрастно, слишком
 быстротечно,

Тебя не тронет, старина.
 Ты дорога нам. Ты – одна.
 Великолепна безупречно.
 Хранима будь. Так стой же вечно.

1982-1994 гг.

(Публикуется в сокращении)

Юрий БЕКИШЕВ

БУМАЖНАЯ АРХИТЕКТУРА

(Фрагмент городской застройки)

Из пробоин в небе – пух и перья:
 серафимы, видно, гневят Бога,
 за кладбищем Лазаревским – поле,
 по полю – железная дорога.
 Дале – лес...

Туда-то и водили
 бедолаг веселые чекисты.
 Как небытия остекленевший ужас
 ныне здесь стоят цеха «красилки».

Далее – бетонные заборы –
 к узищу, откуда малолетки
 смотрят хищно, как лихие воры,
 на творенья пятой пятилетки.

Водокачка, склады, гаражи,
 баня и котельная с трубой...
 Град родной, железные тяжи
 повязали нас одной судьбой.

Если правда, что архитектура –
 музыка застывшая,

тем паче
 знать хочу, где прячут партитуры
 дирижеры типового счастья.

И еще. О золотом сеченье...
 Зодчий Шевелев глаголит тако:
 выверено Богом тело всяко,
 всяку телу – с небом сопряжение.

Населенный пункт, как мифозаканье,
 энтропия где царит и хаос,
 но сейчас я здесь воздвигну зданья:
 дом-цветок,
 дом-птица,
 дом, как парус...

Так куличик из песка дите,
 изготовив, величает замком.
 Вот сюда бы ордер на житье!
 Все отдал бы – ничего не жалко.

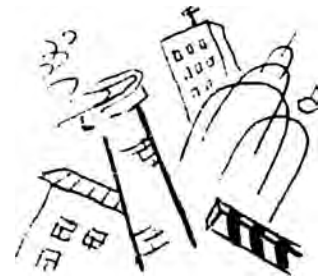
И томясь, лепил в воображение
 солнечные термы и палестры.

о д ы а р
 в о
 с о к

где гремят оркестры,
 мир из света,

воздуха,
 движенья.

А домой окраинами крался.
 как подземный житель, темным
 станом,
 чтоб никто вовек не догадался,
 что зовут меня Огюстом
 Монферраном.

Писатель В.В.Пашин.
Смеяться, право, не грешно с такой библиотекой.

А.А.Бугров и Е.А.Разумов.
Любите шахматы, поэты...

Фото Юрия Чеботарева.

Памяти Игоря Дедкова

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ И.А. ДЕДКОВА, – цикл массовых и научно-популярных мероприятий. Общероссийские, ежегодные, они проводятся департаментом культуры, кино и исторического наследия и областной универсальной научной библиотекой при участии творческой интеллигенции. Призваны способствовать развитию культурного процесса в России и Костромской области, изучению жизни и творчества И.А. Дедкова, сохранению памяти о нем, выявлению высокохудожественных публицистических и литературоведческих произведений.

Участниками чтений являются писатели, ученые, журналисты, политические деятели, люди разных профессий и возрастов из Москвы, Петербурга, Калининграда, Пскова, Владимира, Ярославля, Костромы...

Место проведения – город Кострома, областная универсальная научная библиотека, государственный объединенный художественный музей, Московский центральный Дом литератора. Форма проведения – научные конференции, вечера памяти, выставки творчества. Ведущий – профессор Костромского государственного университета Ю.В.Лебедев.

Учреждена стипендия и премия имени И.А. Дедкова (постановление главы администрации Костромской области № 161 от 15 марта 1995 года «Об увековечении памяти И.А. Дедкова»). Первая «Премия в области публицистики и литературоведения имени И.А. Дедкова» вручена поэту, литературоведу В.Н.Леоновичу за книгу «Хозяин и гость» 15 апреля 1999 года.

Людмила КАПЫШЕВА

* * *

В этом номере журнала публикуются отрывки из дневника И.А. Дедкова (стр. 132). Книга избранных «костромских» произведений из его творческого наследия подготовлена к печати и включена в издательский план к 850-летию Костромы.

В КОСТРОМСКОЙ РЕМЕСЛЕННОЙ УПРАВЕ

1834 года февраля дня мы, нижеподписавшиеся, быв в собрании Костромской ремесленной управы, ремесленники учинили сей приговор в том, что, зная положение костромского мещанина, находящегося по кузнечному цеху мастером, Алексея Иванова Архипова, и исправлявшего службы, снисходя его болезни и семейства малолетних детей его, не имущих пропитания, изъявили согласие выдавать ему из ремесленной казны в каждой месяц без возрату впредь до выздоровления по пяти рублей, в чем и подписуемся.

Старшина Андрей Захаров
Ремесленник Михаил Ермолин
За себя и за ремесленника Якова Хазова
ремесленник Иван Кирпишников
За себя и вместо Степана Прянишникова и
Алексея Шабалина ремесленник Андрей
Рыбников и другие.

ГАКО. Ф. 206. Оп. 2. Д. 61. Л. 1. Подлинник.

«...МОЖЕТ БЫТЬ МАСТЕРОМ»

Всепресветлейший, Державнейший Великий Государь Император Александр Николаевич, Самодержец Всероссийский, Государь Всемилощивейший!

Просит костромской мещанин Иван Александров Долинский, а о чем мое прошение, тому следуют пункты:

1.

По познаниям моим живописного мастерства я желаю заниматься оным производством. А как правилами об устройстве цехов в городах установлено, чтобы все занимающиеся ремеслами имели на то подлежащие от цехового управления свидетельства: на сем основании, желая подчинить себя ведомству Костромской ремесленной управы во всех по мастерству моему отношениях, Всеподданнейше прошу к сему, дабы повеле-

но было для занятий объясненным изделием, снабдить меня управным свидетельством и включить в подлежащий цех ремесленного общества. 1865 года октября дня. К подаению надлежит в Костромскую ремесленную управу; прошение сие со слов просителя писал костромской мещанин Василий Казанский. Прошению костромской мещанин Иван Александров Долинский руку приложил. При сем дополняю, что я к расколу не принадлежу.

ГАКО. Ф. 206. Оп. 2. Д. 105. Л. 149. Подлинник.

1865 года октября дня вследствие постановления общей Костромской ремесленной управы, состоявшегося сего же месяца, управный старшина сложного серебряного цеха Николай Сергеев с нижеподписавшимися сего цеха ремесленниками свидетельствовали костромского мещанина Ивана Александрова Долинского познания в производстве живописного мастерства и признали оные исправными.

Старшина Николай Сергеев
Василий Репьев.

ГАКО. Ф. 206. Оп. 2. Д. 105. Л. 150. Подлинник.

Свидетельство.

Сим удостоверяю, что представленная в Костромскую ремесленную управу костромским мещанином Иваном Александровым Долинским живописная икона, изображающая Святую Деву с Господом Иисусом, есть действительно его работа, и что он, Долинский, по своим способностям достоин звания живописца и, кроме этого, поведения он хорошего и имеет полное право на доверие к тачаному исполнению поручаемых ему живописных работ.

Октября 5 дня 1865 года.

К сему свидетельству занимающийся живописью костромской 2-й гильдии купец Нил Яковлев Литвинов руку приложил.

ГАКО. Ф. 206. Оп. 2. Д. 105. Л. 151. Подлинник.

По выслушании прошения костромского мещанина Ивана Александрова Долинского Костромская ремесленная управа

постановили:

Так как костромской мещанин Долинский по представлению свидетельства и пробной работы оказался способным и может быть мастером живописного мастерства, то согласно его ходатайству и свидетельству мастеров, выдать ему, Долинскому, свидетельство на производство живописных дел мастерства.

Ремесленный голова Василий Савельев
Старшины: Николай Сергеев, Алексей Кубасов,
Василий Милославский, Алексей Дерябин,
Василий Кривошеин

ГАКО. Ф. 206. Оп. 2. Д. 105. Л. 153. Подлинник.

«ЗА МОИМ ПОДПИСОМ»

Выдано сие свидетельство за моим подписом с приложением казенной печати вдове лейтенанта Александре Васильевне Чухачевой в том, что мною разрешено содержащую ею в г. Костроме на Кинешемской улице в доме Ашиткова библиотеку для чтения, ответственным лицом которой в соблюдении цензурных правил состоит крестьянин Костромского уезда Шишкинской волости Николай Николаев Поляков, перевезти в дом Скалозубова на Марьинской улице. Причитающийся гербовый сбор уплачен Г. Кострома Сентября 17 дня 1885 года.

Костромской губернатор Калачов.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 25. Д. 1925. Подлинник

«РАЗРЕШИТЬ ОТКРЫТЬ...»

Господину министру внутренних дел.

Костромское губернское земское собрание в заседании 18 декабря 1896 года постановило: разрешить губернской земской управе открыть центральный книжный склад в г. Костроме и филиальные отделения при уездных земских управах вверенной мне губернии и на обороты складов ассигновать из капитала обязательного страхования строений заимообразно 20000 рублей с уплатою 4 % годовых, уполномочив управу возбудить ходатайство о разрешении этого займа.

Во исполнение этого постановления губернская земская управа представлением от 24 января за № 614 просит меня означенное ходатайство представить на усмотрение Вашего Высокопревосходительства (...)

Губернатор Шидловский.
5 февраля 1897 г.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 10926. Л. 2. Отпуск.

Его Превосходительству костромскому губернатору

от Александра Федоровича Федорова
Федора Ивановича Перунова
Лидии Кесаревны Середович

Варвары Сергеевны Мариной
заявление.

Желая организовать Костромское музыкальное общество, устав коего при сем прилагаем, покорнейше просим Ваше Превосходительство утвердить означенный устав и разрешить нам открыть деятельность общества.

Технолог Федор Иванович Перунов

Дочь капитана 1-го ранга Лидия

Кесаревна Середович

Личный почетный гражданин Александр

Федорович Федоров

Жена надворного советника Варвара

Сергеевна Морица.

31 августа 1909 года.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12137. Л. 1. Подлинник.

Его Превосходительству г. начальнику Костромской губернии

дочери генерал-лейтенанта Евгении Федоровны Олоховой

прошение.

Имею честь просить Ваше Превосходительство разрешить мне:

1) открыть при моей библиотеке (Пятницкая ул., дом Михина, кв. 15) кабинет для чтения с платою для подписчиков по 3 коп. и для посторонних лиц по 5 коп. за каждый раз;

2) изменить действующие правила (абонемент), недостатки которых достаточно выяснились в пятилетний срок существования библиотеки.

Выработанный проект правил, так как и копию устава, утвержденного при открытии библиотеки, при сем прилагаю.

Олохова.

23 декабря 1912 года.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 13432. Л. 1. Подлинник.

«ПОД ЛИЧНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ...»

Его Превосходительству господину костромскому губернатору

дочери полковника Лидии Эдуардовны Паприц и домашней учительницы Александры Дмитриевны Лапотниковой

прошение.

Желая открыть в г. Костроме, в 1 части, общественную публичную библиотеку с кабинетом для чтения под нашей личной ответственности, имеем честь просить Ваше Превосходительство выдать нам на это надлежащее разрешение. Подробный адрес библиотеки будет указан впоследствии. При сем прилагаются устав библиотеки.

Л. Паприц

А. Лапотникова

28 октября 1905 г.

Адрес: книжный склад губернского земства «Костромич».

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 13741. Л. 1. Подлинник.

Костромскому полицмейстеру.

Разрешив дочери полковника Лидии Эдуардовне Паприц и домашней учительнице Александре Дмитриевне Лапотниковой согласно их ходатайству открыть и содержать в г. Костроме под личную их ответственность публичную библиотеку с кабинетом для чтения, предлагаю Вашему Высокоблагородию объявить об этом просительницам и выдать им копии с утвержденного мною устава библиотеки, а также истребовать от них и доставить в мою канцелярию две гербовые марки по 75 к. на оплату гербовым сбором прошения о разрешении открытия библиотеки и настоящего ответа.

Подписал и.д. губернатора вице-губернатор
Извеков.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 13741. Л. 3. Подлинник.

Утверждаю. Октября 31 дня 1905

Костромскаго Губернатора, Вице-губернатор
Извеков

**УСТАВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ, ОТКРЫВАЕМОЙ В Г. КОСТРОМЕ
Л.Э.ПАПРИЦ И А.Д.ЛАПОТНИКОВОЙ.**

1. Общественная публичная библиотека нами открывается с целью дать возможность подписчикам ее пользоваться чтением газет, журналов, книг, специальных изданий.

2. Для достижения этой цели в библиотеку выписываются книги, журналы, газеты и другие по временные издания, равно как географические карты, а также т.п. учебные пособия.

3. Средства библиотеки составляют: а) из платы за чтение книг, журналов и т.п. на дому б) из единовременных пожертвований деньгами и книгами в) из сборов с публичных чтений, концертов, спектаклей и т.п., дав в пользу библиотеки с разрешения подлежащего начальства и с соблюдением действующих по сему предмету узаконений и правительственных распоряжений.

4. При библиотеке имеется кабинет для чтения, где подписчики могут пользоваться книгами и по временными изданиями бесплатно.

5. Залы библиотеки открыты подписчикам для чтения книг, журналов и газет в часы нами определяемые.

6. За чтение на дому книг, газет, журналов и т.п. взимается не более 2 р. в год или 25 к. в месяц.

Примечание: Подробные условия абонемента за чтение устанавливаются.

7. Пользующиеся библиотекой подчиняются во всем правилам, составленным нами на основании сего устава. Правила эти должны быть вывешены на видном месте в читальне библиотеки.

Утверждаю 31 октября 1905 г.

И. о. губернатора вице-губернатор Извеков.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 13741. Л. 2. Подлинник.

ОБЩЕСТВО КОСТРОМСКИХ ЭСПЕРАНТИСТОВ

Его Превосходительству господину костромскому губернатору

личного почетного гражданина Александра Федоровича Федорова, жительствоющего в г. Костроме, Царевская улица, дом Т-ва Новой Костромской льняной Мануфактуры, врача Аполлона Андреевича Цветаева, жительствоющего в г. Костроме, Никольская ул., д. 55 (Наймушина) и врача Михаила Николаевича Комарова, жительствоющего в г. Костроме, Мясницкая улица, дом № 20
заявление.

На основании ст. 220-ой Правил 4 марта 1909 года имеем честь просить Ваше Превосходительство зарегистрировать образуемое нами общество костромских эсперантистов для чего при сем представляем проект устава в двух экземплярах и пять рублей для опубликования.

Февраля 15 дня 1910 года.

Личный почетный гражданин Александр
Федорович Федоров.

Врач Аполлон Андреевич Цветаев.

Врач Михаил Николаевич Комаров.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12196. Л. 1. Подлинник.

Костромскому полицмейстеру.

Губернское по делам об обществах присутствие в заседании 15 мая сего года, рассмотрев заявление почетного гражданина Александра Федоровича Федорова, врача Аполлона Андреевича Цветаева и врача Михаила Николаевича Комарова об образовании ими общества костромских эсперантистов и об утверждении устава, постановило: представленный учредителями общества костромских эсперантистов устав, как удовлетворяющий требованиям закона 4 марта 1906 года об обществах, утвердить и общество внести в реестр обществ и союзов.

Об изложенном канцелярия губернатора просит Ваше Высокоблагородие объявить поименованным учредителям общества выслать им препровождаемый.

За правителя канцелярии Н.Беляев.

10 июня 1910 г.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12196. Л. 11. Подлинник.

«НА УСТРОЙСТВО ПРАЗДНИКА ТРЕЗВОСТИ»

Его Превосходительству господину костромскому губернатору

Правления Костромского Никольского о-ва Трезвости, находящегося на Сенной ул. в д. Соколова, № 18

прошение.

Совет состоящего под покровительством Его Императорского Высочества великого князя Константина Константиновича Всероссийского Трудового Союза христиан-трезвенников исходатай-

ствовал у его *Высокопревосходительства* господина министра внутренних дел разрешение на устройство 28-29 апреля сего года Всероссийского праздника трезвости, то есть на устройство всеми отделами союза, а также всеми существующими в России обществами и братствами трезвости Праздника трезвости в районах их деятельности со сбором в их пользу пожертвований на борьбу с пьянством и продажей особых значков, а также листков и брошюр противоалкогольного содержания. Его Императорское Высочество великий князь Константин Константинович изволил принять этот праздник под свое покровительство.

Ввиду сего правление имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в Вашем разрешении на устройство Обществом 28-29-го апреля в Костроме Праздника трезвости со сбором в его пользу пожертвований, продажей значков и противоалкогольных листков и брошюр,

а также чтениями о вреде спиртных напитков. Адрес: здесь, Сенная ул., д. Соколова, № 18.

Марта 11-го дня 1913 года.

За председателя правления Т.С.Горбачев

Члены правления: К.Рунч

Степанов

Петр Ребров

Секретарь В.Ф.Андрук.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12414. Л. 150. Подлинник.

Полицмейстеру г. Костромы

Предлагаю Вашему Высокоблагородию объявить правлению Костромского Никольского общества трезвости, что мною разрешается устройство 28 и 29 апреля сего года в г. Костроме Праздника трезвости путем продажи значков и противоалкогольных листков и брошюр.

И. д. губернатора, вице-губернатор Хозиков.

22 марта 1913 г.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12414. Л. 151. Подлинник.

ВЕДОМОСТЬ

публичным библиотекам, книжным складам и лавкам, находящимся в городе Костроме в 1904 году

№	Какое заведение	Кому принадлежит	Когда и кем разрешено заведение	Какими книгами торгуют по преимуществу, русскими или иностранными, и ведется ли книгам алфавит
1.	Публичная библиотека для чтения.	Костромскому обществу клубу. Заведует учитель Костромской мужской гимназии Коробицын.	Открыта на основании п. 185 уст. клуба, утвержд. Министерством внутренних дел.	Русскими и иностранными. Каталог имеется.
2.	Библиотека.	Костромскому купцу Николаю Александровичу Сунгурову.	Костромским Губернатором 23 августа 1903 года за № 4950.	Тоже.
3.	Народная читальня и при ней библиотека.	Имени Островского, состоит в распоряжении Костромской городской управы. Заведует инспектор народных училищ I уч. Орлов.	Костромским губернатором 13 декабря 1898 года.	Русскими. Каталог имеется.
4.	По Власьевской улице, при Народном доме, городская народная читальня и при ней библиотека.	Бывшая Пушкинская, а ныне перешедшая в ведение губернского комитета попечительства о народной трезвости. Заведует старший контролер губернского акцизного управления А.В.Знаменский.	Костромским губернатором 6 сентября 1899 г.	Тоже.

5.	Книжный склад «Костромич».	Губернскому земству.	Костромским губернатором 11-го марта 1898 года.	Русскими и иностранными. Каталог имеется.
6.	Две книжные лавки.	Наследникам купца Андрея Иванова Бекенева.	Тоже, 2 июля 1892 года за № 2190.	Русскими, народными, учебными и церковными, каталог имеется.
7.	Книжная лавка.	Купеческому сыну Николаю Александровичу Белянкину.	Тоже, 16 октября 1885 г. за № 3798.	Тоже.
8.	Тоже.	Купцу Дмитрию Александровичу Белянкину.	Тоже, 16 октября 1886 г. за № 3837.	Тоже.
9.	Тоже.	Мещанину Дмитрию Трифонову Минееву.	Тоже, 25 февраля 1895 г. № 1053.	Русскими. Каталог имеется.
10.	Тоже.	Мещанину Михаилу Арсеньеву Гашееву.	Тоже, 23 декабря 1893 г. № 6227.	Тоже.
11.	Тоже.	Мещанину Сергею Никитину Бубнову.	Тоже, 27 сентября 1893 г. № 4356.	Русскими, церковными и картинами. Каталог имеется.
12.	Тоже.	Купцу Николаю Ивановичу Архипову.	Тоже, 24 июля 1894 г. № 3101.	Тоже.
13.	Тоже.	Мещанину Геннадию Васильеву Москалеву.	Тоже 14 июля 1899 г. № 2816.	Тоже.
14.	Торговля с ларя.	Купцу Ивану Львову Лапину.	Тоже, 31 августа 1899 г. № 3883.	Тоже.
15.	Библиотека для чтения.	Костромскому дворянскому клубу. Заведует старшина-распорядитель, действительный статский советник, Василий Семенович Дмитриев.	Существует по уставу дворянского клуба, утвержденному 10 февраля 1826 года.	Русскими и иностранными. Каталог имеется.
16.	Книжная лавка.	Обществу потребителей служащих и рабочих фабрики Товарищества Новой Костромской льняной Мануфактуры.	Костромским губернатором 5-го ноября 1901 года № 5879.	Русскими. Картинами. Каталог имеется.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12761. Подлинник.

Подготовила Галина ДАВЫДОВА

ОСЕНЬ В КОСТРОМЕ

Ноябрь в исходе. Еще несколько дней – и осень кончена;

И вот сама

Идет волшебница-зима

с своими вьюгами, снегами и морозом – продолжительная и скучная зима. Любопытно знать: как же мы провели эти три месяца, которые во многих календарях справедливо или нет называются по преимуществу осенними. Что мы, жители Костромы, успели сделать в то время, когда на границах нашего благословенного отечества совершилось столько великих событий, по справедливости изумивших вселенную? Чем ознаменовалась наша внутренняя, завсегдашняя, будничная жизнь

в то время, когда внешняя жизнь отечества во всем разгаре, в полном напряжении сил и деятельности?

[...] С того времени главный характер общественной жизни в Костроме нынешнюю осень по преимуществу выразился в постройках и возобновлении того, до чего только коснулась губительная рука нещадного времени.

И, во-первых, возобновляется наше лучшее украшение, наш знаменитый Успенский собор, в котором с XIII века пребывает драгоценная не только для нас, но и для всякого читателя православия отечественная святыня – чудотворный образ Федоровской Богородицы. Свежесть рисунков и красок на стенах и потолке Успенского собора во

многих местах от времени успели потемнеть; равным образом и золотая резьба иконостаса тоже начала мало-помалу чернеть от дыму и копоти свеч и разного рода испарений, неизбежных при больших собраниях народа. Это обстоятельство заставило священнослужителей собора позаботиться о возобновлении стенной соборной живописи в том виде, в каком она была сначала, без всяких изменений. Почему здешний местный художник Михаил Тимофеевич Медведев с меньшим братом своим Гаврилом Медведевым, в товариществе другого художника Александра Ивановича Сапожникова, приняли на себя и честь, и труд возобновления живописи. Конец лета и в продолжение осени с любовью и деятельно занимались они этим делом. И для того большая половина живописных работ по собору уже кончена. Во время производства работ некоторые из жителей успели посмотреть на занятия Медведевых и Сапожникова, и изумленным глазам их великолепный храм нашей владычицы открылся в той свежести и, так сказать, молодости, которым, без сомнения, в благоговейном молчании удивлялись наши предки.

[...] Вот и еще новость, тоже относящаяся к собору, хоть и не имеющая в себе того характера, о котором мы говорили в начале нашей статьи; ее мы хотели сообщить нашим читателям под конец всего, но уж если зашло слово о соборе, то почему не сказать и об ней теперь же, вместе с другими известиями, относящимися к одному и тому же предмету. Это вышедшее в начале осени "Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора, составленное того же собора священником П.Ф.Островским".

[...] Теперь скажем, что наша красавица Кострома в это же время украсилась новыми каменными зданиями: одно из них, находящееся на углу Кинешемской улицы и Богословского переуллка, предназначено для помещения здешней ремесленной управы, так как прежний дом ее, находящийся рядом с новым, по недостатку помещения сделался неудобным. Другое здание – прекрасный частный дом почти на самом краю города, в стороне к Ипатскому монастырю; он принадлежит Д.П.Шипову и, сказывают, сделан по проекту здешнего епархиального архитектора Н.С.Попова. По легкости стиля и изящности деталей он справедливо может считаться лучшим украшением города в этом роде.

А напротив этого здания, за рекой Костромой, в том месте, откуда один из предков царствующей династии умолен был Московским посольством вступить на колебавшийся Русский престол, выстает тоже новое величественное здание... Это каменная церковь во имя Святого мученика Хрисанфа и Дарьи, оконченная кладкою в прошедшем месяце. Она построена повелением в Бозе почившего императора Николая Павловича, по проекту известного России К.А.Тона, имя кото-

рого пользуется в нашей архитектуре заслуженным авторитетом.

[...] После построек первое место между явлениями нашей общественной жизни, без сомнения, должно занять открытие в сентябре месяце "Библиотеки для чтения и книжной лавки" на Кинешемской улице, в доме госпожи Кольчевой. Посетив эту библиотеку в первые дни ее открытия, мы признаемся, были очень приятно удивлены, найдя ее выше наших ожиданий. Помещение удобное, мебель изрядная, годовая цена за чтение книг, умеренная; в комнатах нет того неприятного запаха, который бывает в большей части книгохранилищ: выбор книг делает честь вкусу содержателя библиотеки, здешнего мещанина и переплетчика И.В. Солониковского. Последнее его ремесло, переплетение книг, подошло очень кстати: сберегая часть сумм, потребных на поддержание целости книг, она много может способствовать улучшению библиотеки.

[...] Театр наш, тоже возобновленный в нынешнем году, начал свои представления 16 числа октября... Пьесы, на нем игранные, большею частью переведены или переделаны с французского, каковы например: "Барская спесь и Анютины глазки", "Мотья", "Марфа Ивановна и Захар Захарович Собачкин"...

П.И. Андроников

Костромские губернские ведомости. 1855,
25 ноября, 3 декабря.

ГОРОДСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

В вотчине вашей все обстоит благополучно – так обыкновенно каждый месяц доносил моему знакомому помещику староста, поставленный им главою вотчинного управления. Почти то же самое должен передать своим снисходительным читателям и смиренный костромской летописец: новостей, имеющих сколько-нибудь общий интерес, у нас не было в последние дни; событий, о которых стоило бы тратить печатное слово, тоже не было; местная промышленность идет обыкновенным ходом; торговля... но лучше ни слова не скажем мы о здешней торговле. Остается одно – это общественная жизнь. Посмотрим, что это за жизнь. Двери театра не отворялись с зимнего сезона; вечеров и общественных собраний, исключая клубных, не было. Причина этого отчасти понятна: в настоящее время большая часть городского народонаселения, если выпадает свободное время, стремится подышать вольным, не городским воздухом и освежиться дыханием вечно прекрасной, никогда не стареющей природы. Этому много способствовали и бывшие на днях гулянья и праздники: семик, Троицын и Духов дни. В семик публика разделилась на три части: одни отправились за город, к Кинешемской заставе, неподалеку от которой, за жандармскими конюшнями, некто Бокельман давал бле-

стящий фейерверк, привлечший многочисленную публику; другие отправились в татарскую слободу – смотреть на широкий разгул русского человека, на крестьянские хороводы, на татарских красавиц – на агат их глаз и вплетенные в косы серебряные монеты и пр. Но это повторяется аккуратно каждый год и всегда в этот день, поэтому без всяких распространений об этом переходим к третьей части публики: она гуляла за Волгой, против села Городища. Сюда привлекли ее: фейерверк, данный г. Рамазановым и не удавшийся, а еще более выстроенный нынешним годом г. Ратьковым загородный кафе-ресторан, открытый для публики с 9 минувшего мая. Любители красот природы и ландшафтной живописи у нас не могут найти места для гулянья лучше этого. Назад – высокая гора, поросшая лесом, удобным для прогулок. Вправо – три выступа гор, покрытых зеленью, влево – через береговую поляну – селения, обитаемые бойким народонаселением, и Нерехтский почтовый тракт; прямо – Волга, по всем направлениям которой снуют катера и лодки, виднеются белогрудые парусы, черепашью шагом двигаются, кажется, кончающие свои дни мошаны и подчас уродливые конномашини и быстро скользят пароходы, которыми мы уже и счет потеряли. А дальше, за Волгой, на всем своем пространстве, как на блюде, видна Кострома и 24 церкви. Вид необыкновенно хороший на город! При кафе-ресторане к Городищу, по склону горы, раскинут сад, прочищены аллеи, устроены земляные беседки: по первым с удовольствием можно гулять, а в последних отдохнуть, вдыхая в себя здоровый воздух раскинутого в конце сада леса. При кафе-ресторане имеются бильярд, хорошая кухня и буфет. Согласитесь сами, что при живописи видов это очень хорошее место для гулянья; а если прибавить, что до этого у нас не было никакого порядочного загородного гулянья, то это уже будет шагом вперед, которым между прочим заявила себя наша общественно-промышленная жизнь.

Троицын и Духов дни – праздники в Богословской слободе – привлекали народ выставкой, колоколом и тому подобными принадлежностями всех вообще русских праздников. Особенного здесь было разве одно: это необыкновенно большой расчет откупщика на требование разного рода питей. Это нам известно потому, что когда приехавшие в кафе-ресторан г. Ратьков требовали меда и пива, то получили в ответ, что за тем и другим посылали утром куда следует, да не получили, потому де, что все пиво и мед отправлены на выставку, в Богословскую слободу.

Еще что вам сказать, мои читатели? Кажется, нечего... Ах, нет, виноват: новость, замечательный факт передам вам, хоть и доложил вам, что нового ничего нет. Унтер-офицер 4-й роты, Максим Мансуров, на днях сделал маленький паровоз. Мансуров родом из казанских татар, 42 лет от роду, и 20 лет прожил в казармах г. Костромы. Не получив-

ший никакого технологического образования, не умеющий даже ни читать, ни писать, при помощи одного соображения и надежды на свою голову делает паровоз, никогда, по его словам, не выдавши даже моделей и чертежей. Какие должны быть механические дарования у этого человека, двадцать лет возившегося с одним только ружьем! Паровоз Мансурова мы видели: он имеет длины аршин, ширины 2 аршина, приводится в движение посредством одного круговращательного цилиндра полного поршня, который вследствие давления паров приводит в движение два передние колеса. Ход паровоза по гладкому полу равен ходу скорой человеческой походки. Начиная с деревянного ящика до мельчайших медных приводов – все в этом паровозе сделано Мансуровым собственноручно. Конечно, сила паров – известная сила, самые паровозы есть, даже лучше устроенного Мансуровым, и говоря безотносительно, эта штука не Бог весть какая; но если принять к соображению условия жизни, при которых находился и находится Мансуров, нельзя не признать в нем сильный талант к механике, заслуживающий того, чтобы обратить на себя внимание людей, понимающих эту важную в наше время науку. К сожалению, костромские механики и любители ее уже не могут этого сделать: прежде нежели выйдет настоящая статья, Мансуров уже оставил наш город. По распоряжению начальства, он переводится на службу в г. Казань, которому и поручаем поощрить своего даровитого механика-самоучку.

П. Андроников.

Костромские губ. ведомости, 1859, 6 июня.

В НАРОДНОЙ ЧИТАЛЬНЕ

В народной читальне имени А.Н.Островского 15 ноября А.Н.Рождественский в первый раз прочел ясно и выразительно «О книгопечатании», по брошюрам: «О рукописном деле и о книгопечатании на Руси» Хрущева и «Как делают бумагу и как читают книги» Бахтиярова.

В них есть много интересного и поучительного. Чтение последовательно иллюстрировали 24 туманные картины. Слушателей, по причине дождя, собралось менее, чем обыкновенно – 260 чел. Обыкновенно число их колеблется между 300 и 400. Большинство – учащаяся молодежь; остальная часть слушателей была разнокалиберной: характерным явлением воскресного чтения было отсутствие фабричных рабочих, привлеченных в этот день театром. Этот признак указывает на народную потребность в театре.

К сожалению, организаторы чтения признали необходимым (в виде общего правила) не допускать на чтения детей, которые шумом и шалостью производят маленький беспорядок и мешают взрослым внимательно слушать чтение. Впрочем, им после чтения показываются туманные картины.

Сбор за слушание ничтожный – 60 коп. Вообще, костромская публика плохо поддерживает читальню. Пожертвований, кроме 1-2 случаев, совершенно нет.

Более подробное ознакомление наших читателей с читальней и библиотекой имени А.Н.Островского мы откладываем до ближайшего будущего.

Костромской листок, 1898, 17 ноября.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

По поводу сдачи здания народной читальни им. А.Н.Островского городу.

Милостивая государыня! (*)

В № 15 «Костромского листка» был помещен отчет о заседании городской думы 12 ноября, между прочим, по поводу передачи мною городу здания читальни им. А.Н.Островского. При обсуждении этого моего предложения в заседании думы мне приписаны такие хищнические наклонности, что для восстановления истины я вынужден просить Вас поместить в издаваемой Вами газете несколько слов по поводу сделанного мною городу предложения.

В 1890 г., желая иметь для открытых мною в 1882 г. народных чтений в г. Костроме особо приспособленное здание, я от имени существовавшей тогда комиссии по устройству народных чтений в г. Костроме, которую образовали приглашенные мною, как инициатором этого дела, лица, обратился к своим знакомым в г. Костроме и во многих городах Российской империи с просьбой посодействовать сбору пожертвований на постройку в г. Костроме здания народной читальни им. А.Н.Островского.

Многие учреждения и лица разных профессий и состояний откликнулись на мое обращение, и ко мне стали поступать деньги, которые, по мере поступления, и вносились мною на сохранение в местное отделение Государственного банка.

Когда мысль о постройке в г. Костроме здания читальни им. А.Н.Островского была доведена до сведения государя императора Николая Александровича, его императорскому величеству угодно было дать высочайшее соизволение на устройство в императорском Малом театре в Москве спектакля, сбор с которого и был предоставлен мне для пополнения средств, необходимых на постройку...

...В заключение прошу Вас поместить мои условия передачи здания читальни имени А.Н.Островского городу, в полной надежде, что никто из читателей не сумеет вывести из них того позорного для меня вывода, к которому, как видно из данного Вашей газетою отчета, пришла городская дума при их рассмотрении.

1) Здание читальни им. А.Н.Островского, с переходом в число городских зданий г. Костромы, должно носить название: «Городская читальня им. А.Н.Островского».

2) Здание читальни им. А.Н.Островского должно служить только просветительным целям и местом для разумных развлечений народа, а посему никако-

го другого употребления из этого здания город сделать не может...

Евгений Микифоров

24 ноября 1898 г. г. Кострома.

Костромской листок, 1898, 27 ноября.

*) Обращение к редактору газеты Татьяне Павловне Андрониковой.

ПЕРЕДВИЖНАЯ РЕМЕСЛЕННО-КУСТАРНАЯ ВЫСТАВКА

24 июня в Кострому прибыла организованная обществом для содействия русской промышленности и торговле вторая передвижная учебно-показательная выставка для ремесленников и кустарей, все экспонаты которой размещены на особо устроенной барже «Попытка» на палубе и в трюме. Выйдя 3 июня из Петербурга, она останавливалась лишь в наиболее важных пунктах на небольшой срок, ввиду того, что главный район, который должна обслужить выставка, есть среднее и нижнее течение Волги, начиная с Нижнего Новгорода и кончая Астраханью.

Верхнее же Поволжье, как известно, было обслужено первою плавучею выставкою 1903 г., которая останавливалась в 73 пунктах губерний Санкт-Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Ярославской, Костромской и Нижегородской.

Вслед за окончанием деятельности первой выставки одиннадцать земств признали необходимым оказать денежную помощь на устройство второй, в общей сложности на 1150 руб. В марте месяце текущего года комитету по устройству выставки была министерством финансов назначена субсидия в размере 10 тыс. руб., и после этого было приступлено к организации выставки.

[...] Все экспонаты, какие могли быть собраны на выставку, распределены по восьми отделам. К первому отделу отнесены материалы, станки, инструменты и пр. по производствам бурачному, столярному, бондарному, токарному, корзиночному и мебельному, изделия из корней и капа и экспонаты по сухой перегонке дерева, модель завода сухой перегонки дерева сделана преподавателем костромских чижовских училищ Ег. Ив. Орловым.

Во второй отдел вошли экспонаты по производствам литейному, кузнечному, слесарному, гвоздарному, цепному, металлодавильному, замочному, ножевому, по изготовлению самоваров, ружей, серпов, кос, хирургических инструментов и др.

Третий отдел – художественно-промышленный – содержит в себе чертежи, рисунки, изделия из металла, глины и дерева.

В четвертом (разных производств) размещены экспонаты по изготовлению сельскохозяйственных машин и орудий, часов, щеток, пчеловодных принадлежностей, игрушки, музыкаль-

ных инструментов, изделия гончаров, коженые, из рога и т.д.

Пятый отдел – отдел учебных пособий – содержит коллекции естественно-исторического характера и для опытов по физике.

В шестом, привлекающем, по-видимому, большое внимание кустарей и ремесленников, собраны различные паровые, керосиновые, нефтяные, газовые и действующие греющим воздухом двигатели.

В седьмом отделе (борьбы с пожарами) имеются насосы и др. противопожарные принадлежности, а также модели огнестойких строений, огнеупорных крыш и т.п. Последний отдел сосредоточивает в себе различные издания по ремеслам и кустарным промыслам...

Костромской листок, 1905, 26 июня.

СИМПАТИИ ПУБЛИКИ

Синематография с каждым днем завоевывает симпатии публики. На экране за последнее время появляются воспроизведенные на синематографической ленте такие художественные произведения, как «Кабачок» Э.Золя.

В Париже синематографические фирмы заняты изготовлением лент с воспроизведением исторических событий, как, например: последние дни Наполеона, убийство герцога Гиза, Шарлотта Кордэ, Орлеанская дева Жанна д'Арк и др.

[...] На днях начинает функционировать в Костроме новый электротheater «Прогресс». Дирекцией эл. театра сделано все для доступности театра. Театр занимает большое помещение, зрительный зал рассчитан на большее количество публики.

При театре-фойе с буфетами для чая, фруктов и пр. Театр имеет собственную электрическую станцию. Дирекция, по слухам, обещает ставить на экране все, что появляется в синематографическом мире нового и интересного.

Поволжский вестник, 1909, 22 августа

СТОЛБЫ

Вчера на Сусанинской площади состоялся традиционный съезд деревенских молодоженов.

В Костромской губернии сохранилось очень много оригинальных свадебных обрядов и празднеств. К числу их относится и старт, встречающийся теперь, кажется, только в Костромской и Ярославской губерниях, обычай «столбиться».

В среду на масляной неделе поженившаяся за год деревенская молодежь съезжается в город на своего рода смотр. Молодые, разряженные в свои лучшие костюмы, выстраиваются длинной галереей и «показываются» публике и друг другу. В общем, обычай этот представляет из себя своеобразное народное гулянье. Теперь он уже постепенно выводится, и на «столбах», или на «слонах», как говорят

иначе в Костроме, присутствует по преимуществу глазающая городская публика.

Однако в нынешнем году съезд молодоженов обильный. В эту зиму в деревнях много хлеба, много и свадеб. Крестьяне готовят встречу Масленицу широко и не упускают случая «разгуляться» в городе.

Сусанинская площадь запружена подводами. Вдоль всего Гостиного ряда выстроилась длинная галерея из деревенской молодежи. Молодожены или стоят, перемешавшись с публикой, в рядах – «столбы», или степенно ходят по образовавшейся аллее – «слоны». Широкие деревенские лица и яркие костюмы производят в городской обстановке впечатление чего-то необычного и отчасти смешного. Деревенские модницы щеголяют цветными плюшевыми дипломатами и шелковыми головными платками. Женихи – в «городских» пальто или в шубах на лисьем меху, из-под которых видны красные косоворотки, в кожаных сапогах и галошах.

Съехались по преимуществу крестьяне подгорных и фабричных сел, и поэтому в толпе мало специфически деревенского. Мало и оживления. Толкаться на площади в конце концов надоедает. Гуляющие разбредаются по улицам или по трактирам. К вечеру гулянье закончилось обычным «угощением» в трактирах и в чайных.

Наша Костромская жизнь, 1911, 17 февраля.

К ОТКРЫТИЮ ЭЛЕКТРОТЕАТРА «АПОЛЛОН»

Расклеены афиши об открытии 15 августа электротheater «Аполлон», который переходит с наступающего сезона к владельцу прокатной конторы в Ярославле, Г.И.Либкен. Афиши обещают программы, составленные из новых картин «первого экрана», которые будут демонстрироваться под музыку импровизатора-пианиста. По-видимому, в наступающем сезоне местные электротheater будут усиленно конкурировать. Как отразится эта конкуренция на делах театров, покажет будущее, но интересы публики от этого, несомненно, выиграют.

Наша Костромская жизнь, 1911, 10 августа.

РЕКЛАМА

С разрешения министра двора открыт художественный класс классного художника живописи императорской академии художеств Николая Павловича Шлеина. Кострома, Еленинская, 52.

Наша Костромская жизнь, 1911, 11 января.

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ СНИМКИ

Дирекция современного театра извещает публику, что сегодня будут произведены кинематографические снимки в Костроме в 12 часов дня на площади и у кафедрального собора, затем на Сусанинской

площади, в 2 часа дня - у паромных пристаней, в 5 часов - в саду общества спорта и в 7 часов, если будет хороший свет, на городском бульваре.

Наша Костромская жизнь, 1911, 26 июня.

КОСТРОМСКАЯ СТОЛЯРНАЯ АРТЕЛЬ

В январе месяце при кустарном отделе организована столярная артель, сначала из пяти членов, а потом это число увеличилось еще тремя вновь принятыми. Кроме 8 постоянных членов артели, в ней работают временные: в мае, апреле, марте - 1, в июне - 7, в июле - 19, в августе - 14, в сентябре - 11.

Для поступления в постоянные члены требуется работа в артели в качестве временного ее члена не менее месяца и согласие на прием всех действительных членов артели.

Артель сперва снимала помещение на Павловской улице, теперь занимает один из больничных барачков губ. земства. Вопрос о постоянном помещении является самым больным местом этой организации, так как в других отношениях она, как это видно из дальнейшего, стоит довольно прочно.

[...] Нет надобности говорить, что артель ремесленников, не имеющих ничего, кроме рабочих рук, без поддержки кустарного отдела или соответствующих организаций встать на ноги не может уже просто потому, что при исполнении заказов требуется материал, купить который не за что, и плата за работы поступает только после их исполнения и сдачи и то не всегда сразу.

Но эти поддержки отнюдь не должны носить характера какой-либо филантропической или благотворительной заботы.

[...] Костромской артели еще многого недостает. Создано ядро, но нет прочного базиса для его развития - помещения для полного оборудования артельной мастерской. Занимаемое в настоящее время помещение формально не сдано артели и во всякое время может быть от нее отобрано. Естественно, что думать при этом о полном оборудовании мастерской нет возможности.

В зависимости от помещения находится и вопрос об устройстве лесного склада. Склад должен быть вблизи мастерской, иначе накладные платежи, связанные с перевозкой материала, сделают бесполезной самую организацию склада.

О культурно-воспитательных задачах артели (учебно-показат. мастерская, соответствующее руководство техническим исполнением работ) можно серьезно будет думать тогда, когда артель приобретает постоянную оседлость...

Наша Костромская жизнь, 1911, 17 сентября.

СПЕВКИ ДВА РАЗА В НЕДЕЛЮ

С 30 октября 1911 г. при музыкальной школе В.С.Мориной открывается общедоступный класс

хорового пения (церковного и светского) под руководством С.П.Белова. Спевки 2 раза в неделю.

Записываться можно ежедневно в помещении школы: Русина ул., д. Мельникова.

Наша Костромская жизнь, 1911, 25 октября.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ВЕЧЕР

Костромское общество любителей музыкально-го и драматического искусств собственное помещение на Павловской улице в д. Солодовниковых

В понедельник, 30 января, состоится 5 очередной музыкально-вокальный семейный вечер

Программа

Отд. 1.

1) Хор любителей под упр. Н.К.Крылова

2) Соло на рояле исп. И.А.Пухов

3) Романс исп. И.Н.Крылов

4) Трио: Дмитриев «На севере диком» исп. В.Н.Войнова, И.К.Крылов и М.М.Ильинский.

Отд. 2.

1) Соло на виолончели исп. А.В.Голдобин и И.А.Пухов

2) Комические куплеты исп. Н.А.Мендельсон

3) Романс В.Н.Войнова

4) Мужской хор любителей под упр. Н.К.Крылова
После концерта танцы. Имеется буфет. Начало ровно в 8 ч.

Плата за вход для членов, предъявивших сезонные билеты, - 30 коп. Для гостей мужчин - 75 коп., дам - 50 коп., учащихся - 30 коп.

Наша Костромская жизнь, 1912, 29 января.

АРАБЕСКИ

XVI.

Чем жизнь наполнит обыватель?
В умах теперь везде застой.
И без греха скажу: приятель!
Живешь ты жизнью пустой...

Тебе те чужды идеалы,
Из-за которых жизнь мила,
Черпать из сплетен мадригалы,
Поверь, - работа не бела...

Что говорят в салонах дамы,
Не пища здравому уму,
Искать во всем оттенков драмы,
При том кивая на Фому...

И думать, сладко засыпая,
Что день без пользы не прошел,
Ошибка будет преобладающая,
Ты потерял, но не нашел...

О Костроме скажу не ложно:
Там любят сплетни разводять,
Их уберечься невозможно,
Их невозможно истребить...

Что сварит вам кухарка Маша,
О том уж знают в Костроме,
И почему без масла каша,
И как не вкусно консоме...

Символист

Наша Костромская жизнь. 1912, 31 июля.

А.ДУРОВ В «СОВРЕМЕННОМ ТЕАТРЕ»

Первая гастроль А.Дурова ознаменовалась скандалом. Выход артиста задержался громадным антрактом из-за каких-то недоразумений. По адресу господина Дурова послышался ряд нелестных отзывов и даже свистков. Публика уже собиралась уходить. Наконец господин Дуров решил прекратить «инцидент», и представление началось.

Талантливый сатирик был в ударе и имел шумный успех, заставивший позабыть неприятные минуты, кстати сказать, подобные инциденты составляют, кажется, неизменную принадлежность гастролей знаменитого артиста, и они входят в большинство внепрограммных номеров с его участием. «Бытовое явление», так сказать.

ФИНАЛ ГАСТРОЛЕЙ А.ДУРОВА

Вчера в «Современном театре» гастролеры Анатолия Дурова были отменены. На аншлаге значилось, что «вследствие оскорбления г. Дуровым одного из владельцев театра г. Дуров из театра удален». Оскорбление выразилось в том, что в один из выходов Дуров нарисовал свинью и сказал, что это один из здешних хозяев. Финал такого дешевого «остроумия» будет у мирового, так как, кроме удаления из театра, владельцы театра привлекают Дурова к ответственности.

Старая Костромская жизнь, 1913, 10 января.

ЗАМЕТКИ О КОСТРОМЕ

Недавно Кострому посетил небезызвестный литератор А.Епифанский.

В «Нови» он рассказывает о своих впечатлениях. Приводим их с небольшими сокращениями.

Блестит Кострома, освещенная ярким весенним солнцем. Город значительно изменился с прошлого года: побелел, почистился, привел себя в порядок...

Происходившие в нем торжества много способствовали городскому благоустройству. Завели водопровод, приобрели два парохода для перевоза, устроили электрическое освещение на улицах, будет устроен и трамвай, и т.д. Миллион шестьсот тысяч, полученные городом перед торжествами взаи-

мы, сразу поставили Кострому на ноги и до такой степени подбодрили и вдохновили костромчан, что они даже начали было мечтать об... университете в Костроме. Ограничились педагогическим институтом (Романовский педагогический институт), проект которого не встречает да и не может, разумеется, встретить обычных препятствий...

Впрочем, мечты – мечтами... Деньги же таки уходят, и когда я поинтересовался узнать, сколько осталось от займа, городской деятель вздохнул:

– Немного... Тысяч двести...

И добавил:

– На хорошие дела и еще возьмем...

На хорошие дела, конечно, может быть, удастся взять. Вот только до сих пор городское управление никак не может устроить одно хорошее дело – общественную библиотеку в собственном своем помещении, занятом ныне военной гауптвахтой. Это любопытная и характерная история, о которой мне поведали костромичи.

Город приобрел большую библиотеку и решил поместить ее в большом городском здании в самом видном месте. Обратились к военному ведомству с просьбой освободить помещение, взамен которого город обязуется устроить вполне приспособленное здание для гауптвахты в другом месте.

[...] А белое здание в стиле “ампир” или, вернее, ему подобное “пустует”. Белых зданий в подобном стиле очень много в Костроме: и присутственные места, и частные постройки, и даже пивные, бани и т.д. Говорят, был когда-то такой архитектор, любитель “ампира”. Он все и застроил по своему вкусу...

А.Епифанский.

Костромская жизнь, 1914, 8 мая.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Двумя вершинами театрального мира в Костроме являлись: «Театр студийных постановок» (быв. губ. драм. студия) под руководством артиста студии Московской худ. театра А.Д.Попова и городской театр, в котором коллектив Петроградского малого госуд. драматического театра во главе с режиссером Н.В.Петровым.

Прежде чем перейти к обзору деятельности этих двух театров, я вкратце коснусь работы других костромских театральных организаций и отдельных некоторых моментов минувшей зимы.

Работа уездного отдела народного образования свелась к отысканию пьес для сельских кружков, инструктированию таковых, материальной помощи и созыву съезда по внешкольному образованию, который уделил часть времени двум докладам: А.Д.Попова – «Творчество актера» и Н.В.Петрова «О регистратуре». Работа эта не блеснула крупными достижениями, но была, несомненно, глубоко полезна и нужна.

Губ. отдел образования (осенью еще существовал отдельно городской отдел, усилиями которого

была приглашена Петроградская драматическая труппа) снабжал представителей уездных и деревенских кружков трафаретными упрощенными декорациями, бутафорией, некоторыми принадлежностями (грим, парики и пр.) и очень мало пьесами, т.к. отличная библиотека пьес, находящаяся в ведении театрального подотдела, в течение же более двух лет не приведена в порядок, что при современном книжном и особенно пьесном голоде следует называть куда крепче, чем только халатностью.

При этом же театральный подотдел получал тарифные ставки... – то бишь работала «учебно-показательная труппа».

[...] Одним из симпатичных начинаний городского наробраза была попытка издавать свой бюллетень «Искусство в провинции». Созданная было редакционная коллегия исчезла из обращения еще быстрее театральной, и журнал стал выходить под редакцией заведующего подотделом А.Н.Полтевского...

Красный мир, 1920, 2 июня.

К ПОСТРОЙКЕ ЦИРКА В КОСТРОМЕ

Губотдел союза рабочих сообщает, что в Костроме намечено устройство здания для постоянного цирка.

Обсуждается вопрос о месте для цирка. Намечается или площадь КИМга, или участок поблизости текстильных фабрик.

Арена и места для публики в цирке будут по мере надобности приспособляться и под зрительный зал театра и кино. Цирк будет одновременно и театром, и кино.

Здание цирка намечается сделать деревянное на каменном фундаменте с оборудованием в здании парового отопления.

Вместимость цирка рассчитывается почти на 3000 чел. При театральных и кинопоказках число мест будет меньше, т.к. с половины этих мест не будет видна сцена или экран.

Северная правда, 1927, 23 июля.

Подготовила Марина НЕДОМАРАЦКАЯ

Мгновения

Архитектор И.Ш.Шевелев.

Музыкант К.Н.Герцензон.

Архитектура – это застывшая музыка.

Фото Юрия Чеботарева.

ИЗ ДНЕВНИКА

Сентябрь пятьдесят седьмого

Никогда не было таких сентябрей, как в тот год. По крайней мере у меня таких сентябрей не было и больше не будет.

Город показался мне пыльным и никаким. Пройдут годы, прежде чем я разгляжу его реликвии и постаменты. Я ходил весь в испарине, и дома мелькали, и люди: это был серый непрерывный забор, и я спешил вдоль него и мыслями своими был там, впереди, в фабричных цехах, откуда мне предстояло писать репортаж о новом подъеме социалистического соревнования, и я боялся, что ничего не увижу и не напишу, потому что не знаю, как с Ними говорить, с чего начинать и как обнаруживать необыденное, выдающееся, до трепета героическое.

Мои, по уверению мамы, больные легкие раздраженно дышали жаркой и густой пылью, и вечерами я рухал на кровать и перележивал все свое дневное, жалкое и одинокое в этом чужом и никаком городе, равнодушном, как лес.

Никакой город моего страха и одиночества.

О, мое воспаленное дон-кихотство на несостоявшемся почетном одре за маминой спиной! И за папиной спиной. И за непроницаемой спиной Предстоящего, но еще не начавшегося, а потому освещенного всеми сияющими лучами российского революционно-демократического оптимизма, гласящего, что будущее светло и прекрасно и нужно его старательно приближать.

Новоявленный властитель дум в истосковавшемся по про-

грессу и правде и теперь ликующем городе. Аплодисменты, переходящие в овацию всего зала. Все встают. С пением Интернационала возбужденный пролетариат сомкнутыми железными колоннами марширует по булыжному спуску к Волге. Речной флот поднял пары: переправа на вожделенный московский берег обеспечена: толстосумам конец. Интеллигентные девушки мрут от восторга и революционного энтузиазма: мысленно они сочиняют письма, которые полетят мне вдогонку. И я тяну сияющий носок, и рука твердо берет под сияющий нахимовский козырек, и марш "Прощание с родиной" звучит в моем трепещущем сердце...

Здравствуйте, подпоручик Ромашов!

На каком плацу в никаком городе никакого государства мы встретились с вами.

Нам казалось, мы что-то значим для тех, на трибунах, и особенно для тех, сидящих в бархатных ложах нашего воображения.

Ах, как ужасно летен этот сентябрь пятьдесят седьмого! Каждый вечер я рухаю на койку, пораженный духотой, и мне хочется, чтобы смерть поводила меня за руку, а потом где-то на краю отпустила, дала домаршировать, докрасоваться.

Здравствуйте, Ромочка!

Вы хотите стреляться?

Ночью, трезвой, клоповной ночью, вам будет очень жалко себя, и вы обольетесь тихими слезами, как маленький.

И папа, и мама в концерте, и старая няня храпит на кухне,

и никакие слезы ее не разбудят, потому что какую няню удивишь слезами?

И никто не погладит вас по голове и не скажет: «Так надо, милый, так надо, милый. И нельзя иначе, милый».

Я выйду на сухой бетонный плац, и во все стороны не будет ему конца – с таких стартуют реактивные самолеты. И застучат мои каблуки, тревожа утро дуэли.

Не утруждайте себя, подпоручик. Не делайте напрасных усилий. Не спешите поднять эту заряженную штуку. Лучше так, опустив руки. Стреляйте, господа. Нам просто не повезло. Значит, повезет другим.

Ваши слезы испаряются, едва прикоснувшись этой забетонированной земли. Уж очень ясен этот сентябрь. Пусть их – стреляют.

Далась же нам эта Россия – горькая, как полынь, не верящая слезам.

Плюс один, минус один – какая разница.

А чему она верит?

А какое нам дело?

Город был никаким – очень чужим, и мне не хотелось его запоминать, но разве запоминают нарочно?

Я задыхался при свете его дня и любил вечерние улицы, пахнувшие затхлою свежестью подзаборов.

Мы обживаемся в городах, как в новой комнате. Проходит жизнь, и ты знаешь каждый подтек на стене не хуже клопа, проползшего вдоль и поперек стены этой коробки. Такая комната пахнет вновь обретенным отечеством. Известно: отечество

– молодечество, Кострома – терема. От счастья впору сойти с ума.

Ни теремов, ни памятников архитектуры, ни отечества. Этого не было. На их месте – голо. Прочерк. Провал в памяти. Прострация, а не пространство.

Я хожу вдоль и поперек. От почты до почты. Взгляд от дверей на стол. И взгляд от дверей на стол опять. Где же письмо – единственная реальность в этом реальнейшем до нереальности быте? Между взглядами сутки. Сутки в никаком городе. Душным сентябрем пятьдесят седьмого. Гнилая интеллигенция. Слезливая и жалостливая.

А ведь иначе не могло быть, и, если б было иначе, каким великолепным клопам в моло-

деческом отечестве я б вышел в великолепные сотоварищи!

1963 г.

19.7.85. Если писать героя с себя, то можно начать с болшевского лета. С раскладушки в ненадежной тени яблонь. Подсунув руку под голову, – так на фотографии – ты лежишь и читаешь. Ты очень молод и худ, и бледен. Фотография передает твою бледность. Фотография, передающая чью-то бледность, – редкостное явление. Но призрак туберкулеза легких бродит в нашей семье, и это он отправил меня в Болшево и уложил на раскладушку под тенью яблонь. Я читаю Александра Грина и Юрия Олешу и сочиняю мысленно романтическую исто-

рию в их духе, если можно представить себе их дух в со-вмещении. По субботам-воскресеньям ты ждешь, что тебя навестят. То есть ждешь в с ю н е д е л ю, что тебя навестят. Ожидание способствует бледности. Итак, ты молод и бледен.

А время кажется долгим. Будто все лето ты провалялся на раскладушке. Но этого не могло быть. Не провалялся. И не все лето, потому что седьмого сентября ты уже был в другом городе. И был практически здо-ров.

Диплом, молодость, бледность – и это, ты думал, все, что имеешь? Ты ошибся. Ты имел много больше, но не знал. Зато знали другие.

1958-1959 годы

Без даты. Вечерний час.

«Мне ненавистен идеализм, трусливо отводящий взор от жизненных невзгод и душевных слабостей. И народу, слишком легко поддающемуся обманчивой иллюзии громких фраз, следует помнить: всякая ложь о героизме проистекает от трусости! Героизм – это видеть мир таким, каков он есть, и любить его».

Р.Роллан.

Улица Чайковского – самая короткая в городе, но самая знаменитая. Одни называют ее проспектом Любви, другие – проспектом Последних надежд. Эта улица берет свое начало на перекрестке, где за витринами магазинов бьют родники картонных колбас, золотых серег и рисованных ананасов, где отечественные детективы покоряют сердца публики в кинотеатрах со скромными именами “Художественный” и “Малый”.

Как учат школьные учебники, Волга начинается на Валдае ключевой водой прозрачной

стекла, словно процеженной сквозь поры земли. Новорожденный человек несет в себе достоинства и пороки родителей, и потому эта новорожденная вода чище человека.

Улица Чайковского впадает в Волгу. Летними вечерами людской поток медленно течет вниз, к набережной, пестря берег нарядами, толкаясь, посмеиваясь, забавляясь. Молодые текстильщицы в блузках без рукавов, с шестимесячными завивками, лихие солдаты, ищущие тех текстильщиц и нянек, что попроще и податливее, студентки, мечтающие о хороших парнях и довольные теми, что тоже фланируют по тротуарам с печальными глазами и тоже мечтают – не о Джульеттах, не о Женни Маркс, – о стройных ножках и тугих бедрах. Пошлые слова висят над толпой, как полчища комаров над болотом.

Но каждый день под любимым небом, под кустом, в черном зеве подъездов, в ночных смешках и смелых платьях, – среди вульгарности и скотства, – я

видел всегда другое, в которое верю – наперекор...

Набережная, я пришел сюда на следующий день после приезда вечером, как незнакомец и путешественник. Я открыл, что набережная – красивейшее место в городе, в котором я отныне служу.

Волга была спокойной, и заходящее солнце перекидывало через нее наискось багровый, слепящий мост. Гремя музыкой, проплывали теплоходы, населенные счастливыми и красивыми людьми. По крайней мере, так казалось с берега.

Я был одинок в те первые пустые вечера в этом городе. Будущее, тяжелое своей неопределенностью, висело над моей головой, было моим небом.

Я не верю, что есть герои, не знающие сомнений. Бывают люди, отшвыривающие сомнения от себя, потому что они неудобны и лишают покоя. Я же отдался им, открыв все закоулки своего сознания: я задыхался в те дни – мне не хватало веры, этой мягкой, неисчерпаемой кислородной подушки человечества.

“Жаль, что в нашем кодексе не предусмотрено наказание за казенный оптимизм”.

Я.Шафир.

10.10.92. Эпиграф взят из какой-то понравившейся статьи в “Журналисте” середины 20-х годов. Тогда я много читал из двадцатых. Впрочем, эпиграф может быть из “Красной нови”, ее-то я читал внимательнее всего остального: год за годом, пока там был Воронский. А когда я писал кое-что из того, что сейчас последует, я думал, что подражаю Пильняку (из той же “Красной нови”, отдельных изданий Пильняка в библиотеке не было; позднее я прочитал всего Пильняка, выписывая книги из Ленинской библиотеки; тогда это было возможно: художественную литературу можно было заказать, и ее присылали, и я уносил книги домой: в нашей, костромской библиотеке я был своим человеком). Выходит, тогда я накапливал и чувствовал себя хорошо; теперь и уже давно - время траты, расхода, ухода, прощания, последних надежд.

КОСТРОМА. В 1924 году здесь побывал Бабель, одесский еврей, советский писатель.

В его рассказах, клочковатых, как память, мне чудится лопотание евреев в рваных лапсердаках, замысловатое и странное, как древность, как рабби, как синагога, как книги Маймонида(...)

Мы стоим посреди монастырского двора - Володька, Вася и я - далеко не лучшие питомцы лучшего вуза страны, разные, как национальные флаги, и самонадеянные, как первокурсники. Я держу кулек с пунцовыми помидорами и вижу, что не любовью к ипатьевской старине дышат володькины небыс-

трые глаза, а откровенной помидорной алчностью.

Я делаю решительный шаг и проглатываю слюну искушения, и мы, как туристы, бездельники и тунеядцы, беззаботными, разгильдяйскими походками пересекаем двор, благоухающий ароматами человеческого быта, и в этом мыльно-клоачном запахе презрением к нашим выютюженным брючкам и чистым мордам переполнены красноватые глаза жильцов монастыря святого Ипатия.

В 1924 году здесь побывал Бабель. Он встретил тут последнего монаха Иллариона и первую жиличку, языкастую бабу Савичеву, облюбовавшую себе квартиру № 19 в архирейских покоях.

Может быть, те синие штанишки, что болтаются на веревке, перехлестнувшей угол монастырского двора, принадлежат внуку Савичевой, костромской ткачихи. И оголец этот родился под угрюмыми сводами монастырских хором и впервые глянул на мир через полутемное оконце производства XVII века. В тот же белый сводчатый потолок, по которому ползали те же мухи - убогие потомки убогих предков - в тот же потолок, в бездонную яму которого тарацил породистые царские очи младенец Михаил Романов, глазели глаза, не менее породистые, другого маленького человека - сына рабочего класса.

Мы лазали в башнях, в этих кирпичных башнях, кирпичных кувшинах, и бродили по галереям крепостных стен, сторонясь отхожих мест, основанных, вероятно, внуками Савичевых. Над галереями новыми жестяными листами синела узкая крыша. В щелях бойниц пылила сухая улица, торчала макушка церкви, клочком неба за крышами и деревьями голубела Волга.

Как гордые бояре, поступью градоначальника Лещева подня-

лись мы по широкой каменной лестнице, по перилам которой поочередно съезжали голопузые сорванцы, в собор, чья красота поразила Бабеля, но не нас, бессердечных сыновей середины двадцатого века.

Заплатив по рублю, приняв хиваясь, как старьевщики, и страстные, как туристы с иноземья, мы прошаркали туфлями залы, пахнущие сырým камнем; через стекла витрин разглядывали замшелые кирпичи летописных книг; трогали в нише загадочный кран, очень похожий на водопроводный; пытались затвердить генеалогию владельцев монастыря, и - в результате всех наших усилий - вызубрили мы, кажется, на всю жизнь, что: из Ипатьевской летописи узнана история города Владимира, оттуда же добыты сведения о “Слове о полку Игореве”, что предали свою родину польской шляхте в 1612 году костромские отцы-патриоты, и мужики да ремесленники штурмом брали сей преподобный град, где засели изменники.

Перед огромным блещущим золотом иконостасом, запрятым за решетку реставрационных лесов, мы, выражаясь банально, замерли, проникаясь неподдельным уважением к безвестным иконописцам прошлого. Черноглазые святые укоряли нас со стен, с купола, будто высыпали во все окна десятиэтажного дома близнецы, тощие, как туберкулезники недавнего времени. Церковнославянская вязь ползла по иконам, по горлу купола, по плитам пола, как полчища муравьев, она оплетала нас, непостижимая и замысловатая, как муравьиная жизнь, и Володька с медленными, сытыми глазами сказал недостающие слова:

- Тайна... Эта церковь - тайна...

Трудно понять человека, даже того, с которым прожил рядом год, трудно уразуметь другого человека. Но я, кажется,

ся, понял, потому что ощущал похоже.

22.10.92. Вот и прояснилось время: я писал это сочинение осенью 58-го года. Иначе я тогда, наверное, писать не мог: таким я был, ничего не поделаешь.

А вот надо бы спросить себя: кому интересно, каким ты был и что тогда думал?

Ты не знаешь ответа. Людей так много, их просто смыкает. Ты давно понял, что живые всегда правы, или правы только живые. Они правы, потому что живы.

Тебе казалось, что твоя жизнь что-то значит, она, может быть, и значит, но пока ты жив, иначе она не значит ничего.

У тех бояр, что отбивали здесь поклоны Господу Богу и царю, обметая пол куньими мехами незнакомой ценности, у тех, что предали родину иноверцам-католикам – какими слезами вымаливали они прощение под этим гулким куполом, где мертвой тоской заходились плачущие тенора в часы служб и кощунством звенит тонкошейей колокольчик развеселившегося ребенка; у тех, кто топал сапожниками и башмаками, шмыгал лаптями, развязавшимися некстати, – под этими взыскующими сводами, – в годы революции, когда вышвыривали за дверь черное монашье воинство; у тех, что пришли сюда крестным ходом из нищенских комнат – в царские терема, в светелки и опочивальни, загрузив их нажитым скарбом – сундуками и примусами; у всех у них, у этих людских орд, говорящих на разных языках, но принадлежащих к одному народу, было нечто общее...

Мы уходили из обители, во дворе просыхало белье Савичевых – мужчин, женщин, детей. Здесь в минуты раздумья зевали на купола и со зверской си-

лой били костяшками домино по казенному колченогому столу. А во втором дворе на курьих ножках топтались бревенчатые бани и стояла церковь – тоже на сваях – чудо минувшей архитектуры, где завтра, в понедельник, снова закопшатся реставраторы, и Савичевы снова подумают о том, что скоро их выселят из этого надоевшего им утильного мира, и дай Бог, они получат квартиру в новом фабричном доме с ванной.

Впору писать “Начало святого Ипатия”. Только вот Бабеля в 1942 году отправили на тот свет, будто это что-то доказывает. Быть бы камнем, а не человеком – все можно стерпеть.

КОСТРОМА. Поплутав в беспорядочных слободских улицах, мы, наконец, вышли к церкви, которую искали. Облезлая, облюбованная вороньими стаями, вся устремленная ввысь – куполами, крестами, колокольней, бело-грязная, она напомнила мне чахлую березу на болоте, без листьев, без веток: черная гниль съедала ее длинное белое тело.

Во дворе, за хорошо сохранившейся оградой, оказалось небольшое кладбище.

Вкривь и вкось торчали железные кресты – здесь не было пропеллеров и красных звезд – старомодное кладбище под стенами облезлой церкви – одни кресты, – что спросишь с него.

Сыны нового мира умирали не в постелях предков, в чужих краях кидало их оземь суровое небо. Над ними не громоздили массивных надгробий из мрамора и гранита, их укладывали штабелями в братских (могилах), – и немногих уцелели имена, чтоб видели потомки и не знали, чтоб плакали матери, пока живы, и вспоминали в часы семейных ссор бывшие невесты. Хорошо и жаль, что люди умеют забывать.

О тайных советниках – о толстых, со звездами в петли-

цах, – я читал в книгах и тоже, чтобы не знать, не думать об этих таинственных советниках – самодовольных, как всякое начальство, и чем-то напоминающих нынешних референтов.

Из-за витиеватой железной решетки, с камня, стоящего неуклюже, как человек, и облицованного черным мрамором, на меня уставились сухие, как невыплаканные глаза, буквы: “Михаил Саввич Сухотин, тайный советник. 1830-1891 годы”, и потому я вспомнил о тех смутных ощущениях, что дали мне книги об этой странной породе людей – тайных советниках.

Я удивился: там, за узором решетки, у ног камня, желтели ноготки – цветки строгие, как лакированные ногти, и было подметено. Господину тайному советнику продолжали оказывать почести.

Рядом – низкие, поросшие чистотелом холмики, казалось, хранили ускользящие очертания человеческих фигур, спеленутых одеялом земли. Этим – неведомых и безымянных – не почитали: деревянные кресты пошли, быть может, на растопку печей в холодные военные зимы. Неравенство верховодило и здесь, в этом царстве тлена – на этой бугристой земле.

Черному камню, брезгливо озирающему окрестность, оказывали уважение. В этом тоже крылась тайна.

И я увидел бабку в черном пальто до пят, в синем платке, с вечной каплей под хрящеватым носом. Она не стеснялась людей, сделавших церковный двор проходным. Замок на калитке в последнее поместье тайного советника давно проржавел, и старуха просовывала дрожащие костлявые руки между прутьев решетки, чтобы бросить семена ноготков и лысеющей сапожной щеткой смести пыль с мраморной плиты. Она опускалась на колени, чтобы меньше устать и дальше дотя-

нуться. А потом брела прочь, тихая, будто немая, и подол ее пальто был измазан землей. В зиму и после дождей она приходила сюда постоять: очистительной силе дождя она доверяла, а со снегом у нее не было сил бороться. Жила она одна и писем не получала уже лет пять. Икон в красном углу не держала и крестилась на старую церковь. Кто она и кем была в

прошлом, старуха не помнила, и фамилия, что значилась на извещении о пенсии, была не Сухотина. Соседка сплетничала, что в старухиной комнатке над кроватью были прикреплены к обоям шпильками пять похоронок – так иногда тщеславные хозяева вывешивают для обозрения гостей похвальные грамоты за достижения в спорте и болтовню на собраниях.

Мне казалось, что я видел эту старуху, потерявшуюся от несчастий.

Когда мы уходили, то за воротами, ведущими на старое кладбище, прочли объявление: “Граждане! Уход за могилами осуществляйте своими силами. Администрация”.

Администрация всегда говорит умные вещи, я обожаю слово “администрация”.

Длинные вечера в ноябре

БЕЗ ДАТЫ.

1. Промелькнет, отпечатается, но ненадолго, а чем далее, тем туманней, картина площади, улицы, горного луга, поля и леса, и только общий план сохраннее – с птичьего полета, с медленного вертолета.

Сегодня это – Австрия, вчера – Франция, завтра – Люксембург. Увлеченно перебирали марки, открытки, там – “живописные виды”; теперь за супом – ложка, расплескивая, тычется в рот – глаза в экране, а там – те же “виды”: мелькнут, отпечатываются, сотрутся...

Мне в те пейзажи уже не “войти”, в ландшафты те – не “вписаться”, мы все – игроки на своих полях, крепостные в своих крепостях, но: пожалуйста, пожалуйста, всюду нужны туристы, “фотографируйте себя на фоне бора и собора”, не смущайтесь под взглядами таможенников, быстрее входите в автобус и жадно смотрите в окно. Какой прелестный граничный акцент у нашего гида, но почему у них кофточки, и следует записать: в каком среднем веке выстроен этот миленький замок?

Наверное, даже так, в толпе, изумленным бараном, – хорошо, и завидуй, мечтай и откладывай, было бы на когда откладывать, – не на второй ли срок по особой милости Божьей, в надежде, что замесят тебя те

перь на других генах – сортом повыше, и ты будешь знать – всем составом племенной крови, – по каким таким правилам играют выигрывающие и как поступать со словами, которые – с Большой Буквы, со словами – для простаков, ведать не ведающих, что Долг – не долог, а Правда – без права, а в Чести – тесно.

Вот когда ничего не будешь откладывать “на потом”, откладывать – удел бедных и неудачников, – не у дачи, не у власти, не у славы, не у суммы, но у сумы, но у беды.

“Однако, останови-ка, братец, я пройдушь пешком до того угла”. Твое слегка утомленное лицо мужественно и прекрасно.

Машина послушно жметя к тротуару и к твоей ноге, как верный пес.

Ты этого хочешь, завистник? Нехорошо!

Пусть начальники

начальствуют.

Пусть завистники завидуют.

Пусть печальники печалются.

А мечтатели все мечтают.

О том, чтобы их –

“перезамесили”?

Ты, подлый, с подлым вопросом – из-за угла?

Воцарившаяся дворяня, дворянствуй, но оставь нас.

Был миг, ты подумал, как хорошо-то быть там и там –

своим, там и там – в Зальцбурге или Лодзи, где угодно, – идти, держать за руки детей, жить – гражданином мира, беспаспортным, фантастическим человеком, пересекающим безграничное пространство – легко и без цели, потому что жизнь не цель, а счастье присутствия – одновременного – с родными и близкими – здесь и сейчас.

Был такой миг, пришло же в голову, что ты вот мог бы “там и там” быть, и тотчас на месте “мог бы” возникла Невозможность, абсолютная, горчайшая, и ты понес ее в себе, как занозу души.

Так несерьезно было это “мог бы” – игра, каприз воображения, но – платишь тихой болью, похожей на ту, что сопутствует мысли о смерти: равная Невозможность – избежать и достигнуть.

На экране мелькала, пронеслась Австрия, полчаса Австрии, чужой красоты, витринной, от нее – никуда, ни дома, ни там: товар лицом, витрина материализует идеал, а идеал в наши просвещенные дни надо раньше всего пощупать, помусолить, продегустировать, а потом зафотографировать, намотать в кинокамеру. И промелькнула, и отпечаталось что-то общим планом, общим видом, но была минута: приятный телекомментатор сошел с поезда на ма-

леньком вокзале, с вещами в руках, он показывал нам высокогорный курорт и подвел нас к старому и, по-моему, обычному дому, растворил дверь и вошел. И ничего более, но я-то вошел вместе с ним, будто Ганс Касторп в "Берггоф", и я подумал: вот поселимся и, не оговаривая срока, не думая о нем, станем жить, тихо, не повышая голоса, спускаясь к завтраку, обеду, ужину, гуляя, читая, доверившись хозяйскому попечению. Кажется, у того дома было домашнее лицо, без парадного подъезда; во всяком случае, оно не было чиновным и не ко множествам было обращено, а к отдельному частному человеку: приезжайте, сговоримся, живите спокойно, ни о чем не волнуйтесь.

И я подумал, что мог бы, все мои могли бы всходить по этому крыльцу, пересекать эту улицу, смотреть на эти горы и быть при этом — только собою, самими собою, без ролей, вымученных, осточертевших, унижающих. Но какая Невозможность открылась тотчас, будто подстерегала! Какая беспощадная и неумолимая!

...А я б тебя довел не то что бы в Давос — до звезд.

Так ли у Кирсанова?

В оба конца — одно и то же: что до Давоса, что — до звезд. Время множеств.

Время умножения множеств.

Время ограниченных пространств.

Никогда поезд из двух вагончиков не привезет тебя на тот маленький вокзал, и никогда ты не пересечешь ту площадь и не войдешь в двери дома, обещающего покой и свободу.

Никогда не встречать тебе на том пустынном перроне твоих мальчиков и жену, вызванных бодрой телеграммой.

Никогда.

"Наши сегодняшние передачи окончены..."

2. УТРЕННИК В ДЕТСКОМ САДУ.

Ну, хорошо ли вглядываться в лицо Другого человека?

И хорошо, и даже — необходимо.

И физиономистов теперь в разных управах — видимо-невидимо.

Они усердно читают в наших глазах, в морщинах лба, в нервном тике рта — пусть тщатся! — что-нибудь да поймут, но будет лучше, если останемся непрочитанными.

К счастью, это пока еще в наших силах. Они преувеличивают наши возможности, наше предполагаемое хамелеонство.

Привет тебе, человек с тысячу лиц, не ты ли — неисчерпаемый рудник для добычи показаний против тебя, против ближнего своего?

Ваше т р у д о в о е лицо должно быть ясным и чистым!

Прекрасны пожелания и вопросы пытливого проникающего разума:

Где ваше, товарищ, партийное лицо? Где вы потеряли советский облик? Когда же вы, наконец, перестанете марать свое профсоюзное лицо, его рабоче-крестьянские черты? Ваше классово-чуждое лицо в нашем коллективе навсегда останется одиноким. Твое идейное лицо насквозь порочно. Ваше двуличие известно всему пролетариату. Давно пора открыть народу ваше хулиганское лицо с его антиобщественными гримасами. И пора-пора противопоставить этим уголовным отщепенским мордам румяное и счастливое лицо колхозного активиста, славного пропагандиста нового быта!

Всякое и всяческое срывание масок ищут в лице тысячу лиц и личин, но — л и ц о ч е л о в е к а? — оно нужно, интересно?

Не с него ли то и начато: маска за маской, слой за сло-

ем, не технология ли скальпирования перед нами?

Ну, хорошо ли вглядываться в Другое лицо?

Хорошо тому, кто вглядывается в мнимую тысячу лиц одного человека, но Л и ц а — не различает.

То есть: не различает драматической участи э т о г о человека.

Не различает, и потому душа его не болит.

Я замечал, что вглядываться в лицо Другого человека — тяжело: видишь, как проступает лиловая печать судьбы.

Боже, как щедро — и от всего сердца — актерствуют эти женщины, представ перед ребятами Королевой Осени и Огородником, как молодое, живо и свободно движутся они по этой тесной, сжимающей праздник комнате старого, убогого деревянного дома, как увлечены они и г р о й, в которой всегда есть что-то от счастья, но как запретить глазам своим в и д е т ь эти синеватые тени и круги под их глазами, этот лиловый отпечаток каждодневной домашней драмы и ноши, штемпель доли.

Еще это напоминает по цвету золу. Нехорошо вглядываться в лицо Другого человека, когда оно не защищено и беззащитно.

Будто заглянул в окно, когда штора была задернута не до конца.

Возможности хамелеонства преувеличены. В наших глазах, в морщинах лба, в тике рта приоткрыта наша единственная, наша первая и последняя судьба, но пусть о н и лучше изучают мое к л а с с о в о е лицо и все остальные, важные для них лица, но только пусть не касаются м о е г о лица.

Однако почему под моими ладонями на щеках моих кровь?

От этого едва заметного скальпирования теперь умира-

ют редко, раньше это случилось чаще.

Сколько золы развеяно славным ветерком истории!

Поля отечества бескрайни.

3<...>

4. Почему-то я вспомнил сегодня, что о н и прочли чуть ли не каждый день, верно, читали! – в этом заключалась существенная часть их ответственной службы по охране государства и партии, – они прочли, может быть, все до единого наши с тобой письма, еще не мужа и не жены письма, а, решусь написать, – жениха и невесты, не обрученных, но разлученных.

Наверное, они вдоволь посмеялись и вдоволь надругались над нами, над нашими словами.

Я был глуп и не сомневался, что письма читают только те, кому они обращены.

А о н и все это прочли, улавливая преступника, и мне до сих пор от их начитанности не по себе. Мне не стыдно того, что писал тогда, но лучше все-таки было бы помнить о “всевидящем взгляде”.

Умен Б.С., но не постеснялся же сказать мне, что читал некоторые из моих писем: они в моем деле, и это дело – здравствует, и в него те, кому полагается, заглядывают, сверяя свои впечатления и проникая меня, сегодняшнего, хотя и начальствующего, и доверием облеченного.

Правда, я надеюсь, что писем к тебе там уже нет; любви и тоски в них было гораздо больше, чем политики.

Таких писем я уже никогда не напишу, я уже другой: не мальчик я, а муж. Впрочем, если меня разлучить с тобой... А они пусть продолжают читать, на то и грамота, на то и страх, они продолжают бояться.

Говорят, что даже письмо Татьяны Лариной Евгению

Онегину было перлюстрировано.

5. Даже о самом себе трудно рассказать толково.

Все неясно вокруг, все смутно, какие-такие впереди огоньки?

Ты в больнице, как в темнице, а я с сыновьями, и такое чувство, будто держу круговую оборону. Похожее ощущение у меня уже было, в нем есть своя отрада, и еще оно укрепляет волю.

“И окна мешками с песком заложив, услышишь свободы наивный мотив”.

По разным поводам это чувство должно приходиться к каждому человеку. Наши предки, те, что ходили в шкурах, только тем и занимались, что держали круговую оборону.

Может быть, это самое несомненное, подлинное из того, чем занимается человек: оборона, защита от холода, голода, беды, болезней, врагов. В этом смысле труд и быт старого исчезающего крестьянина были несомненное многих достойных занятий.

Когда законопачиваешь оконные рамы в предзимье, пилишь, колешь и укладываешь в поленницу дрова, то чувствуешь, как стены твоей крепости становятся выше и крепче.

Когда Ной спозаранок обходил еще спящее судно и затыкал промасленной ветошью щели, он испытывал те же чувства.

6. (...) Как прекрасно придуман человек, и как бездарны государственные игры взрослых!

Актеры актерствуют. Не беда. Актерствуем всем скопом, вот знамение века.

Он пришел с работы. Не правда.

Он пришел с представления. Баобабы любительского театра!

Они дают ростки повсюду: в прядильном цехе, на молочной ферме, на строительной площадке; это на их роскошных ветвях конторы вознесены к небу и к будущему.

Беда в том, что не все успевают выучивать роли, приходится читать текст на глазах публики, а это снижает впечатление и ослабляет воспитательное воздействие. Однако средний уровень актерского мастерства неуклонно повышается, и скоро уже будет трудно отличить сцену от партера и лож, а великих постановщиков – не чета Станиславским – в жизни всегда хватало, уроки их режиссуры, плоды их системы мы ощущаем постоянно, вживаясь в предуказанные роли.

Как прекрасно задуман человек, но почему правят им Роли, почему ради них он жертвует самым заветным и самым чистым?

Как много мне лет!

Я занимаюсь тем, что отталкиваю себя от края сцены, от оркестровой ямы, я настойчиво выпроваживаю себя за кулисы, подальше, чтоб ничего не видеть и меньше слышать.

А там остается Он, мой терпеливый и уставший двойник, чтобы говорить: вполголоса полуправду-полуложь, пожимать плечами, разводив руками, посмеиваться, всегда мило, всегда кстати, избегая лишь одного: названия вещей их точными именами.

Такова роль, и отталкивая себя от себя, держи себя за руки, старайся не видеть, зажимай уши, прикусывай язык, не дразни собак, терпи бесконечно.

У дверей дома я отряхиваюсь, как собака после дождя и грязной улицы, забрызгивая стены ошметками всякой пакости.

Лучше написать, как Он стирает, снимает грим с лица перед зеркалом за туалетным

столиком, но о т р я х и в а т ь с я – даже картиннее.

7. Кажется, названо все, п р о и м е н о в а н о.

Многое проименовано государством, попытка п е р е и м е н о в а н и я – уже революция.

Литература и наука существуют, потому что – на самом деле – названо не все, и никогда названо все не будет.

Всезнающее, все назвавшее, проименовавшее государство с неизбежным подозрением относится к литературе, к философии, ко всему, что уверено в своем бесконечно неполном знании и стремится давать вещам более точные имена.

Чем шире круг твердо и навсегда б е з о г о в о р о ч н о названного, тем опаснее это для человека.

Постоянно происходит модернизация государственной и научной (под приглядом государства) терминологии, но это не утешает: расстояние между вещами и словами при этом почти не сокращается. Однако гложет страх, что проименование зайдет слишком далеко, упразднив такие слова, как любовь, душа, вдохновение.

Звери не зря испугались, когда козленок их сосчитал “до десяти”. Наша надежда в том, что не все в человеке и человеческое поддается строгому учету и безоговорочному называнию надолго в рамках государственного словаря.

Пока эта надежда сбывается. Пока ж и в а д у ш а и б о л и т с е р д ц е, люди остаются людьми.

8. – Хороша ли свобода?
– Не знаю.
– Но вы свободны?
– Свободен.
– А, может быть, несвободны?
– Да, несвободен.
– Так что же вам дороже – свобода или несвобода?

– Пока наши головы не опутаны проводами, мы думаем, как и что хотим. Это уже или еще, – как посмотреть, – свобода. Жена и Дети, Дом и Быт, укореняющие человека, вроде бы свободе мешают. Однако эта несвобода укрепляет свободу. Образуется плацдарм свободы – духовной свободы.

Но вот детская наивная слабость: захотелось подышать воздухом воли и нацепить красный бант.

– Оказывается, вам нужна свобода ношения красных бантов и свобода уличных шествий?

– Простите, что перебиваем вашу беседу. Гражданину, отвечающему на вопросы, надлежит явиться завтра в комнату Инвентаря свободы. Гражданину, задающему вопросы, напоминаем его инвентарный номер: 150 миллионов. И призываем его поделиться воздухом свободы из домашнего баллона. А также вовремя разглядеть красные банты. И взять в пункте проката красное знамя. И пусть себе свободный гражданин свободно играет.

– Но я говорил о плацдарме, зачем вы привели меня на этот пыльный, бетонный плац, на этот огороженный квадратный двор, кто вы, зачем вы опоясываете меня пулеметными лентами, что это там грохочет, почему стреляют?

– Разве вы не узнаете? Это стреляли шестидюймовки “Авроры”, а это – форты Петропавловки. Ну-ка, повыше знамя, перестаньте сутулиться, тверже шаг, – “неугомонный не дремлет враг”! Запевай! Эй, Харитонов, этот революционер что-то хреново бегаёт. Не из офицеришек ли он? Выбрось-ка его за борт, по Эйзенштейну!

Вечером жена плакала, смазывая йодом мое лицо: кожи на нем почти не осталось. Они волокли меня за ноги, но быстро устали и бросили в сторонке. Сказали, чтобы утром весь инвентарь был сдан, и жене еще придется ночью отстирывать знамя.

9. КУДА ГОНИТ НАС ВЕТЕР?

Я так упорно и долго пережидал его за углом, что не пора ли послушаться и поддаться? И узнать, куда же и зачем влечет он нас – то есть положиться на судьбу.

Если бы ветер всегда дул в паруса мечты, то какими счастливыми мы, вероятно, были бы. Правда, на “парусах” и “ветре” я не настаиваю: красивые фразы подозрительны.

Просто есть на свете что-то, чего ты действительно хочешь. Сбудься оно, еще неизвестно, много ли было бы радости или больше – печали, но все-таки ты этого хотел, и тут все правильно, как бы оно ни обернулось.

Обижаться грешно: (...) сбился целый огромный мир...

Однако настает утро понедельника. Я читаю всякую дребедень, чтобы к вечеру не вспомнить ее даже под угрозой расстрела. Я выслушиваю указания и советы, но выполняют их пусть другие. Однако дела так важны, а люди так серьезны, и я уже не я, а оккупированная территория, и вдруг бесполезность такой жизни, пробалтывание жизни становятся очевидными, и нет желания острее, чем спрятаться, схорониться в темном углу.

О зимнем Шабанове рассказывала ты.. Сколько раз представлял я себе нашу жизнь там, среди пустынных зимних полей и лесов, одинокую, тихую, однообразную, но возвращающую здоровье и истинную меру вещам и событиям. Невозможно счастливую жизнь, когда не нужно никуда спешить, поспевать, кого-то обгонять. Может быть, это от того, что жизнь все больше походит на беготню, на кросс, и, толкаясь острыми локтями, вперед пробиваются будущие победители. Надо забраться на русскую печь и дремать, впитывая боками ровное и гладкое тепло кирпичей, слушая, как трещит в самоваре лучина и постукивает рукомойник. < . . >

(1973 год)

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ БЕРЕЗКА

Ты березка, ты кудрявая,
Костромская да моложавая,
Ты когда,
да ты когда взошла,
Когда выросла?

– Я весной взошла,
Летом выросла,
По зарям цвела,
Солнцем вызрела.

Завивайся, березка,
Завивайся, кудрявая!
К тебе девки пришли,
К тебе красные пришли.

К тебе красные пришли,
Пироги принесли,
Пироги принесли
Со личницею.

«ЗАВЬЮ Я ВЕНОЧЕК»

Святой Духа – Троица,
Позволь нам гуляти.
Позволь нам гуляти,
Венки завивати.
Завью я веночек
На круглой годочек.

Кругло наше поле,
Кругло невеличко.
На нем ягод много,
Зрелых и спелых.
Ну, я, млада, брала,
В фартушек клала:

Зрелки – на тарелку,
Зеленушки – в хвартушки,
Зрельш – родному батьке,
Зеленушки – все свекру,
Чтоб он подавился,
Со мной не бранился.

ПЕСНЯ НА КУМЯНИИ

Ну-ка, кумушки,
Мы покумимся,
Ой, люшеньки-люли,
Мы покумимся.

Мы покумимся –
Поцелуемся.
Ой, люшеньки-люли,
Поцелуемся.
Приходи, кума,
Киселя хлебать.
Ой, люшеньки-люли,
Киселя хлебать.

Киселя хлебать,
Украшенья брать.
Ой, люшеньки-люли,
Украшенья брать.

Записано у Н.Н. СМЕРНОВОЙ,
1920 г.р., г. Кострома

Народные песни исполняет фольклорный коллектив «Долинушка» (руководитель Г.Ю. Хачатурова). 1990-е гг.

ГУБЕРНСКИЙ

3 (49)

2002

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

ДОМ

Любезные читатели!

Следующий номер журнала будет посвящен теме народного образования и просвещения в Костромском крае. Традиции классического образования. Как используются они в современном учебном процессе?

Сегодняшние гимназии и лицеи. Полезный или горький опыт? Педагоги-новаторы. Каково им служится в школе? Творчество учителей и детей. Кого оно сейчас интересует?.. На эти и другие вопросы, связанные с историей и нынешней жизнью костромской школы, нам помогут ответить известные просветители прошлых лет, лучшие учителя нынешних лет, а также сами дети и их родители. А еще - исторические документы и публикации на данную тему.

До свидания!

Редакция благодарит руководителей и сотрудников Костромского музея-заповедника, областного государственного архива, областной научной библиотеки за помощь и поддержку в подготовке «Губернского дома».

Редактор Николай Муренин

Заместитель редактора Татьяна Гончарова

Художник Юрий Бекишев

Фото Алексея Алядинова, Георгия Белякова, Юрия Чеботарева, из частных коллекций. Исторические снимки В.Н.Кларка, Д.И.Пряничникова, М.Ф.Риттера, из фондов Костромского музея-заповедника.

Компьютерный набор - Екатерина Соколова

Корректурa - Татьяна Бекишева

Верстка и подготовка оригинал-макета -
Евгений Виноградов, Екатерина Соколова

Адрес редакции пока неизвестен.

Извините, рецензировать и возвращать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 10.01.2002 г. Подписано к печати 30.04.2002 г. Заказ № 2191.

Печать офсетная. Объем 18 п.л. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Набрано и сверстано в редакции журнала «Губернский дом», отпечатано в ГУП «Областная типография им. М.Горького» департамента по делам печати и массовой информации администрации Костромской области, г. Кострома, ул. Щербины, 2.

*Московская застава в Костроме. Фрагмент памятника истории.
Фото Геннадия Усоева.*